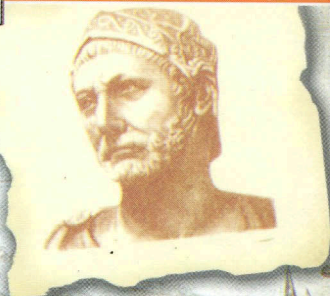

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ
И СРАЖЕНИЯ

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ
И СРАЖЕНИЯ

КАННЫ

- 216 г. до н.э. -

КАННЫ

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ И СРАЖЕНИЯ

Януш Сикорский

КАННЫ

-216 г. до н.э.-

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МОСКВА • 2002

GERZA SCAN

УДК 94 (397.3)
ББК 63.3(0)3
С35

Серия основана в 2002 году

Janysz Sikorski
KANNY, 216 p.n.e

Серийное оформление С.Е. Власова

Перевод с польского

Печатается с разрешения издательства Bellona
и литературного агентства Nova Littera Ltd.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.04.02.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 9,24+1,26 вкл.
Тираж 5000 экз. Заказ 4012.

Сикорский Я.

С35 Канны, 216 г. до н.э. / Я. Сикорский. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 176 с.: 24 л. ил. — (Великие битвы и сражения).

ISBN 5-17-014472-5.

Во время второй Пунической войны карфагенская армия Ганнибала ударами с флангов окружила и уничтожила 80-тысячную римскую армию. В этом проявилась гениальность Ганнибала как полководца. Битва при Каннах уже в древности считалась непревзойденным образцом военного искусства. Название «Канны» впоследствии стало применяться ко всякому бою, приведшему к окружению и полному разгрому войск противника.

Для широкого круга читателей.

УДК 94 (397.3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 5-17-014472-5

© Dom Wydawniczy Bellona
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ВВЕДЕНИЕ

Битва при Каннах — одна из величайших битв античных времен, произошедшая в 216 г. до н.э. во время второй Пунической войны. В истории войн и военного искусства она занимает особое место. Как никакое другое сражение, эта битва оставила свой след в теории и практике военной науки и нашла широкое отражение в военной литературе, являясь классическим примером окружения превосходящих сил противника меньшими силами с целью его полного уничтожения.

Со временем слово «Канны» стало нарицательным. «Вторыми Каннами» называли окружение под Седаном во время франко-прусской войны французской армии Мак-Магона, насчитывающей почти 130 тысяч солдат. С античной битвой историки сравнивают и многие сражения XIX и даже XX века, находя в них идеи знаменитого каннского маневра Ганнибала.

Известный немецкий военный теоретик фельдмаршал Альфред фон Шлиффен, выполняющий обязанности шефа немецкого Генерального штаба в 1891—1905 гг., написал книгу «Канны»¹, в которой исследовал важнейшие сражения и операции военной истории с точки зрения достижения «совершенных Канн». Он описал и проанализировал ход франко-прусской войны 1870—1871 гг., начав свои рассуждения с описания битвы при Каннах. Выступая против затягивания войны и проповедуя необходимость ведения молниеносных военных действий,

¹ A. von Schlieffen. *Cannae*. Berlin, 1936.

Шлифен ратовал за проведение фланговых действий по образцу каннского сражения. Он видел тактические принципы Ганнибала во многих сражениях времен Фридриха II и Наполеона Бонапарта. Битву при Каннах ставят наравне и с военными действиями времен первой мировой войны. Так, например, ее сравнивают с маршем 1-й немецкой армии генерал-полковника фон Клюге на Париж в 1914 году. Каннская идея двухстороннего обхода и полного окружения противника с целью его полного уничтожения видна и в знаменитой Сталинградской битве 1942—1943 гг.

Кроме своих тактических и стратегических особенностей, битва при Каннах вызывает восхищение личностью победоносного карфагенянина Ганнибала, одного из самых прославленных полководцев древнего мира, который вошел в историю военной науки наравне с Александром Великим, Публием Корнелием Сципионом Африканским или Гаем Юлием Цезарем. «Ганнибал был величайшим из солдат. Никто другой в истории не сумел, так как он, спрятать целую армию где-то за туманом, в котором шел ничего не подозревающий неприятель, или же наставить хитрых капканов в таких местах, как поле битвы при Каннах. Никто другой, за исключением Александра Великого, не смог удержать в течение стольких лет армию на вражеской территории»¹.

Память о Ганнибале прошла через многие века. Это тем более удивительно, что история его жизни содержит много невыясненных загадок, разгадать которые пытались очень многие. Отсюда и такое многообразие литературы по этой теме. Попробуем вкратце рассмотреть основные источники, из которых берутся наши знания о второй Пунической войне между Римом и Карфагеном, о битве при Каннах и о Ганнибале.

Среди первоисточников следует особо выделить «Историю» Полибия в 40 книгах, которая охватывает события 220—146 гг. до н.э. Это произведение, к сожа-

¹ Н. Lamb. *Hannibal*. Warszawa, 1962. S. 423—424.

лению, не сохранилось полностью, до нас дошли только первые пять книг, где описываются главные события Пунических войн вплоть до Каннского сражения. Много внимания Полибий уделил, прежде всего, политической истории, а именно: военным событиям, свидетелем которых он был лично. Его «История» считается самым достоверным и точным источником периода великих римских завоеваний¹. Вторым весьма ценным для нас источником является «Римская история от основания города» в 142 книгах, написанная одним из известнейших римских историков Титом Ливием. Этот труд дает нам непрерывное описание событий 218—168 гг. до н.э. (книги 21—45). Именно эта часть трудов Ливия отличается значительной исторической достоверностью по сравнению с книгами, описывающими более ранние события². Важным первоисточником также является «Римская история» Аппиана из Александрии. Целиком сохранилась 7-я книга этого труда, посвященная войне с Ганнибалом на территории Италии. Дополнительные сведения, касающиеся главных действующих лиц той эпохи, можно найти в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха³, куда включены биографии знаменитых римских полководцев Фабия Максима Кунктатора и Луция Эмилия Павла.

Среди научной литературы существует множество публикаций, касающихся как второй Пунической войны в целом, так и самой битвы при Каннах. Однако в основном это литература на иностранных языках, в то время как русскоязычные источники представлены более чем скромно. Учитывая характер данной книги, мы хотим только обратить внимание читателя на самые важные из них.

¹ Por. M. Jaczynowska. *Historia starożytnego Rzymu*, Warszawa, 1974. S. 75.

² Там же.

³ Plutarch z Cheronei, *Żywoty sławnych mężów*, przeł. M. Brożek, wstęp i komentarz T. Sinko, wyd. III, Wrocław, 1956.

Итак, вторая Пуническая война и битва при Каннах нашли достойное место в литературе, посвященной всеобщей военной истории. На первое место тут следует поставить работу Ханса Дельбрюка. В первом томе его труда, посвященного античности, кроме других представлена и битва при Каннах. Надо отметить, что до сегодняшнего дня его работа носит фундаментальный характер¹. Заслуживает внимания также труд И. Кромайера и Г. Вейта², а также их атлас античных сражений, включающий и план битвы при Каннах³. Эти же авторы занимались изучением проблем тактики римской армии того периода⁴. Среди общих работ, содержащих интересующие нас проблемы, можно отметить III том труда У. Каршtedта⁵, а также произведения А. Эдкока и Г. Вебстера⁶, касающиеся римской армии и военного искусства.

Среди работ прошлых лет, касающихся самой битвы и ее великих участников, и прежде всего, Ганнибала, следует особо выделить монографию Фридриха Корнелиуса⁷. Он коснулся хронологии Каннского сражения,

¹ H. Delbrück. *Geschichte der Kriegskunst im Rahmem der politischen Geschichte*. Bd. I, Das Altertum, Berlin, 1964. Fünftes Buch. *Der zweite punische Krieg*, s. 319—416. Erstes Kapitel. *Die Schlacht bei Cannä*, s. 326—351.

² J. Kromayer, G. Veith. *Antike Schlachtfelder*, t. 1—4, München, 1903—1931, особенно часть 1 тома III, охватывающего вторую Пуническую войну на территории Италии.

³ J. Kromayer, G. Veith. *Schlachten-Atlas zur antiken Kriegsgeschichte*. München, 1922.

⁴ J. Kromayer, G. Veith. *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*, druck. w Handbuch der Altertumswissenschaft hrsg. von W. Otto (IV, 3, 2) München, 1963. S. 288—296.

⁵ O. Meltzer, U. Kahrsted. *Geschichte der Karthager*, t. I—III. Berlin, 1870—1913.

⁶ F.E. Adcock. *The Roman Art of War under the Republic*. Cambridge, 1940; G. Webster. *The Roman Army*. Chester, 1956.

⁷ F. Cornelius. *Cannae. Das militärische und das literarische Problem*. Leipzig, 1932.

соотношения сил сражающихся сторон и, прежде всего, самого места битвы, поскольку существуют разные точки зрения по поводу того, на каком именно берегу реки Ауфид произошло Каннское сражение. Корнелиус провел также анализ пересказов Полибия, Ливия и Аппиана.

Большая часть исследований затрагивает проблемы второй Пунической войны в целом, и особенно, вопросы перехода Ганнибала в Италию и его искусства главнокомандующего. Личность Ганнибала как полководца и политика интересует многих историков. Начиная с трехтомного биографического труда Э. Хенеберта¹, который появился в последней четверти XIX века, стоит обратить внимание и на исследование Э. Грога², В. Герлица³, Г. Аудисио⁴, Дж. де Бира⁵ или Х. Пикарда⁶. Особый интерес исследователей вызывает марш Ганнибала, переход через Альпы воинов и особенно боевых слонов, привезенных из Африки. Этой проблемой, в частности, занимались С. Торр⁷, упоминаемый уже ранее де Бир⁸, а также Д. Лазенб в последней работе по этой теме, содержащей интересно обработанную хронику перехода карфагенской армии⁹.

Естественно, кроме вышеназванных источников, существует еще множество трудов, посвященных второй Пунической войне и Ганнибалу, как в виде отдельных

¹ E. Hennebert. *Historie d'Annibal*. 3 vol. Paris, 1870—1878.

² E. Groag *Hannibal als Politiker*. Wien, 1929.

³ W. Görnitz. *Hannibal. Der Feldherr, der Staatsmann, der Mensch*. Leipzig, 1935; там же, *Hannibal. Eine politische Biographie*. Stuttgart, 1970.

⁴ G. Audisio. *Hannibal*. Paris, 1961.

⁵ G. de Beer. *Hannibal*. London, 1969.

⁶ G. Ch. Picard. *Hannibal*. Paris, 1967.

⁷ C. Torr. *Hannibal Crosses the Alps*. Cambridge, 1935.

⁸ G. de Beer. *Alps and Elephants. Hannibal's march*. London, 1955.

⁹ J.F. Lazenby. *Hannibal's War. A military history of the Second Punic War*. Warminster, 1978.

книг, так и большого количества очерков и статей. Это
лишний раз говорит о том, что проблема, ставшая со-
держанием этой книги, и до сегодняшнего дня вызывает
большой интерес, как историков, так и читателей во
многих странах.

СОПЕРНИЧЕСТВО ДВУХ ДЕРЖАВ

Объективной причиной ведения Пунических войн была борьба за Сицилию. Толчком же к началу военных действий послужило стремление двух античных держав, Карфагена и Рима, завладеть бассейном Средиземного моря. Карфаген представлял собой древнюю финикийскую колонию, расположенную на северном побережье Африки, на территории современного Туниса. Со временем колония превратилась в сильное государство, которое подчинило себе значительную часть территорий Северо-Западной Африки. В середине V в. до н.э. Карфаген стал одним из сильнейших государств западного мира¹. Он сумел подчинить себе многочисленные финикийские колонии, а также завоевать Балеарские острова, остров Сардинию, западную часть Сицилии и небольшие островки, разбросанные между Сицилией и Африканским континентом. На побережьях Северной Африки владения Карфагена простирались от границ Киренаики, выходя за Гибралтарский пролив и достигая территории, противоположащей Канарским островам.

В IV в. до н.э. Карфаген был ведущей торговой державой на Средиземном море, его корабли доплывали даже до Британии. В стране была сильно развита земельная собственность, и уровень сельского хозяйства был довольно высок. Несмотря на то, что население едва достигало 200 тысяч², Карфаген мог проводить великодер-

¹ Jacynowska, указ. соч., с. 86.

² Piotrowicz L. *Dzieje rzymskie*, w.: Wielka Historia Powszechna, t. III. Warszawa, 1958. S. 192.

жваную политику и на протяжении многих веков играть важную роль, благодаря огромным материальным запасам. Доходы в казну поступали от таможенных выплат и от дани, которую платили города и беспощадно эксплуатируемое ливийское население, а также подданные на Сицилии и Сардинии. Отличное состояние финансов позволяло карфагенянам содержать огромный военный флот, а во время войны выставлять большую армию наемников¹.

Торговая экспансия Карфагена привела к столкновению с греками. Особенно остро это проявилось на Сицилии, где находилось сильнейшее государство Великой Греции — Сиракузы. Зато между Римом и Карфагеном долгие годы сохранялись мирные отношения, поскольку карфагеняне были естественными союзниками римлян в борьбе с греками. В IV и III вв. до н.э. римляне завоевали множество италийских племен, что позволило им вырасти в сильнейшее государство Центральной Италии. С завоеванными племенами победители заключали отдельные союзы на различных условиях. Эти племена обязались поставлять военные отряды для римской армии и не могли проводить собственной внешней политики, приобретая статус союзников Рима. Позднее, по окончании так называемой союзнической войны, проходившей в 90—88 гг. до н.э., некоторые племена получили права римских граждан.

Отношения между Римом и Карфагеном начали принципиально меняться, когда римляне, завоевав всю Южную Италию и, особенно, город Регий, вплотную приблизились к сицилийским владениям Карфагена, от которых их теперь отделял только узкий Мессинский пролив. Римляне не могли допустить постоянного расширения власти карфагенян на острове. Сицилия являлась естественным продолжением и неотъемлемой частью Италии, и захват ее территории конкурентами означал для римлян закрытие бассейна Тирренского моря и Мессинского

¹ Piotrowicz L. *Dzieje rzymskie*, w.: *Wielka Historia Powszechna*, t. III. Warszawa, 1958. S. 194.

пролива. Кроме того, это представляло бы постоянную угрозу для Италии. Поэтому стремление римлян к завоеванию Сицилии стало причиной первой Пунической войны в 264—241 г. до н.э. и начала долгого периода войн за господство на Средиземном море.

Непосредственным поводом к конфликту и объявлению войны послужил тот факт, что римляне оказали помощь мамертинцам, наемным солдатам из Самния и Кампании, которые служили в войске тирана Сиракуз Агафокла. После смерти тирана мамертинцы завоевали город Мессану, идя таким образом на конфликт с новым хозяином Сиракуз Гиероном II. В битве на реке Лонгано Гиерон разбил мамертинцев и попытался занять Мессану, однако его опередили карфагеняне, также заинтересованные в завоевании этого города. В этой ситуации Гиерон, не желая войны с Карфагеном, приостановил военные действия.

Когда римские войска переправились на Сицилию и установили контакт с мамертинцами, те коварно захватили командира карфагенского гарнизона Ганнона, вынудив его покинуть замок, а затем впустили в город своих новых союзников. В ответ на это карфагеняне потребовали отвода римских войск, а когда их ультиматум не был выполнен, объявили римлянам войну. Одновременно с этим они выслали под Мессану армию, которая заблокировала город как со стороны материка, так и со стороны моря. Союзником карфагенян стал тиран Сиракуз Гиерон. Несмотря на то, что все подходы к городу были перекрыты, римскому консулу Аппию Клавдию под покровом темной ночи удалось перебросить свои главные силы к Мессане и отразить несколько атак сиракузян и карфагенян.

Только в следующем, 263 г. до н.э., консул Марк Валерий, который принял командование римскими войсками в Мессане, в конце концов, вынудил Гиерона, а затем и карфагенян отступить и занять осадное положение. После этой удачи римляне перебросили на Сицилию вторую армию под командованием консула Отацилия, и оба командующих начали действия, направленные в глубь ос-

трова. Поскольку многие греческие города перешли на сторону римлян, Гиерон, видя бесплодность дальнейшей борьбы на стороне карфагенян, заключил мир с Римом и стал его союзником. При этом он не учел, что Сиракузы, имея мощные фортификационные сооружения и открытый доступ к морю, могли бы с успехом обороняться. С этого момента Сиракузы стали вассалом Рима, и политическая самостоятельность сицилийских греков была окончательно потеряна.

Отдавая себе отчет, что их наемные войска не смогут в открытом поле одолеть римские легионы, карфагеняне ограничились обороной укрепленных городов, особенно приморских, которые трудно было захватить, пока карфагенский флот господствовал на море. В 262 г. до н.э., после шестимесячной осады, римские войска захватили союзный с Карфагеном сицилийский город Акрагант. Однако их дальнейшие успехи на Сицилии затрудняло решающее превосходство карфагенского флота, который предпринимал разбойничьи походы на побережье Италии. В конце концов, в Риме поняли, что прежде всего надо сломить противника на море. Поэтому было принято решение о строительстве сильного военного флота.

Строительство продвигалось быстро, и в 260 г. до н.э. римляне имели уже 123 корабля, в том числе 100 пятипалубных, или имеющих пять рядов весел с каждого борта, и 23 трехпалубных. Пятипалубные корабли (пентеры) были длиной более 50 метров, шириной от 5,5 до 8 метров, осадка судна составляла около 4 метров, а водоизмещение 534 тонны. Экипаж пентеры насчитывал 120 солдат и 300 гребцов. Материал, из которого делались корпус, рангоут и парусное оснащение этих кораблей, не намного отличался от старых трехпалубных греческих и финикийских галер. Кроме того, римские военные корабли имели на бортах деревянную броню из толстых дубовых бревен. Иногда на палубах размещали метательные орудия, а также башни для лучников и пращников. Чтобы компенсировать отсутствие опыта и умения в морских сражениях против карфагенян, а также чтобы максимально приблизить условия морского боя к битве на

суше, в которой римляне были непревзойденными мастерами, в римском флоте использовали специальное приспособление. Поскольку высота бортов составляла в среднем около 3 метров над поверхностью воды, то это затрудняло переправу на палубу неприятельского судна, поэтому во время abordажа римляне использовали подвижные деревянные мостики, которые после сцепления сражающихся кораблей бортами перебрасывались на вражеское судно, облегчая переход на его палубу.

Каждая римская галера была снабжена таким выдвижным помостом длиной 11 метров и шириной более 1 метра. Вдоль него тянулись поручни или сплошные парапеты. Помост находился на носу корабля и был прикреплен к высокому восьмиметровому столбу, вертикально торчащему над палубой и упирающемуся в киль судна. Он мог поворачиваться вокруг себя в радиусе 300°. Абордажный мостик, или «ворон», был нижним краем прикреплен к столбу на высоте четверти метра над палубой. К верхнему краю мостика крепился толстый канат, с помощью которого его можно было поднять или опустить, а покрутив столб — повернуть к правому или левому борту. Один край мостика имел внизу металлический зубец, который при резком падении вбивался в палубу неприятельского корабля, стабилизируя переправу пехотинцев и не давая вражескому судну оторваться.

Первая же морская битва, произошедшая в 260 г. до н.э. около Липарских островов, оказалась для римского флота неудачной. Зато следующая, произошедшая в том же году у мыса Милы к северо-западу от Мессаны, имела совсем другое развитие, благодаря используемым римлянами абордажным мостикам. Посмотрим, как же это все происходило.

База карфагенского флота находилась в городе Панорме (современный Палермо) на Сицилии. Необходимые же резервы продовольствия и военное снаряжение для войск, находящихся на острове, карфагеняне подвозили с Африканского континента, блокируя при этом итальянское побережье. Чтобы помешать действиям карфагенян, римский флот мощностью в 130 кораблей под коман-

дованием консула Гая Дуилия, вышел из Остии и направился вдоль побережья к Мессинскому проливу. Прибыв на место, Дуилий получил известие, что 120 судов противника вышли из Панорма в направлении Мессаны, уничтожив по пути 17 небольших римских галер. Узнав эту новость, римляне незамедлительно поплыли навстречу врагу. У мыса Милы римские отряды заметили 30 карфагенских судов, плывущих в авангарде под личным командованием Гамилькара Барки.

Карфагеняне, не обращая внимания на противника, плыли не в боевом порядке и, заметив римские корабли, тотчас же перешли в наступление. Карфагенские суда ударили в лоб, но когда они подплыли поближе, Дуилий дал приказ опустить абордажные мостики и перебросить легионеров на палубы неприятельских кораблей. Легионеры в ожесточенной схватке быстро одержали верх над карфагенскими отрядами, захватив при этом все корабли противника. Гамилькара не смутила первая неудача авангарда, и он нанес удар главными силами в составе 90 кораблей. Карфагеняне перешли в массовое наступление и сумели окружить римлян. Однако те вновь воспользовались абордажными мостиками, по которым пехота перебралась на палубы карфагенских галер. В упорной борьбе карфагеняне потеряли еще 20 судов, а остальные отошли к Панорму. Всего карфагеняне потеряли 50 судов, а также 3 тысячи солдат убитыми и 7 тысяч взятыми в плен. Потери же римлян были сравнительно невелики.

Победа консула Гая Дуилия произвела настоящий триумф, и в честь ознаменования этой победы в Риме была воздвигнута роstralная колонна, украшенная носами захваченных карфагенских кораблей, а на римских монетах стали чеканить символический нос корабля.

Однако же эта победа не оказала какого-либо влияния на дальнейший ход войны. Карфагеняне сохранили свое превосходство на море, в то время как римляне при столкновениях на материке натолкнулись на долгое и ожесточенное сопротивление нескольких хорошо укрепленных городов, таких как Дрепан, Лилибей или Панорм.

В 259—258 гг. до н.э. римляне предприняли неудачную попытку пойти против карфагенян на Корсике и Сардинии. А тем временем на Сицилии Гамилькар Барка решил начать новое наступление и добился серьезной победы на участке между городами Паропос и Ферм. В этой ситуации римляне были вынуждены перебросить на территорию военных действий две армии силой в 4 легиона (около 40 тысяч солдат). Но, несмотря на это, положение на войне практически не изменилось. Не принесла результата и предпринятая в 257 г. до н.э. попытка завоевать карфагенский остров Липара, а новое столкновение на море у города Тиндарис было крайне вялым.

Из-за продолжающейся войны и отсутствия решительных действий, римляне попытались договориться с Карфагеном и перенести свои военные действия на территорию Африки. В 256 г. к африканскому континенту отправилась мощная флотилия, состоящая из 330 военных кораблей, на палубах которых находилось 40 тысяч солдат. Поход проходил под командованием двух консулов — Регула Марка Атилия и Луция Вульсона Манлия. После отплытия из Остии флотилия направилась через Мессинский пролив к мысу Экном, находящемуся на южном побережье Сицилии. Туда же, навстречу римлянам вышел и карфагенский флот, состоящий из 350 галер. Здесь, у мыса Экном, произошла одна из крупнейших морских битв, хотя приводимые различными источниками цифры участвовавших в сражении гребцов и солдат (140 тысяч со стороны римлян и 150 тысяч со стороны карфагенян) скорее всего сильно преувеличены¹.

Командующий карфагенян Гамилькар Барка решил нанести удар в тот момент, когда римский флот выйдет из Экнома. Как оказалось, это было правильное решение, так как перед римскими судами была поставлена трудная задача: сразаться с противником и защищать входящие в состав флотилии транспортные корабли. Римляне рисковали, когда стали переправлять в Африку

¹ Piotrowicz L. *Dzieje rzymskie*, w.: *Wielka Historia Powszechna*, t. III. Warszawa, 1958. S. 202.

войска, не завоевав при этом господствующего положения на море. Они оказались абсолютно незащищены, и это могло привести к неудаче всей экспедиции.

Покидая Эконом, римский флот разделился на четыре группы. Три из них образовали равнобедренный треугольник (клин), причем две группы, составляющие стороны треугольника, плыли косым строем, в то время как третья, представляющая основание, плыла лобовым строем, ведя за собой транспортные галеры. Четвертая группа плыла в арьергарде также в лобовом построении. Все построение римского флота было довольно сложным и требовало хорошей навигационной выучки, особенно при скошенном строе. Необходимость же прикрывать транспортные суда поглощала половину боевых единиц.

Вскоре после отплытия из Эконома римляне заметили впереди карфагенскую флотилию, которая также состояла из четырех групп. Вдоль берега плыли вражеские корабли в кильватерном строю, а справа от них двигались остальные три группы в лобовом построении, образуя одну линию, слегка выгнутую в форме полумесяца с флангами, обращенными в сторону противника.

Римляне плыли довольно медленно, направляя треугольник на первую и вторую группы карфагенского флота. Гамилькар Барка подпустил римские военные суда поближе, а затем отдал приказ своим кораблям повернуть назад и как можно быстрее отплыть. Римляне стали их преследовать, при этом первые две группы римских судов оторвались от остальной флотилии, защищающей транспортные галеры. Карфагеняне отступили на расстояние морской мили, затем развернулись и стали обходить догоняющие их корабли с флангов. Положение римлян стало угрожающим. Карфагеняне, рассчитывая на скорую победу, начали таранить вражеские суда специально укрепленными носами своих кораблей. В результате, на римских боевых единицах были сломаны весла и повреждены палубы.

Тем временем четвертая группа карфагенских судов, плывущая вдоль берега, вместо того чтобы атаковать римские корабли с тыла, изо всех сил ударила по тре-

твѣй группѣ непріятели, прикрывающей транспортные галеры. В самый разгар сражения транспортники отошли из района боевых действий, спрятавшись в устье реки Гимеры. В ожесточенной борьбѣ римские военные суда начали медленно отступать к побережью вслед за транспортными галерами, пытаясь при этом не только защитить их, но и избежать обхода с флангов. Карфагеняне же в свою очередь пытались выполнить маневр и окружить римлян, вынуждая отступать оставленную в районе действий четвертую группу вражеских судов. В это же время на палубах кораблей, составляющих первые две группы карфагенского флота, начался рукопашный бой после того, как римляне пошли на абордаж. Карфагеняне понесли столь значительные потери, что Гамилькар был вынужден отдать приказ отступить в западном направлении. Римские боевые корабли незамедлительно бросились за ними в погоню.

Возле побережья весы победы первоначально склонялись на сторону карфагенян, которые нанесли значительный урон последней группѣ римских кораблей. Однако римляне воспользовались тем, что их флот находился у самого берега, а это мешало противнику совершать маневры и, особенно, делало невозможным полное окружение римских судов. Римляне опять сблизились с врагом, используя абордажные мостики, и битва разгорелась с новой силой. В ходе сражения вернулись из погони за Гамилькаром суда первой и второй групп и ударили по сражающимся возле берега карфагенским силам с тыла, тем самым разбив их окончательно. Таким образом, морское сражение у мыса Эжном закончилось полной победой римского флота. Римляне потеряли 24 корабля, из которых ни один не сдался противнику, а также около 10 тысяч солдат убитыми и ранеными. Потери же карфагенян составили 100 военных судов (из них 64 капитулировали) и 40 тысяч солдат убитыми, ранеными и взятыми в плен.

Оценивая эту битву с тактической точки зрения, можно было бы отметить усовершенствованный способ абордажа, новый метод построения военных кораблей, а так-

же использование отступления с целью разбить неприятельскую группировку с последующей ликвидацией отдельных групп кораблей.

Битва у мыса Эконом имела большое стратегическое значение, поскольку победа римлян позволила им перенести военные действия на территорию Африки, где находилась карфагенская метрополия. Восстановив силы и отремонтировав поврежденные суда, римляне направились к побережью Африки и, нигде не встретив сопротивления, без помех высадились в Клупее. После этого римский сенат, будучи законодательным органом государства, посчитал, что для проведения дальнейших действий будет достаточно одной армии, и отозвал назад в Италию консула Манлия Вульсона вместе с его войском и флотом. На территории Африки остался второй консул Регул Марк Атилий с армией, насчитывающей 15 тысяч пехотинцев, 500 всадников и 40 кораблей. Вскоре Регул, несмотря на ослабление римских войск, одержал победу над карфагенянами в битве, проходившей в открытом поле, и занял город Тунес, где и расположил войска на зимовку.

В этой ситуации карфагеняне согласились на проведение мирных переговоров, которые, однако, вскоре были сорваны из-за жестких условий, поставленных Регулом. Он потребовал возврата Сицилии и Сардинии, выдачи военного флота, контрибуции, а также постоянной ежегодной дани. Зимой на рубеже 256 и 255 гг. до н.э. карфагеняне реорганизовали свои военные силы, благодаря в основном набору греческих солдат, среди которых находился опытный спартанский офицер Ксантипп.

Летом 255 г. до н.э. в открытом поле близ города Клупеи состоялось сражение между войсками под командованием Ксантиппа и армией консула Регула. Карфагеняне смогли прорвать центр римской группировки, используя для этого слонов, а также конницу, которая обошла римлян с двух флангов одновременно. В результате битва закончилась полным поражением римлян. Большая часть римской армии полегла на поле битвы, и только 2 тысячи солдат смогли добраться до города, где их вновь

окружили карфагеняне. 500 солдат вместе с консулом попали в плен. В ответ на известие о поражении римский сенат выслал на помощь римлянам флот, который сумел одержать победу над карфагенянами в столкновении у Гермейского мыса. Однако, возвращаясь из Африки, римские корабли попали в страшный шторм, который почти полностью уничтожил флотилию — из 364 судов уцелело только 80.

Но даже после такой неудачи римляне не сломались и продолжили боевые действия на Сицилии. Был построен новый военный флот, состоящий из 220 кораблей. В 254 г. до н.э. он двинулся на Сицилию, где римляне приступили к постепенному очищению северного побережья от карфагенян. Наконец, впервые за несколько лет римляне добились значительной победы, захватив город Панорм.

В последующие годы военные действия проходили с переменным успехом. Римский флот вновь понес многочисленные потери в сильных бурях. Только в 251 г. консул Луций Цецилий Метелл смог полностью разгромить переброшенную на Сицилию новую карфагенскую армию, которая должна была отвоевать Панорм. Благодаря этой победе, римляне вновь получили преимущество на материке. Их противник после этой неудачи отказался от борьбы на открытой местности и, оставив маленькие города, ограничился обороной западной части острова с городами Лилибей, Эрикс, Дрепан. В 250 г. до н.э. консул Аппий Клавдий Пульхр атаковал карфагенский флот под Дрепаном, но потерпел сокрушительное поражение.

Война продолжалась, и трудно было предсказать ее окончание. Римляне потеряли уже четыре флотилии, а также понесли значительные потери в сухопутных войсках. Рим всеми силами и способами старался заставить Карфаген заключить мирное соглашение. Римляне пытались настичь противника в море, перенести военные действия на территорию Африки, но все это не приближало победного окончания войны. Из-за значительных финансовых потерь римляне были вынуждены прекратить боевые операции на море и ограничились проведе-

нием отдельных сражений на материке только для того, чтобы не потерять уже полученных завоеваний.

Но Карфаген также был ослаблен, а его потери очень значительны. В 247 г. до н.э. ситуация на Сицилии опять изменилась не в пользу римлян, поскольку командование карфагенскими войсками на острове вновь принял Гамилькар Барка — представитель самого влиятельного в государстве семейства Баркидов. Он сразу же перешел к наступательным действиям, вынуждая римлян перебросить часть войск из-под Лилибея и Дрепана в район Панорма. Одновременно карфагенский флот предпринял экспедицию на побережье Италии. Чтобы окончательно поставить точку в этой войне, длящейся уже 20 лет, римляне построили новый военный флот, насчитывающий 200 пятипалубных кораблей. Это стало возможным лишь благодаря добровольным взносам граждан и особенно богатых купцов и ростовщиков. В 242 г. до н.э. флот вышел в море под командованием консула Гая Лутация Катула. Карфагеняне, захваченные врасплох этой акцией римлян, выслали на Сицилию свои корабли под командованием Ганнона. Противники встретились около Эгуса, одного из Эгатских островов. Здесь, у берегов архипелага в 241 г. до н.э. произошло последнее великое морское сражение между римлянами и карфагенянами¹.

Карфагеняне оказались в весьма трудном положении, поскольку их флот сопровождал транспортные суда, перевозящие на Сицилию подкрепление и необходимое снабжение для армии. Высланный из Африки флот получил приказ отбить Дрепан и высадить там подкрепление для истощенных войск Гамилькара, занимающих позицию на востоке от порта, а затем разгромить флот Катула, который блокировал Лилибей. Катул решил не подпускать противника к Дрепану и дать ему решающий бой, справедливо полагая, что транспортные корабли пред-

¹ Ср. W. Hubert. *Historia wojen morskich*. Warszawa, 1935. S. 43—44. Его же: *Wpływ bitew morskich na przebieg dziejów*. Warszawa (b.r.w.). S. 74—77.

ставляют серьезную помеху для карфагенян и затрудняют их маневренность.

11 марта 241 г. до н.э. римский флот построился в лобовом порядке около острова Эгус. Навстречу ему при сильном попутном западном ветре плыл карфагенский флот, также построенный лобовым порядком с выдвинутыми флангами. Увидев неприятеля, Катул приказал двигаться ему навстречу на веслах. Ганнон же, вместо того, чтобы плыть вперед, приказал спустить паруса и принять бой на месте. Таким образом, карфагеняне потеряли свое единственное преимущество — попутный ветер. Римляне сразу перешли в наступление, перекинув на карфагенские суда абордажные мостики, по которым легионеры ворвались на неприятельские палубы и в ожесточенной схватке сломили сопротивление врагов. Часть карфагенского флота сумела уйти из района битвы, но 70 галер было захвачено в плен вместе с командами, а 50 — затонуло.

Поражение карфагенян было полным и окончательным. Вскоре Гамилькар и Катул заключили перемирие, а затем приступили к мирным переговорам, в результате которых Карфаген отказался от своих территорий на Сицилии и от Липарских островов, отдал без выкупа военнопленных и обязался выплатить в течение 10 лет контрибуцию в размере 3200 талантов (или около 90 тонн серебра). Таким образом, после 20-летней войны Карфаген был вынужден уйти с Сицилии, которая после этого на протяжении многих лет будет первой провинцией Рима (за исключением Сиракуз). Из многолетней войны Рим вышел победителем и стал доминирующей силой в западной части Средиземноморья.

Тем временем, разоренный войной и огромной контрибуцией Карфаген оказался на краю пропасти. Выведенные с Сицилии наемные войска, насчитывающие около 20 тысяч солдат, взбунтовались из-за неуплаты им жалованья. Карфаген был просто не в состоянии рассчитаться с ними, так как казна была пуста. К взбунтовавшимся войскам присоединилось эксплуатируемое ливийское население и даже прибрежные финикийские

города, протестующие против наложенного на них во время войны фискального бремени. В конце концов, дошло до всеобщего народного восстания, против которого были выставлены граждане Карфагена, призванные под оружие, и стянуты новые наемные отряды, во главе которых встал прославленный в боях на Сицилии Гамилькар Барка. После трех лет ожесточенной борьбы (241—238 гг. до н.э.) Гамилькар сумел схватить главных предводителей восстания, а их войска разбить в сражении у города Прион. Однако карфагенянам так и не удалось подчинить себе взбунтовавшихся наемников на Сардинии, так как тем оказали поддержку римляне, и в результате Сардиния и Корсика также перешли под господство Рима. Карфаген был окончательно ослаблен восстанием и не мог даже думать о начале новой войны с могущественной Римской республикой. Карфагенянам не оставалось ничего другого, как только склониться перед могущественной силой. Кроме отказа от Сардинии, они обязались дополнительно выплатить римлянам сумму в 1200 талантов.

Мир, наступивший после окончания первой Пунической войны, был, как оказалось, для обеих сторон продолжением военной политики. Несмотря на потери, понесенные в войне с Римом, отказ от Сицилии, Сардинии и Корсики, а также внутреннее ослабление, вызванное восстанием наемников, Карфаген не отказался от своих великодержавных притязаний. После подавления восстания сторонники Гамилькара получили превосходство над сторонниками Ганнона Великого, который был поборником примиренческой политики по отношению к Риму. Избранный верховным главнокомандующим, Гамилькар предпринял действия, направленные на восстановление великодержавной позиции государства и одновременно подготовку на случай новой войны с Римом. Первая Пуническая война показала, что отсутствие территориальной базы сказывается на успехах армии, поэтому первостепенная задача — это экспансия на материке, дающая возможность для организации сильной сухопутной армии, а также для получения новых

источников доходов для пополнения государственной казны.

Имея перед собой такие цели, Гамилькар обратил внимание на Пиренейский полуостров. Именно в этой части древнего мира он намеревался создать новую карфагенскую империю. В 237 г. до н.э. Гамилькар переправился в Испанию и в течение нескольких ближайших лет захватил всю южную часть полуострова. В этих военных походах его сопровождал 9-летний сын Ганнибал, давший отцу клятву, что он никогда не будет другом римлян.

Гамилькару удалось захватить богатейшие золотые и серебряные прииски, после чего он приступил к их разработке. Монетный двор старого финикийского города Гадес начал чеканить монеты новой стоимости. Это дало командующему значительную экономическую независимость и стало одной из причин возрождения Карфагена. Во время дальнейших завоеваний Гамилькар погиб. Это произошло в 229 г. до н.э. в битве с племенем оретанов. Командование карфагенскими войсками в Испании принял его зять Гасдрубал, который продолжил дело своего предшественника. На месте старой финикийской колонии Гасдрубал основал столицу пунической Испании, город, который римляне называли Новый Карфаген. Это был важный порт и укрепленная крепость, в которой Гасдрубал построил роскошный королевский дворец.

Успехи Гамилькара и Гасдрубала в Испании беспокоили Рим. Благодаря захвату Южной Испании, карфагеняне получили огромные территории для проведения рекрутского набора и пополнения своих вооруженных сил. Они обучили большую армию и значительно пополнили государственную казну за счет эксплуатации серебряных и золотых приисков, а также за счет дани, которую платило население покоренных городов. Однако римляне навязали карфагенянам переговоры и склонили их к подписанию соглашения, по которому северной границей влияния Карфагена в Испании должна была стать река Ибер. Так римляне пытались защитить от

карфагенянин богатый город Сагунт, который обратился к Риму за помощью¹.

В 221 г. до н.э. Гасдрубал был коварно убит и тогда командование карфагенской армией в Испании по воле солдат принял 26-летний сын Гамилькара Ганнибал, который вскоре прославился как один из выдающихся полководцев древнего мира. Личность Ганнибала до сих пор восхищает историков. Его искусство управления и военные успехи стали предметом исследования многих поколений ученых, о нем написано несколько сотен томов книг. «Признанный мастер военного искусства, более интеллигентный, чем Александр, и более способный, чем Наполеон Бонапарт, он передал современным стратегам триумф победы под Каннами, победы, которой нередко пробовали подражать»².

История жизни Ганнибала скрывает много невыясненных до сих пор загадок. Не сохранилось ни одного его портрета, он не оставил после себя никаких записок для потомков, но несмотря на это, память о нем сохранилась на века. На момент смерти Гасдрубала Ганнибал был молодым человеком, полностью сформировавшимся как личность. Он уже обладал немалыми военными знаниями, в трудных ситуациях быстро принимал решение, не терял головы в минуты опасности. Физически это был очень сильный человек, привыкший к трудностям солдатской жизни, непривередливый в еде и питье. Во время военных походов Ганнибал вел образ жизни обычного солдата. Он не любил удобных палаток и часто спал прямо на земле на разостланной львиной шкуре, тут же при кара-

¹ Это новая точка зрения в историографии. До сих пор считалось, что такой рекой должна была быть Эбро. Jaszynowska, указ. соч., с. 92, высказывает мысль, что определенной в договоре границей является Южный Ибер, или Юкар. Римляне же могли в то время заключить союз с Сагунтом, как с городом, лежащим вне сферы влияния Карфагена и, следовательно, на север от Юкара (Южный Ибер). Ср. G.H. Picard, указ. соч., с. 74—75.

² Lamb, указ. соч., с. 8.

ульных постах. К себе он относился точно так же, как и к своему окружению.

В историографии античных времен преобладала точка зрения, позднее принятая многими историками, что Ганнибал, как только принял на себя командование армией, стал стремиться разорвать соглашение с Римом и поэтому спровоцировал начало войны, которая навсегда должна была быть связана с его именем. Однако сегодня этот взгляд многими исследователями отрицается, как основанный на тенденциозных записях римских историков. Теперь, наоборот, подчеркивается, что войну начал Рим, а не Карфаген¹. При этом Ганнибал характеризуется не как жестокий финикиец, напавший на мирный римский народ, а как полководец с исключительным военным талантом, который во главе более слабых по численности войск сразился с могущественным врагом. Несколько иначе интерпретируется и известная клятва Ганнибала: «Никогда не буду другом римлян». Подчеркивается, что в этом утверждении не идет речь о вечном антагонизме, поскольку это выражение в то время имело определенное политическое значение: если ты был другом Рима, то подчинялся его власти. Ганнибал же, удовлетворив желание своего отца, просто поклялся, что никогда не поддастся римской власти².

Приняв командование, Ганнибал предпринял действие, направленное на расширение карфагенской территории на Пиренейском полуострове. При этом поначалу он старался удерживаться в границах заключенного с Римом соглашения 226 г. до н.э., не нарушая установленной сферы влияния в Испании. На протяжении неполного года, завоевывая по пути многие города, его войска оказались на севере от реки Таг. Ганнибал вел бои с племенами вакцев и кельтиберов. Возле Тага произошло ожесточенное

¹ Piotrowicz, указ. соч., с. 219. См. также: Wolski J. *Historia powszechna. Starożytność*. Warszawa, 1971. S. 251.

² Lamb, указ. соч., с. 34. Тогда как Jacynowska, указ. соч., с. 92, отмечает, что Ганнибал был воспитан в традиции неприемлимой ненависти к Риму.

сражение, в котором карфагеняне использовали слонов, топтавших наездников противника и загонявших в воду охваченных паникой лошадей. Со временем Ганнибалу, изучавшему своего противника, удалось завоевать доверие и перетянуть на свою сторону воинственных кельтиберов, которые были отличными наездниками. Ганнибал оценил их необычайную гордость и просто необыкновенную верность своему командиру. Воин из этого племени до такой степени оставался верен солдатской присяге, что сам лишал себя жизни, если погибал его командир. И вот эти наездники — кельтиберы принесли присягу Ганнибалу, который организовал из них верховые отряды, а их легкие телеги, которые тянули маленькие быстроногие волю, использовал как продовольственные обозы.

Наступил 219 г., когда ситуация в Испании подверглась резкому обострению. Призрак новой войны между Карфагеном и Римом повис над Средиземноморьем. Подошел час решающего сражения, поводом для которого стало дело союзного с Римом Сагунта.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РИМА И КАРФАГЕНА

Чтобы понять и оценить ход решающего столкновения между Римом и Карфагеном, каким стала вторая Пуническая война, надо хотя бы вкратце познакомиться с составом и организацией вооруженных сил обеих сторон. Тогда легче будет оценить возможность выполнения поставленных задач и реальность стратегических планов. Это также даст некоторое представление о военном искусстве античного мира.

В древние времена еще до реформ, проводимых около 578 г. до н.э., римское войско состояло из одного легиона, основу которого составляли 3 тысячи солдат тяжелой пехоты. Сюда же входило 300 конников под командованием трибуна. После реформы армия стала формироваться из всего свободного мужского населения и была поделена на центурии, в зависимости от имущественного положения. Такая организация сохранилась и в период республики. Самые богатые римские граждане, а позднее также и те, кто был отнесен к первому имущественному классу, были обязаны служить в коннице, которая считалась более почетной, чем пехота. Граждане, относящиеся ко второму, третьему и четвертому классу, а в большинстве своем это были среднезажиточные крестьяне, служили в тяжелой пехоте. Те же, кто относился к пятому классу, проходили службу в легкой пехоте. Вольноотпущенники и граждане ниже пятого имущественного класса призывались на службу в военный флот. При всеобщей воинской повинности, наступающей с 17 лет, римляне могли с легкостью выставить армию численнос-

тью 40—50 тысяч солдат и все время восполнять потери за счет новых резервов. Понесенное поражение могло уничтожить армию, но не римское государство, которое через короткий промежуток времени могло выставить новые силы и вести войну до полного разгрома противника. Так было в столкновении с Карфагеном в период первой Пунической войны и должно было быть во время решающего столкновения во второй войне.

В период Пунических войн, а особенно во время битвы под Каннами, высшей организующей единицей в римском войске был легион, насчитывающий в основе 4500 солдат, в том числе 3 тысячи тяжеловооруженной пехоты, 1200 легковооруженных и 300 конников. К каждому легиону прикреплялось, по меньшей мере, такое же число пехоты и в 3 раза большее число кавалерии союзников. В нормальных условиях ежегодно выставлялись две консульские армии, каждая из которых состояла из двух легионов и соответствующего числа союзников. Определение «консульская армия» появилось оттого, что командовал ею консул и, следовательно, высший чиновник в Римской республике. Поскольку каждый год выбирались два консула, занимающие высокие государственные посты и одновременно обладающие высшей военной властью, выставлялось две консульские армии. В том случае, когда обе эти армии действовали вместе, консулы менялись на командном пункте ежедневно. В случае необходимости формировалось большее количество легионов. Например, во время похода галлов на Рим было организовано 6 легионов, а во время второй Пунической войны под ружье встало 23 легиона.

Поначалу тактика была очень простой. Тактическую единицу представляла в своей основе вся армия в целом, которая принимала бой в тесно сомкнутых шеренгах. Основным способом борьбы было подавление неприятеля массой. Легковооруженная пехота, выдвинутая вперед, должна была сдерживать противника как можно дольше, пока тяжелая пехота легиона не примет боевого построения. После этого легкие пехотинцы отходили назад. Такая тактика имела много отрицательных сторон.

Прежде всего, успешное наступление можно было проводить только на ровной местности, без естественных преград, таких как углубления, возвышенности, деревья или ручьи. В противном случае тесно сомкнутый строй можно было легко разорвать. Задние же шеренги не могли достаточно успешно взаимодействовать во время сражения. Невозможным становилось маневрирование, и не было резервов, необходимых для поддержки армии в критических ситуациях.

Однако со временем римляне перешли к тактике манипулирования, которая должна была обеспечить им значительные военные успехи. Появление этой тактики связано с военными реформами, проводимыми на исходе V в. до н.э. Легион был поделен на 30 тактических единиц, называемых манипулами, каждая из которых заключала в себе две центурии. Одновременно, в зависимости от возраста и степени подготовки солдат, создавались новые боевые группировки легиона, так называемый тройной строй (*acies triplex*). Поделенная на три группы тяжелая пехота легиона вступала в сражение тремя отдельными линиями. В первую линию вставляли самые молодые солдаты, до 24 лет, их называли гастатами (*hastati*). Во второй линии были более опытные воины в возрасте 24—30 лет — принципы (*principes*) и, наконец, третью линию формировали самые старшие и опытные солдаты до 46 лет — триарии (*triarii*).

Каждая из этих линий состояла из 10 манипулов, которые выстраивались на расстоянии друг от друга таким образом, что манипулы следующей линии закрывали свободные промежутки между манипулами линии впереди стоящей. Манипулы двух первых линий (гастаты и принципы) насчитывали по 120 солдат, построенных в 6 шеренг по 20 человек в каждой, а манипулы третьей линии (триарии) выстраивались по 60 солдат в три шеренги по 20 человек. Каждому манипулу присоединяли и по 40 солдат легкой пехоты. Таким образом, вместе пехота легиона насчитывала 4200 солдат¹.

¹ Piotrowicz, указ. соч., с. 165—166.

Такое боевое построение вместе с тактикой манипулирования сохранялось в римской армии около 300 лет, до реформ, проходивших на рубеже II и I в. до н.э. Имея на вооружении манипулярную тактику, армия республики начала войну с Карфагеном, и опыт, приобретенный в ходе сражений, привел к очередным переменам.

Каким же было вооружение римских солдат в тот период? Основным оружием наступления была разновидность копья (пилума), длиной около 2 метров, из которых половина приходилась на древко, а другая половина — на длинное узкое острие с закаленным концом. Солдат, который обычно имел два пилума, кидал его в противника, пытаясь попасть в щит. Разбитый щит становился ненужной тяжестью, и воин обычно его отбрасывал, и тогда римский легионер метал второй пилум в незащищенного противника. Этими копьями были вооружены гастаты и принципы. Кроме того, римские воины имели тяжелое короткое копье и служащий для рукопашного боя тяжелый рукопашный меч. До второй Пунической войны использовался меч типа галльского, который, однако, был слишком длинным и позднее уступил место более короткому, испанскому. Меч носили в ножнах на перевязи, повесив на левое плечо. Как рукоятка, так и ножны были богато украшены, иногда инкрустированы золотом и серебром. В то же время нет уверенности в том, что уже в период Римской республики к наступательному оружию относился также и кинжал, носимый за поясом, который был постоянным вооружением легионеров в период империи.

Защитные доспехи состояли из шлема, панциря и щита. Шлем обычно делался из шкур, которые для усиления обивали медными пластинами. Иногда он полностью делался из металла, в основном из бронзы. С обеих сторон шлем имел так называемые нащечные козырьки на петлях, застегивающихся ремешком под подбородком. Его часто украшали плюмажем или конским хвостом. Во время похода солдаты носили шлемы на правой стороне груди на ремне, надеваемом на шею. Панцирь делался из полос кожи, усиленных медными или бронзовыми пластинками и со-

единенных ремнями. Он защищал верхнюю часть тела и одевался на тунику. Панцирь дополнял кожаный пояс, несколько раз обернутый вокруг туловища, который внизу заканчивался несколькими ремешками с металлическими оковками, создающими вид фартука для защиты нижних частей тела. Пояс усиливали и одновременно украшали металлическими пластинками. Офицеры носили более дорогие панцири, покрытые металлической чешуей.

В этот период гастаты и принципы носили еще наколенники на правой ноге, поскольку левую ногу прикрывал щит. Позднее такие наколенники стали носить все солдаты. Легионер-пехотинец имел также четырехсторонний, слегка выгнутый наружу щит, сделанный из двух слоев дерева, обтянутых шкурой. Щит сверху и снизу был окован, а в середине имел металлический стержень. Размеры щита составляли около 120 сантиметров в высоту и около 100 сантиметров в ширину.

Солдаты легкой пехоты имели на вооружении по несколько коротких дротиков и меч. Их защитные доспехи составляли гладкий кожаный шлем и маленький округлый щит диаметром около 90 сантиметров. Римская конница в качестве орудия нападения пользовалась копьями, а в качестве защитных доспехов у них были шлемы, кожаные панцири и легкие круглые щиты.

Войска рекрутов-союзников набирались из латинских и союзных городов. Среди них обычно выделялись 1600 солдат-пехотинцев и 600 наездников, формирующих специальные отряды, которые оставались для исключительных распоряжений главнокомандующего. Остальных делили на две части, во главе которых стояли офицеры-римляне. При боевом построении союзники находились по обеим сторонам стоящего в центре легиона. Рядом с ними на флангах стояла конница, задачей которой было обеспечить безопасность фронта и не допустить окружения с флангов. Среди войск союзников можно было встретить и другие виды вооружения. В период Пунических войн в римскую армию входили отряды лучников и балеарских пращников. Пращники образовывали отдельную центурию, которая присоединялась к легиону. Они были вооружены

щитами и короткими мечами, а главным их орудием была праща, вместе со снарядами помещенная в складках плаща-накидки. Союзники из Азии составляли отряды конных лучников, одетых в шлемы и чешуйчатые панцири.

В римской армии были также отряды военных ремесленников, состоящие из плотников, кузнецов, каменщиков и других специалистов. Кроме всех остальных военных обязанностей, они занимались строительством осадных машин и их обслуживанием. При каждом легионе находился отряд ремесленников, насчитывающий около 100 человек.

Теперь посмотрим, как выглядела у римлян организация управления армией. Высшее командование находилось в руках консулов, каждый из которых руководил двумя легионами или одной консульской армией. Знаками отличия верховного главнокомандующего были: красный плащ, 20 ликторов с фасциями, а также личная охрана, состоящая из самых лучших воинов, личных друзей консула и юношей из знатных семейств. Помощником консула был квестор, занимающийся в основном финансовыми делами и исполняющий обязанности интенданта армии. Он обеспечивал всю армию продовольствием, выплачивал жалованье, проводил расчеты, а также делил и продавал трофеи. При верховном главнокомандующем находился штаб, в состав которого входили высшие офицеры, а именно: легаты, избираемые консулом из числа сенаторов, каждый из которых командовал одним легионом и имел право командовать всей армией в отсутствие главнокомандующего; трибуны, двое из которых в течение месяца командовали легионом, меняясь через день, а четверо служили при верховном главнокомандующем; префекты — офицеры, стоящие во главе специальных отрядов.

И все-таки главная ответственность во время сражения лежала на офицерах низших чинов, или центурионах, которых назначал главнокомандующий из числа лучших солдат, по одному на каждую центурию (по два на манипул). Во время битвы командование возлагалось на центуриона первой центурии, стоящей на правом фланге.

Каждый манипул имел свой отличительный знак, обычно это было изображение поднятой вверх руки, помещенное на древко, которое постоянно носил назначенный для этого воин-знаменосец. Кроме того, легионы имели символические культовые знаки, чаще всего изображающие орла, который был символом Юпитера. Конница легиона также имела небольшие знаки отличия в виде флажков. Эти знаки играли как практическую, так и символическую роль. С их помощью было легче поддерживать связь между отрядами во время сражения, особенно при выполнении различных маневров и в то же время это были символы единства отряда и незыблемости военного порядка. Потеря знака была позором для солдат. В случае предполагаемого поражения воин-знаменосец в первую очередь спасал знак.

Сигналы в войске подавали трубачи, которых называли по-разному, в зависимости от инструмента, на котором они играли. В пехоте сигнал к атаке или отступлению давали при помощи прямой трубы. В конных отрядах играли на рогах. Сигналы к смене караула давали на металлических, прямых или изогнутых трубах.

В римской армии господствовала строгая и суровая дисциплина. Существовала своя система наказаний и поощрений. В армии был строгий внутренний порядок, доведенный иногда до педантизма¹. В каждом отряде тщательно велись специальные книги, куда заносились перечни наград, нарядов, откомандирований и отпусков. Существовал подробный устав караульной службы. Как мелкие, так и крупные нарушения тотчас же карались. Виды наказаний были самые разнообразные: выговор, уменьшение жалования и продовольственной порции, назначение на работы сверх графика, разжалование, увольнение из армии, телесные наказания и, наконец, смертная казнь. Если при проверке караула караульного не

¹ P. Simanski. *Podręcznik historii wojskowości powszechnej. Rzym i Bizancjum*. Warszawa, 1931. S. 1718. См. также: O. Jurewicz i L. Winniczuk. *Starożytni Grecy i Rzymianie w życiu prywatnym i państwowym*. Warszawa, 1968. S. 429—434.

было на посту или его заставляли спать, то уже на следующий день он стоял перед военным судом. В случае вынесения осуждающего приговора трибун касался виновного тростником и тогда солдаты били его палками или бросали в него камнями. Дезертирство, предательство и трусость карались смертью.

Командиры в римской армии обладали очень большими правами. Консул мог покарать смертью десятую часть всего отряда (каждого десятого воина). Трибун имел право применять самые суровые телесные наказания, включая забрасывание камнями, что, впрочем, приравнивалось к смертной казни. Однако наибольшую роль в поддержании суровой дисциплины играл начальник рядовых воинов, осуществляющий над ними постоянный надзор и тотчас же реагирующий на всякие нарушения.

За проявленное мужество и хорошее исполнение обязанностей воины получали многочисленные поощрения. Например, перед всем отрядом зачитывались имена отличившихся, присуждались почетные наплечники, перстни или различного рода вымпелы. Иногда признавалось право на ношение на груди небольших щитов из серебра. За проявленную храбрость в бою воины награждались венками: солдат, который первым взобрался на стены вражеской крепости, получал золотой венок; тот, который первым ворвался на неприятельское судно, награждался венком из золотых корабельных носов; за спасение жизни соотечественника во время битвы присуждалась высшая награда — венок из дубовых листьев. Офицеры награждались почетными знаменами, копьями или золотыми венками¹.

Высшей наградой для верховного главнокомандующего был триумф, которого он удостоивался в Риме. Это был символ особого признания сената за самостоятельно проведенную и выигранную войну, в которой погибло не менее 5 тысяч солдат неприятеля². Триумф заключался в торжественном прохождении командующего-победителя

¹ Jurewicz i Winniczuk, указ. соч., с. 430.

² Jurewicz i Winniczuk, указ. соч., с. 432.

в Капитолий, где он вручал в дар Юпитеру Капитолийскому свой золотой венок. Во время прохождения через украшенные улицы и площади Рима за главнокомандующим шла вся его армия под командованием легатов и трибунов. Солдаты несли военные трофеи и вели скованных военнопленных. Сам триумфатор ехал на колеснице, запряженной белыми лошадьми. Он был одет в белую тунику, вышитую пальмами, и праздничную пурпурную тогу. В руке верховный главнокомандующий обычно держал веточки лавра и жезл из слоновой кости, украшенный орлом. Торжество заканчивалось многочисленными пирами и играми, организованными для граждан столицы.

Как уже отмечалось, во время войны с Карфагеном римская армия применяла манипулярную тактику. Она, несомненно, принесла много пользы по сравнению с применяемой прежде тактикой свернутых флангов, но при этом требовала строгой дисциплины на поле боя и четкого соблюдения каждым своего места в строю, в чем солдатам помогали отличительные знаки манипулов. Расстояние между манипулами позволяло более активно, чем раньше применять метательное оружие. Легкие пехотинцы, а также лучники и пращники, выдвинутые перед строем, могли в любой момент отступить назад, в тыл легиона через промежутки, имеющиеся между отрядами. Такая тактика требовала уверенного и решительного командования манипулом.

Начав битву, легкая пехота через какое-то время отступала на фланги или в тыл легиона и начиналась стремительная атака всей массы пехотинцев, причем манипулы принципов заполняли промежутки между манипулами гастатов. Если же, несмотря на это, не удавалось прорвать фронт неприятеля, то наступала очередь триариев, которые заполняли промежутки между манипулами первой и второй линии и все вместе, атакуя уже единым фронтом, наносили последний удар, обычно решающий исход битвы. Задачей конницы, построенной всегда на флангах, было уничтожение стоящей напротив конницы противника. После этого римские конники наносили удар в тыл неприятеля, что, как правило, приводило к победе римлян. Если

вражеская конница численно была сильнее, тогда римская кавалерия старалась путем умышленного отступления увести за собой противника далеко за пределы поля битвы, чтобы тем временем пехота могла завершить бой.

Таким образом, римские войска в тот период сражались в основном в открытом поле. Искусство осады играло еще незначительную роль и сводилось в основном к тому, что крепости завоевывались хитростью. Только позднее римляне развили достижения греков в этой области, значительно их усовершенствовали.

Кроме манипулярной тактики другой характерной чертой римского военного дела был тот факт, что во время проводимых военных действий армия никогда не останавливалась иначе, как только в сильно укрепленном лагере. До наших дней дошел план такого лагеря, предназначенного для одной консульской армии, состоящей из двух легионов и отрядов союзников. Лагерь имел форму квадрата или прямоугольника и был окружен наружным рвом и земляным валом. Вокруг воздвигался частокол, для строительства которого солдаты часто должны были носить палки и бревна с собой. Строительство укрепления было очень тяжелой обязанностью, но под его защитой армия была застрахована от неожиданного нападения, а в случае проигранной битвы разбитое войско находило в таком лагере надежное укрытие.

Лагерь имел четверо ворот: передние — со стороны неприятеля, задние — на противоположной стороне и двое боковых. Пересекали лагерь улицы, соединенные между собой отдельными воротами, возле которых постоянно стоял караул. На большой площади, недалеко от главных ворот, был разбит шатер главнокомандующего. Возле него стояла трибуна, за которой было место, где проводились собрания войска. По обеим сторонам шатра главнокомандующего находились палатки, в которых размещались лучшие отряды. Поодаль строили алтарь и ставили палатки квестора, легатов и трибунов. Вспомогательные войска занимали место ближе к передним воротам. Лагерь, построенный для зимовки армии, отличался тем, что вместо палаток строили бараки, крытые соло-

мой и шкурами. Образцово организованные военные лагеря дали начало городам, которые закладывались по их типу в поздний период Римской империи.

Что касается карфагенской армии, то она основывалась совсем на других принципах организации и комплектования и была полной противоположностью римской армии. Карфаген располагал сильным военным флотом и значительно более слабыми сухопутными войсками. Римляне были несравненно слабее карфагенян в финансовом отношении, но зато имели просто неисчерпаемые людские резервы, благодаря организации римско-италийского союза. Если римское войско состояло из граждан, призванных на основании всеобщей воинской повинности, то карфагенская армия формировалась преимущественно из наемных солдат. Карфаген вербовал наемников, прежде всего среди ливийских подданных, а также среди жителей Испании, Лигурии, Италии и Греции. Так, например, легкая кавалерия комплектовалась из нумидийцев и мавров, а пехота — из ливийцев, берберов и кельтиберов. Из самих карфагенян состояли инженерные отряды и частично конница.

Впрочем, карфагенские граждане очень редко призывались под оружие и то только тогда, когда речь шла о защите африканской территории от посягательств извне. В армии карфагеняне занимали только высшие офицерские должности. При таком способе комплектования войска было много слабых сторон, несмотря на отличное состояние финансов в Карфагенском государстве. Даже такая богатая держава не могла позволить себе слишком долго содержать большую наемную армию. Поэтому карфагенские войска, принимающие участие в военных действиях, редко превышали число 20—30 тысяч солдат.

Моральное состояние воинов карфагенской и римской армий также нельзя было сравнивать, прежде всего, потому, что дело, за которое воевали наемники, было для них совсем чужим. Правда, они отличались храбростью, характерной для «варварских» племен, но все же далеки были от того, чтобы приносить себя в жертву государству, которое наняло их на службу. Наемники с

трудом подчинялись воинской дисциплине, поэтому их командиры всегда должны были считаться с возможностью бунта или дезертирства. Исходя из этого, Карфаген не представлял серьезной опасности на материке и только завоевание Испании после первой Пунической войны дало ему возможность для усиления армии и проведения нового рекрутского набора.

Легкая кавалерия карфагенян имела на вооружении длинные копья, ножи, небольшие щиты, которые делались из дерева, обтянутого слоновьей шкурой. Пехотинцы были вооружены копьями с железными наконечниками и короткими искривленными мечами. Защитные доспехи пехотинцев состояли из кожаных шлемов и металлических панцирей, а также продолговатых щитов. Пращники, которые воевали в карфагенской армии преимущественно верхом на лошадях, были вооружены кожаными пращами трех разных размеров.

Все офицерские должности в армии, а также штаб верховного главнокомандующего были заняты карфагенянами, в то время как советниками и экспертами могли быть воины и других народов. Во главе государства в этот период стояли два ежегодно избираемые чиновника, называемые суффетами, или судьями. Положение верховного главнокомандующего было несколько обособленно от положения руководителя государства, хотя часто эти две должности объединялись в одном лице. Но все-таки власть суффетов и верховного главнокомандующего была ограничена, так как важную роль играл Совет тридцати, который решал все государственные дела. Зато в армии очень большую роль играла личность верховного главнокомандующего. Только выдающийся полководец мог из этой многонациональной массы воинов создать исправный инструмент для проведения войны. Счастьем для Карфагена было то, что в момент решающего столкновения с Римом он имел такого полководца в лице Ганнибала.

РЕШАЮЩЕЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

Весной 219 г. до н.э. к Ганнибалу прибыли послы из Рима с заявлением, что согласно обязательствам, принятым ранее Гасдрубалом, он не имеет права пересекать границы влияния Карфагена, не должен приближаться или предпринимать какие-либо действия по отношению к союзному с Римом Сагунту. Ганнибал отнесся к этому ультиматуму пренебрежительно. Но все-таки обратился за инструкцией в метрополию, куда также отправились римские послы. В это время жители Сагунта спровоцировали ссору с карфагенскими подданными, и Ганнибал, несмотря на протесты из-за Тибра и воспользовавшись тем, что римляне были заняты галльскими делами, предпринял военный поход против Сагунта. В 219 г. после восьмимесячной осады город был захвачен и уничтожен, причем римляне не оказали ему никакой помощи.

Завоевание Ганнибалом Сагунта Рим расценил как оскорбление и потребовал от Карфагена выдачи полководца как разжигателя войны. В марте 218 г. до н.э. римляне отправили в Африку послов. Карфагенский Совет, естественно, не мог согласиться с их требованиями, но, не желая дразнить противника, занял выжидательную позицию. Во время встречи с Советом возглавляющий римскую делегацию Квинт Фабий прервал всякие дискуссии и заявил: «Мы вам несем войну и мир: выбирайте, чего вы хотите!» На эти слова с не меньшей дерзостью ему ответили, что он может сделать выбор сам. И тогда Фабий ответил, что выбирает войну. Карфагеняне заяви-

ли, что принимают ее и с таким же мужеством, с каким ее приняли, будут и вести¹.

Делегация вернулась в Рим и доложила сенату о результатах переговоров. Ворота храма бога Януса были открыты настежь, и это говорило о том, что была объявлена война. Начатая Римом вторая Пуническая война продолжалась с 218 до 201 г. до н.э.

Обе стороны начали активную подготовку к боевым действиям. Римляне разработали план одновременного удара, с одной стороны, по Карфагену с Сицилии и, с другой стороны, по Карфагенской Испании, планируя использовать для этого сильный военный флот, которым на тот момент они располагали. Ганнибал же, отдавая себе отчет, что Карфаген в тот период не имел достаточно сильной флотилии, планировал быстрый перевод военных действий на территорию Италии. При этом он надеялся получить себе в союзники южноиталийские племена и, что еще более важно, греческие города². Объединенные силы карфагенян и их союзников должны были нанести римлянам решающий удар. Слабостью этого плана было то, что карфагенянам необходимо было поддерживать постоянную связь с Испанией — главной базой снабжения карфагенской армии. Однако это стало ясно только через некоторое время. Пока что план перехода в Италию по материку, а именно выбор альпийской дороги, оказался для Рима полной неожиданностью.

В конце апреля 218 г. до н.э. Ганнибал двинулся из Нового Карфагена на север с армией, насчитывающей около 60 тысяч солдат. В Испании остался его брат Гасдрубал и с ним 14 тысяч солдат и флот, состоящий из 50 военных судов. Армия Ганнибала была укомплектована воинами разных народностей, но ее костяк составляли африканцы. Из самого же Карфагена прибыли отдельные инженерные отряды и небольшая конница, сформированная из представителей богатых семейств. Главным

¹ Tytus Liwiusz, указ. соч., с. 24.

² Wolski, указ. соч., с. 352.

лекарем в карфагенской армии был египтянин Синхал, а главными секретарями командующего греки — Сосил и Силен.

Переправившись через реку Эбро, карфагенская армия медленно двинулась к Пиренеям. В этот момент Ганнибал еще не был уверен, следует ли ему идти в глубь Европы. Однако в процессе перехода он получил известие, что римляне готовятся к наступательным действиям. Главный удар, направленный на Африку, должна была нанести армия, состоящая из двух легионов и 160 кораблей под командованием консула Тиберия Семпрония Лонга. В это же время второй консул Публий Корнелий Сципион с 60 судами и, вероятнее всего, одним легионом должен был нанести удар по Испании. Но из-за восстания племени бойев, которые схватились за оружие, увлекая за собой еще и инсубров, реализация этого плана была приостановлена. Бойи и инсубры — это были кельтские племена, которые вторглись в Италию с севера около 400 г. до н.э. Инсубры поселились на севере от реки Пад (По), основав на месте главной этрусской крепости Мельпум свою столицу Медиолан (Милан). Бойи же поселились на юге от реки Пад.

В результате, легион Сципиона был направлен на север, а пока был организован новый, римляне потеряли много времени.

Тем временем Ганнибал быстро перегруппировал свои войска, и 10 тысяч солдат отправились на завоевание горных территорий, а головные отряды двинулись на север, чтобы захватить ближайший перевал в Пиренеях. Ганнибал после долгих раздумий принял окончательное решение перебросить армию в Италию. Он прекрасно понимал, что его самого и его армию ждут многочисленные трудности и опасности, но вместе с тем знал, что только этой дорогой он придет к успеху.

Во время похода из армии Ганнибала дезертировало три тысячи солдат из племени карпетанов, живущих в центральной части Испании у верхнего течения реки Таг. Ночью, воспользовавшись полной темнотой, они убе-

жали из лагеря. Но Ганнибал не стал организовывать за ними погоню, а вызвал к себе командиров испанских отрядов и заявил им, что те солдаты, которые хотят вернуться, могут это сделать. Тогда еще 7 тысяч кельтиберов решили отправиться домой. Их отослали к Гасдрубалу.

Наконец, главные силы карфагенской армии пересекли Пиренеи и через страну галлов вышли к реке Родан (Рона). Переправу через Родан надо было подготовить особо тщательно, учитывая, что на противоположном берегу находились вооруженные отряды галлов. Организовав лагерь, карфагеняне начали строительство лодок и плотов, воспользовавшись для этого помощью жителей ближайших населенных пунктов. Солдаты были отправлены на поиски козьих шкур, необходимых для того, чтобы завернуть снаряжение во время переправы через реку. Козьи шкуры, наполненные воздухом, использовались также в качестве поплавков. В то время, пока солдаты готовились к переправе, Ганнибал выслал отряд иберийских конников под командованием Ганнона вверх по течению Родана. Перед ними стояла задача переправиться через брод, не охраняемый галлами, пробраться к их тылам и затем нанести неожиданный удар.

На следующее утро отряды карфагенской конницы начали переправу. На воде их прикрывали плывущие на лодках балеарские пращники. В этот самый момент находящиеся на противоположном берегу галлы были внезапно атакованы отрядом Ганнона. Галлы пытались им противостоять, но были отодвинуты от берега наступающими на лодках карфагенскими солдатами и, в конце концов, были вынуждены бежать вниз по течению реки. Тогда карфагеняне приступили к переправе своих главных сил и обозов. Часть слонов переправляли на плотам, присыпанных землей, а часть перебиралась вплавь¹. Переправа прошла превосходно, но все возрастающая отдаленность от родной земли, неизвестная

¹ G. de Beer, указ. соч., с. 35.

страна и влажные леса, окружающие войска, все более угнетающе действовали на солдат. Но Ганнибал уже твердо решил продолжать поход и дойти до Италии. Как пишет Ливий, «он созвал солдат на собрание, чтобы или порицанием или поощрением изменить настроение в армии»¹.

После переправы Ганнибал получил известие, что армия Сципиона высадилась в Массалии. Но карфагенский главнокомандующий не хотел начинать битву с римлянами до прибытия в Италию, поэтому вместе со своим войском он двинулся вдоль Родана на север. Противник не сумел вовремя перекрыть ему дорогу. Публий Корнелий Сципион даже не попытался догнать войско Ганнибала, а вместо того, чтобы отправиться в Италию, он передал армию под командование брата Гнея и направил ее в Испанию. Сам же Сципион устремился назад в Пизу, а оттуда — в Аримин, надеясь возле реки Пад перекрыть Ганнибалу дорогу после того, как он пересечет Альпы. Эти действия римлян имели большое значение для дальнейшего хода войны. переброска римской армии в северную часть Испании, между Эбром и Пиренеями, отрезала Ганнибала от его главной базы, оставленная там часть карфагенской армии была вскоре уничтожена Гнеем Корнелием Сципионом. Тогда же была задержана посадка римских войск, находящихся на южном побережье Сицилии, на суда, которые должны были направиться в Африку. Эти легионы под командованием второго консула Тиберия Семпрония Лонга начали долгий марш на север, к долине реки Пад, где ожидалась армия Ганнибала.

Тем временем Ганнибал со своими войсками после четырехдневного перехода, проведенного в быстром темпе, оказался в плодородной долине с многочисленными кельтскими поселениями. Карфагенские солдаты называли эту долину «Остров». Здесь было решено сделать недолгую остановку. За то время, пока солдаты отдыхали, Ганнибал успел выступить в роли арбитра и, встав на

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 34.

сторону старейшины племен, уладил спор о власти, который возник в местном племени аллоброгов. В благодарность он получил от жителей помощь в виде шерстяной одежды и кожаных ботинок для солдат, а также запас продовольствия. Карфагенянам были также представлены проводники для дальнейшего перехода. Ганнибал сумел убедить местное население, что его армия сразу же освободит их территории, и тем самым обеспечил себе возможный путь отхода¹.

После умирения внутренних распрей у аллоброгов, карфагенская армия двинулась дальше. Ганнибал, однако, не пошел прямо в направлении Альп, а свернул влево и, не встречая нигде отпора местных племен, дошел до реки, через которую его войска переправились вброд. Оттуда, вдоль долины, армия двинулась в направлении гор. Когда идущие в авангарде солдаты стали уже подходить к подножию горы, они вдруг увидели над своими головами каких-то людей, расположившихся на самых верхушках скал. Ганнибал приостановил марш, опасаясь внезапной атаки со стороны незнакомцев. Было решено разбить лагерь и выслать разведчиков для уточнения обстановки. Вскоре разведчики донесли, что эти люди — местные горцы из племени аллоброгов, промышленяющие грабежами и разбоем. В горах они скрываются только днем, а на ночь расходятся по своим домам в долине.

Ганнибал приказал, чтобы ночью в лагере не гасили костров, а наоборот, разожгли их как можно больше, несмотря на то, что уже оставалось мало дров. Сам же он в это время снарядил колонну из тяжелой пехоты, провел ее склоном ущелья под гору и занял места на вершинах, где днем прятались аллоброги. На сигнал, данный факелами с вершины, лагерь был свернут, и армия вместе с обозами начала медленно двигаться к горам.

Но к рассвету обозы и конница не успели покинуть перевал, так как спуск по другой стороне был значи-

¹ J. F. Lazenby, указ. соч., с. 37—42.

тельно более узким. Перед восходом солнца аллоброги, покинув дома и поднявшись к своим наблюдательным постам, застали там карфагенское войско. Горцы бросились на колонны солдат и, особенно, на обозы, везущие трофеи, вызывая тем самым панику среди животных. Ганнибал отдал своей пехоте приказ очистить склон от разбойников, которые были атакованы и отброшены в долину, где их и добила карфагенская конница. Отряды Ганнибала заняли близлежащие поселения аллоброгов, завладели запасами продовольствия и целыми стадами скота. Теперь армия была обеспечена провизией на ближайшие три дня перехода.

После короткого отдыха войска через котловину двинулись дальше. У Ганнибала уже не было проводников, поскольку те, которые сопровождали его от «Острова», заявили, что не знают дороги, и вернулись домой.

На третий день перехода армию встретила группа послов, состоящая из старейшин горных селений. Они предложили Ганнибалу помощь в виде продовольствия и проводников. Это предложение было принято весьма сдержанно, поскольку Ганнибал не мог полностью довериться старейшинам. Поэтому, согласившись принять помощь проводников, главнокомандующий перегруппировал свои войска. Теперь впереди шли слоны и конница, за ними выстроилась пехота и в самом конце ехали обозы. Ганнибал шел вместе с пехотой, приказав внимательно наблюдать за головой колонны.

Дорога, проходящая среди почти отвесных гранитных стен, вдруг стала сужаться. В этот момент внезапно исчезли проводники и на солдат с гор посыпались камни. Вслед за этим множество горцев бросилось со скалистых стен ущелий на обозы, одновременно разрезая походную колонну на две части. После ожесточенной схватки Ганнибалу удалось очистить ущелье от разбойников, и войска двинулись дальше. Идущие впереди слоны напугали горцев, которые никогда раньше не видели столь диковинных животных и, с другой стороны, ведомые, быть может, инстинктом, они находили более легкие пути.

На девятый день с момента выхода с плоскогорья, населенного аллоброгами, армия Ганнибала оказалась на высоте более 2400 метров над уровнем моря. Впереди вновь их ждал путь через перевал. Армия расположилась на двухдневный отдых. К лагерю, разбитому на покрытом снегом участке, подтягивались группы мародеров. Они угоняли лошадей, подбирали оброненные тюки. На перевале бушевала метель, ничего невозможно было разглядеть на расстоянии вытянутой руки.

Наконец на третий день небо прояснилось, и Ганнибал решил идти дальше. Однако армия уже была сильно измотана, солдаты, страдающие от голода и болезней, неохотно собирались в путь. Тогда, как описывает Ливий, «Ганнибал вышел перед солдатами, встал на надежный горный выступ, откуда простирался великолепный вид, и показал солдатам Италию, лежащую под Альпами. При этом он сказал, что они переходят стены не только Италии, но и самого Рима. Остальное — это равнины и легкие склоны, а потом, после одной или от силы двух битв, они получают в свои руки крепость и столицу Италии»¹. Солдаты поверили, что самое худшее уже позади и новая надежда оживила их сердца. Ганнибалу в очередной раз удалось поднять моральный дух своей армии.

Отряды двинулись дальше, но поход вниз оказался намного сложнее, чем вверх. Крутая, обледенелая дорога, частично уже присыпанная свежим снегом, вьющаяся над пропастью, казалось, создавала непреодолимые трудности. Земля, осыпавшаяся по обеим сторонам ущелья, тянула за собой новые жертвы. Случалось, что проходы надо было откапывать от глубокого снега и перебрасывать через них деревянные помосты. Нередко путь преграждали сорвавшиеся обломки скал, и для того, чтобы освободить дорогу, солдаты были вынуждены крошить каменные глыбы. Как это делалось, описал Ливий: «Отсюда посылали солдат для раздробления скалы, потому что только через нее можно было найти

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 40

проход. Перед тем, как раздробить камень, солдаты вырубали растущие рядом большие деревья, освобождали их от сучьев и складывали огромный костер. Когда порывы ветра достигали той силы, которая способна раздуть огонь, костер разжигали. Раскаленную скалу обливали уксусом, и в результате на ней появлялись трещины. Обожженный огнем камень начинали раскалывать с помощью железа и строить из него мост, опускающийся по спирали. По такому мосту могли сойти вниз не только выючные животные, но и слоны. Животные практически подышали от голода. Вершины гор были почти полностью голыми, а если на них и рос хоть какой-нибудь корм, то он был завален снегом. Зато внизу были долины, росли корма, недалеко от лесов бежали ручьи и вообще эти места были уже более пригодны для проживания. Здесь животных отправили на пастбища, а людям, измученным строительством прохода, было позволено отдохнуть. Тремя днями позже армия вступила на равнину, где и местность была удобнее и люди по характеру более мирные»¹.

Переход Ганнибала через Альпы продолжался 15 дней и принес большие потери. Из 38 тысяч солдат пехоты и 8 тысяч конников, которые пересекли Родан, после перехода через Альпы осталось 20 тысяч пехоты и 6 тысяч конников, то есть, потеряна была почти половина пехотных войск и четверть конницы. Но сильнее всех пострадали обозы и животные, в особенности слоны, значительную часть которых поглотили альпийские пропасти.

Перейдя через Альпы, Ганнибал в ноябре 218 г. до н.э. вошел в Предальпийскую Галлию, но не застал там своих союзников, бойев и инсубров.

Первым племенем, с которым столкнулись карфагеняне, добравшись до Италии, были вражески к ним настроенные таврины.

В то время они были не в ладах с союзниками карфагенян бойями. Армия Ганнибала первой атаковала про-

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 41.

тивника и захватила главный город тавринов Турин. Карфагеняне задержались здесь на короткое время, чтобы дать возможность отдохнуть людям и животным, а также привести в порядок оружие и снаряжение.

Отдохнув, карфагенские войска переправились через притоки Пада и двинулись в направлении Медиолана. Карфагеняне шли вперед с большой опаской, соблюдая на незнакомой территории всяческие меры предосторожности. Ганнибал уже не доверял никаким проводникам. Через какое-то время армия дошла до реки Тицина, где и произошло первое столкновение с римским войском Публия Корнелия Сципиона. Перед этим Сципион оставил свои войска возле Родана и, высадившись в Пизе, двинулся на север, чтобы стать во главе легионов, которые должны были усмирить восстание галльских племен. Он не мог даже предположить, что Ганнибал сможет в это время года провести армию через Альпы. Эта новость застала Сципиона врасплох. Он решил отправиться на север вдоль Тицина, чтобы, исполняя обязанности консула, перекрыть Ганнибалу дорогу в глубь Италии. Но и Ганнибал оказался в весьма затруднительном положении. Насколько Сципион мог рассчитывать на значительные резервы, находящиеся в глубине страны, настолько Ганнибал мог полагаться только на себя и своих солдат. За его спиной были только засыпанные снегом альпийские дороги, связь с Испанией была перерезана римской армией. Не оправдались также и надежды Ганнибала заполучить в качестве союзников галльские племена. Но он знал только одно, что отступить назад уже не сможет.

Римляне дошли до места, где Тицин впадает в Пад, построили мост и переправились на противоположный берег, туда, где находились карфагенские войска. На следующее утро, как только рассвело, противники увидели друг друга. Сципион построил свое войско таким образом, что в центре оказались пехотинцы, а на флангах конница. Но не успели римляне начать развернутое наступление, как конница Ганнибала нанесла внезапный удар по римской кавалерии и разбила ее. Затем

нумидийская пехота атаковала парализованные легионы, окружила их и обошла с тыла. Все время обороняясь, римляне сумели отступить к своему укрепленному лагерю. Здесь карфагеняне их уже не преследовали. В этом сражении Сципион был тяжело ранен и остался жив только благодаря помощи своего младшего сына и лигурийского раба.

Битва на Тицине показала, что карфагенская конница значительно превосходит кавалерию римлян. Победа Ганнибала существенно повысила его авторитет среди галльских племен. В ночь после битвы из лагеря Сципиона дезертировало две тысячи галльских солдат, служащих в римской армии, которые перешли на сторону Ганнибала. Некоторых из них карфагенский полководец использовал в разведке. Он приказал им вернуться в лагерь римлян и передавать ему оттуда необходимую информацию. К Ганнибалу прибыла также делегация от племени бойев, которая обещала оказывать карфагенянам посильную помощь и передала в их руки римских военнопленных. Карфагенский полководец решил обменять их на находящихся в плену галлов. После обмена галлы были отпущены домой.

Этой же ночью римляне свернули свой лагерь и быстрым маршем двинулись в направлении Плацентии. Карфагеняне смогли только атаковать охрану, состоящую из 600 солдат, которая разбирала мост на реке, чтобы избежать погони. На следующий день карфагенская армия двинулась вслед за римлянами. Вперед была выслана быстрая, не отягощенная грузом группа солдат под командованием Магона. В этот отряд входили конники и испанские пехотинцы. Через несколько дней марша обе армии вновь оказались напротив друг друга. Это произошло у реки Треббии недалеко от Плацентии.

Сюда же, к лагерю Сципиона, подтянулась и вторая римская армия под командованием Тиберия Семпрония Лонга. Первоначально эту армию планировалось задействовать в Африке, но затем форсированным маршем с Сицилии ее направили на помощь Сципиону. Поскольку Сципион еще не поправился после тяжелого ранения,

то командование армией во время сражения у Тицина, взял на себя Семпроний. Это было ему на руку, так как в душе он надеялся победить Ганнибала, а это, в свою очередь, облегчило бы ему переизбрание на должность консула на приближающихся выборах. Семпроний только ждал подходящего случая, чтобы начать действовать, и вот этот случай настал.

Ганнибал тем временем начал готовиться к битве. На основе информации, полученной от разведчиков из римского лагеря, он выработал свой собственный план. Проведя исследование равнины, Ганнибал приказал Магону подготовить засаду в довольно большом, но узком овраге, который тянулся посреди холмов, окружающих равнину. Магон получил задание укрыть в этом месте тысячу солдат и затем использовать их в решающий момент битвы. В ночь перед битвой погода стояла ненастная, шел ледяной дождь со снегом. И еще перед рассветом Ганнибал приказал отряду из 500 нумидийских конников переправиться через реку в направлении римского лагеря и вытянуть противника на бой. Оставшиеся в лагере карфагеняне на разожженных перед палатками кострах готовили тушеное мясо и ячменную кашу. Солдаты перед сражением натирали руки и ноги жиром, чтобы защитить их от холода.

В тот момент, когда неприятельская конница внезапно появилась перед воротами римского лагеря, Семпроний крепко спал. Неожиданно разбуженный, он приказал вывести кавалерию, чтобы ударить по врагам, а затем поднял пехоту. Римские пехотинцы двинулись за отступающими в направлении реки нумидийцами. Солдаты Семпрония, внезапно поднятые по тревоге, голодные и незащищенные от холода, вынуждены были переправляться через реку в ледяной воде, местами доходящей им до плеч. В результате, при выходе на равнину, оцепеневшие от холода римляне с трудом держались на ногах.

Когда римские войска оказались на другом берегу, они были моментально атакованы балеарскими пращниками, а затем тяжелой иберийской и ливийской пе-

хотой, которая была укрыта за земляным валом. Поединок сначала был равным, но затем выстроенная на флангах карфагенская конница, имеющая более чем двукратное преимущество над четырехтысячной конницей римлян, быстро взяла над ней верх, отодвинув на линию пехоты и окружив легион Семпрония. В этот самый момент тысяча солдат Магона, вынырнув из оврага, нанесла удар по тылам римлян. В ходе сражения 10 тысяч римских солдат смогли вырваться из окружения и отойти в направлении Плацентии. Однако большая часть римской армии была рассеяна или убита, или попала в плен. Карфагеняне преследовали уцелевших римлян только до берегов Треббии и затем вернулись в свой лагерь.

Поражение римлян было полным. Среди пленных Ганнибал задержал только римских граждан, а их союзников отпустил домой. Большие потери были среди животных и, особенно, слонов, которых карфагеняне использовали на флангах вместе с конницей. Ко всему прочему, слоны очень плохо переносили холод.

Оценивая битву у Треббии с тактической точки зрения, следует обратить внимание, что в ней проявились те характерные черты тактики Ганнибала, которые должны были принести ему победу в знаменитом сражении под Каннами. Это, конечно же, была атака с флангов превосходящей и качеством, и количеством конницей с целью выйти к тылам противника и уничтожить его армию в окружении. Успех этого маневра во многом зависел от того, выдержит ли центр карфагенской группировки напор зажатой в тиски неприятельской пехоты. На Треббии часть римской армии сумела прорвать сжимающее ее кольцо и, благодаря этому, смогла спастись. Но под Каннами римлянам это уже не удалось. Битва на Треббии показала, что шаблонно применяемая римлянами тактика манипулярного легиона начала подводить, и одной из причин этого стали неожиданные маневры неприятельской конницы¹.

¹ Piotrowicz, указ. соч., с. 223.

Результатом выигранного Ганнибалом сражения было усиление союза с галльскими племенами в Северной Италии. Инсубры, союзные с бойями, дали Ганнибалу клятву верности, обязуясь обеспечить его подкреплением. О своей верности Карфагену заявили также лигуры. Таким образом, около 10 тысяч галльских воинов перешло под командование карфагенского полководца. Но самым важным последствием победы Ганнибала было то, что в долине реки Пад он получил новую базу для снабжения своей армии.

После победы над римлянами карфагенская армия на два месяца расположилась на зимовку у реки Пад. Это был первый столь продолжительный отдых с момента пересечения Пиренеев. Зима выдалась очень суровой, особенно для солдат, привыкших к теплему климату Африки или Испании. Большая часть слонов погибла от холода. Ганнибал, чтобы не тратить время зря, старался собрать как можно больше сведений, пригодных для будущих военных действий. Частично такие сведения ему предоставляла разведка, организованная доверенным офицером штаба Карфалоном, частично же он получал информацию сам, разъезжая переодетым по территории. Переодеваясь, Ганнибал, видимо, менял и парики¹. Этот маскарад помог ему избежать наемного убийства, которое настигло в Испании Гасдрубала. Ганнибал уже знал, что в Испании высадилась римская армия под командованием Гнея Корнелия Сципиона. Карфагенский полководец отдавал себе отчет, что после нанесенного им поражения римляне воспользуются своими резервами и подготовят новую армию, которая будет стараться задержать его дальнейшее продвижение в глубь Италии.

В январе 217 г. до н. э. Тиберий Семпроний Лонг двинулся к Риму, чтобы возглавить новые выборы. Однако он не был повторно избран консулом, что, впрочем, можно было предвидеть после поражения, которое он потерпел на Треббии. Новыми консулами стали Гней

¹ Polibiusz, указ. соч., с. 163.

Сервилий и Гай Фламиний. Тем временем в Риме, как только были получены известия о поражении римского войска на Треббии, воцарилось беспокойное и угнетенное настроение. Летописцы вспоминают о появлении в это время в столице и окрестностях удивительных пророческих знаков, свидетельствующих о гневе богов. Ливий пишет, что «на небе появился свет в форме кораблей, в храм Надежды ударила молния; в храм Юноны залетел ворон и уселся у самого изголовья богини; на амитернском поле (Амитерн — город в стране сабинов на северо-востоке от Рима) видели вдалеке человеческие фигуры, которые ни к кому не приближались; в Пицене прошел каменный дождь». В связи с появлением этих знаков «служители бога заглянули в святые книги. После каменного дождя в Пицене было провозглашено 9-дневное жертвоприношение. И вскоре почти весь город был занят тем, что изгонял нечистую силу. Прежде всего провели религиозное очищение города, то есть богам приносились в жертву крупные животные. Юноне послали в дар 40 фунтов золота и бронзовую статую»¹.

В то время, когда в Риме задабривали богов, а также проводили новый рекрутский набор в армию, карфагенское войско покинуло зимнюю стоянку и двинулось на юг. Перед Ганнибалом было две дороги — одна была удобная, но длинная, а другая, значительно короче, но идущая через труднопроходимые, заболоченные места. На известие, что консул Гай Фламиний сконцентрировал свою армию около Арреция, Ганнибал решил двигаться именно туда и выбрал для этого короткую дорогу через болота. Выбирая этот путь, Ганнибал к тому же надеялся обойти главные силы римской армии, которые стояли около Аримина под командованием второго консула Гнея Сервилия. Подробное описание этого похода карфагенских войск дал Полибий, который скорее всего опирался на карфагенские источники².

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 63.

² Polibiusz, указ. соч., с. 164—166.

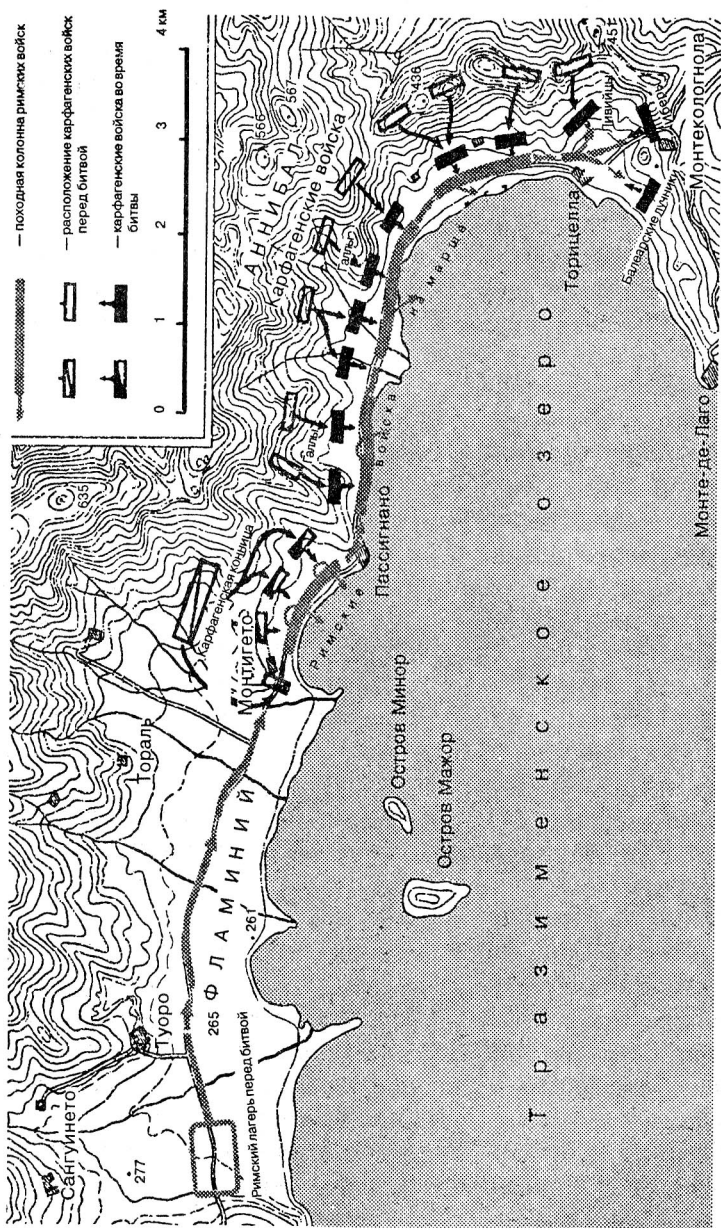
Во время похода Ганнибал построил свою армию таким способом, что во главе двигалась ливийская и иберийская пехота и обозы, во втором эшелоне шли союзники галлы и, наконец, позади всех — конница под командованием Магона. Легче всего было идти ливийцам и иберам, они испытывали еще относительно малые трудности, поскольку первыми проходили через топкую местность, а уже для идущих следом дорога становилась все хуже и хуже. В некоторых местах солдаты проваливались в болото по шею, вязли в трясине. Особенно плохо переносили трудности этого перехода галльские воины. Кроме того, в болотах погибло много вьючных животных. Людей изматывало недосыпание, потому что армия шла почти без перерыва (делая только короткие привалы) в течение четырех дней и трех ночей. Главный врач армии Синхал и его помощники были не в состоянии предотвратить эпидемию малярии. Промерзших и промокших солдат приступы болезни окончательно валяли с ног. Сам Ганнибал, едущий на единственном оставшемся в живых слоне, страдал от сильной головной боли и воспаления глаз. Из-за того, что не было ни места, ни времени для проведения соответствующего лечения, карфагенский полководец, в конце концов, потерял один глаз. Наконец, преодолев болотистую местность, карфагеняне дошли до долины реки Арн, где около речного брода их ждали переодетые бродячими торговцами разведчики, высланные вперед карфагенянами. Они сообщили Ганнибалу, что впереди находятся многолюдные и богатые поселения, а армия Фламиния расположилась около Арреция. Ганнибал решил обойти армию Фламиния и быстрым маршем двинуться через Этрурию в направлении Рима.

Опустошая целые поселения между Кортоной и Тразименским озером, карфагенские войска дошли до места, которое отлично подходило для установления засады. В этом месте дорога, идущая между озером и прибрежными холмами и горными склонами, сильно сужалась. Узкий участок растянулся на 9 километров. Именно здесь Ганнибал решил дать бой Фламинию, который, узнав о

разорении карфагенянами кортонских поселений, кинулся за ними в погоню.

Фламиний решил двинуться вслед за Ганнибалом против воли военного совета, на котором было решено подождать армию Гнея Сервилия, стоящую около Аримина. Только после объединения обеих консульских армий должны были начаться совместные наступательные действия, а сейчас только легковооруженными резервными отрядами следовало помешать карфагенянам разорять страну. О том, как отреагировал Фламиний на решение военного совета, нам рассказал Ливий: «В ответ на это он, однако, разгневанный ушел с совещания, приказал поднять флаг в знак выступления и, одновременно, битвы, призывая: «Конечно, мы сидим под стенами Арреция! Здесь наша отчизна и наши пенаты! Выпустили из рук наших Ганнибала, пусть уничтожает Италию, пусть опустошает и сжигает все вокруг и так дойдет до стен Рима! А мы не двинемся отсюда до тех пор, пока Гая Фламиния не призовет на помощь сенат!». Так, осуждая всех, Фламиний приказал быстрее выдвигаться, но когда садился на коня, тот вдруг споткнулся и перебросил консула через голову. Все стоящие рядом поразились, видя в этом нехорошее предзнаменование для начинаемого дела. И к тому же еще принесли известие, что, несмотря на всяческие усилия, знаменосец не может вырвать из земли древко. Но Фламиний, обратившись к вестнику, возразил: «А может, ты еще принес письмо от сената, приказывающее мне прекратить это начинание? Уходи отсюда и передай, чтобы выкопали знамя, если для того чтобы его вырвать, онемели у них руки со страха». Поход начался. Высокопоставленные люди, кроме того, что не согласны с Фламинием, сейчас еще были обеспокоены двойным предзнаменованием. В то же время солдаты радовались, что командир уверен в себе, хотя видели перед собой скорее надежду, чем для этой надежды основания»¹.

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 69—70.

Битва на Тразименском озере (217 г. до н.э.)

Точное определение места битвы у Тразименского озера представляет определенные трудности, отсюда и разброс мнений в историографии. Современные ученые, однако, утверждают, что битва произошла на узком отрезке дороги на берегу озера¹.

В ночь на 21 июня 217 г. до н.э., после тщательной рекогносцировки, Ганнибал свернул лагерь и разместил войска на поросших деревьями холмах вдоль очень узкого участка дороги. Часть карфагенских сил перекрывала дальнейший путь неприятелю. Там же в укрытии находились иберийская и ливийская пехота, пращники и балкарские лучники, а на склонах вдоль дороги — галльские отряды. Конница была выстроена у самого выхода к перевалу. Засада была подготовлена очень тщательно. Ганнибал с выгодой для себя использовал местные и климатические условия. Утром над озером опустился густой туман и видимость сильно ухудшилась. Карфагенская армия ждала неприятеля.

На рассвете армия Фламиния, насчитывающая около 25 тысяч солдат, вышла из лагеря. Походная колонна римлян сильно растянулась и когда она оказалась в том самом узком месте дороги, где ее уже поджидали карфагеняне, то была внезапно атакована, сначала — с флангов, а затем — с тыла и спереди. Неожиданность была столь велика, что римляне в первую минуту вообще не могли понять, что же произошло. Со всех сторон слышались крики и стоны раненых. Сквозь туман на сомкнутые ряды пехоты со свистом летели стрелы и снаряды. Центурионы безуспешно пытались перегруппировать отряды, чтобы начать битву с атакующими со склонов карфагенянами. Те же, в свою очередь, с такой стремительностью ринулись со склонов на марширующие колонны, что разорвали их окончательно. Ожесточенная схватка с legionерами продолжилась между скалистыми склонами и водой.

Как пишет Полибий, римские солдаты были «оттеснены к озеру, где одни в приступе безумия пробовали плыть

¹ Liwiusz, указ. соч.; см. также карту.

прямо в обмундировании и тонули, а большинство входили в озеро так далеко, как только могли и там оставались, лишь головы торчали над водой. А когда появилась конница, и гибель их стала очевидна, подняли вверх руки и стали просить, чтобы их взяли живыми, крича при этом во все горло. В конце концов, часть солдат пала от руки неприятеля, а некоторые, подбадривая друг друга, лишили себя жизни сами»¹.

В ходе битвы в тылу римских войск появилась тяжелая карфагенская конница, закрывающая пути к отходу. Паника охватила разбитые легионы — бежать было некуда. Впереди выход из западни также был перекрыт отрядами ливийской пехоты под командованием Магарбала. Очень красочно ход этой битвы описал Ливий: «В той суматохе и замешательстве трудно было наметить какой-либо план или услышать приказ. Нельзя было распознать свои знаки, шеренги; не хватало самообладания, чтобы схватить оружие и использовать его в сражении. И потому многих битва застала врасплох, когда и оружие в руках не могло защитить. К тому же в таком тумане больше ориентировались с помощью слуха, чем зрения. Стоны раненых, звуки ударов, окрики, угрозы слышны были кругом. Убегающие наталкивались на тесную массу бьющихся, которая не давала им двинуться дальше.

После многих бесплодных попыток вырваться из этой западни стало очевидно, что единственной надеждой для каждого есть его собственная правая рука и оружие. Так каждый стал сам себе командиром, получив стимул к действию. И битва началась заново. Но это уже не было сражением построенных в шеренги принципов, гастатов и триариев, солдат не находился в своем легионе или в своем манипуле. Случай создавал тесные группы и каждый, в зависимости от своей собственной храбрости, бился и сам за себя и за своих товарищей. Все сражались с такой ожесточенностью, что никто даже не заметил того землетрясения, которое тогда преврати-

¹ Polibiusz, указ. соч., с. 167.

ло в руины большую часть италийский городов, изменило течение рек, вытиснуло море в речные русла и спровоцировало сильные завалы в горах.

Бились так уже добрые три часа и везде с огромным упорством. Особенно грозная и ожесточенная битва велась около консула. Ведь за ним шли лучшие солдаты да и сам он, как только видел тяжелую и опасную ситуацию для своих людей, тотчас же бежал туда на выручку. Неприятель же атаковал консула сильнее, чем других. Один инсубрийский конник, которого звали Дукарий, узнал консула в лицо и воскликнул, взывая к своим землякам: «Это тот, кто разбил наши войска, опустошил наши земли и города! Я отдам его в жертву теням наших граждан, так впустую погибшим!» Дукарий пришпорил коня, продрался сквозь тесно сомкнутые шеренги противника, убил сначала приближенного воина, который хотел противостоять атакующему, а затем пронзил копьем самого консула. Он попробовал даже сорвать с убитого оружие, но ему помешали триарии, заслонившие консула щитами.

И вот теперь большая часть сражающихся римлян бросилась бежать. В этой панике уже ни озеро, ни горы не были препятствием. По всем тесным тропинкам и через обрывы бежали вслепую, и люди и оружие падали друг на друга. Многие, не находя другого выхода, входили в воду. Погружались по самые плечи и только головы торчали над поверхностью. Нашлись и такие, кто, повинувшись сильному страху, решались переплыть озеро. Но слишком большая удаленность от другого берега ставила их в безнадежное положение. Одним не хватало дыхания и они гибли, поглощенные пучиной, другие измученные поворачивали назад на мелководе, где их уже встречали конники противника»¹.

Сражение длилось три часа. За это время 6 тысяч солдат передовой римской охраны сумели прорваться в восточном направлении. Но в погоню за ними бросилась карфагенская конница, которая догнала их и окружила.

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 71—72.

Легионеры сдались карфагенянам вместе со штандартами, что было очень необычным явлением в римской армии.

Таким образом, битва у Тразименского озера закончилась полным поражением римлян. Ливий пишет, что в этом сражении погибло 15 тысяч солдат, 10 тысяч воинов разбежалось, убегая через Этрурию разными дорогами в Рим или попадая в карфагенский плен. Карфагеняне потеряли на поле боя около 2500 солдат, но было и много раненых, часть их позднее скончалась. После битвы Ганнибал велел найти тело Фламиния, чтобы похоронить его с надлежащими почестями, но, к сожалению, тело консула не нашли. Скорее всего, оно было лишено знаков отличия и брошено на поле боя. Все погибшие были похоронены. На поле боя остались лежать брошенные штандарты с серебряными орлами, горы снаряжения и запасов продовольствия, а также части переносных мостов и метательных орудий.

В ночь после сражения карфагеняне праздновали победу. В палатке, заменяющей храм, жрецы проводили ритуальные обряды перед изображениями богов. Взятых в плен воинов, которые принадлежали к союзникам римлян, Ганнибал приказал отпустить на волю, римские же граждане были сурово наказаны. При этом главнокомандующий карфагенской армией провозгласил, что ведет войну против римлян, но не против их союзников.

При подготовке к дальнейшему походу Ганнибал получил известие, что стоящий около Аримина второй консул Гней Сервилий выслал в его сторону четырехтысячный конный отряд под командованием Гая Центения. Ганнибал сразу же отправил им навстречу конницу Магарбала. Между отрядами произошло столкновение, в котором погибло 2 тысячи римлян и еще 2 тысячи попали в плен.

Когда известие о поражении армии Фламиния дошло до Рима, город окутало чувство тревоги и страха. Еще более это состояние усилила весть об уничтожении отряда Центения. Толпы горожан вышли на глав-

ную площадь города в ожидании официальных заявлений от сената. Наконец на трибуну поднялся претор Марк Помпоний и, дождавшись, когда стихнет гул голосов, коротко известил: «Мы потерпели поражение в великой битве»¹. После таких слов, как пишет Ливий, «на следующий день и в течение нескольких дней у ворот города собиралась огромная толпа, где женщин было намного больше, чем мужчин. Они ожидали кого-нибудь из своих или хотя бы вестей о них. Встречаемых окружали плотным кольцом, выпрашивая обо всем и не давая им вырваться, пока не выпытывали всего, что только возможно. После этого можно было наблюдать самые разные эмоции, отражающиеся на лицах людей, в зависимости от того, хорошие или плохие новости они узнали. Они возвращались домой в окружении тех, кто вместе с ними радовался или же, наоборот, утешал. Особенно сильно переживали женщины, причем как хорошие, так и плохие вести. Рассказывают, что одна, встретив у ворот уцелевшего сына, умерла в его объятиях. Другая, получив известие о смерти сына, сидела дома как омертвевшая и вдруг, при виде вернувшегося, живого и невредимого (известие оказалось ложным) от неизмерной радости упала замертво. Преторы несколько дней от рассвета до захода солнца держали совет и решали, с какими войсками и под чьим командованием можно было бы оказать сопротивление пунийцам»².

В этой тяжелой ситуации, среди небывалого переполоха, все ожидали, что теперь Ганнибал ударит непосредственно по Риму. Для организации необходимой обороны сенат решил прибегнуть к чрезвычайному средству — назначить диктатора. Что интересно, из-за отсутствия консула, который мог бы совершить это назначение, диктатора призвал народ и им стал Квинт Фабий Максим. Командующим конницей был назначен Марк Минуций. И именно этим людям сенат доверил обо-

¹ Polibiusz, указ. соч., с. 168.

² Liwiusz, указ. соч., с. 74

рону Рима, укрепление стен и башен города, подготовку гарнизона и разрушение мостов через реки.

После принятия поста Квинт Фабий Максим доложил сенату о числе легионов, которое, по его мнению, было необходимо для ведения дальнейшей борьбы с Ганнибалом. Было решено, что Фабий примет армию от консула Гнея Сервилия и, кроме того, призовет под ружье такое количество конников и пехоты из числа римских граждан и их союзников, какое посчитает нужным для проведения успешной обороны. Диктатор постановил усилить армию двумя легионами. Их комплектование он возложил на Минуция. Одновременно Фабий организовал эвакуацию населения городов и деревень, которым угрожали карфагенские войска. При этом он приказывал уничтожать урожай и сжигать хозяйственные постройки, чтобы не дать Ганнибалу источников для снабжения на пути марша.

Тем временем опасения о непосредственном наступлении на Рим не оправдались. Великий карфагенский полководец трезво оценивал ситуацию и понимал, что не сможет завоевать город с ходу, об осаде же он не мог даже подумать, не располагая для этого соответствующими средствами, и что еще хуже — имея за собой армию Сервилия. Кроме того, необходимо было принять во внимание попытки помощи со стороны римских союзников и латинских колонистов. Главнейшей задачей для Ганнибала в этой ситуации было разбить римско-италийский союз и оторвать южноиталийские племена от Рима. Поэтому было решено двигаться именно в этом направлении. Эта дорога в результате должна была привести к величайшему триумфу в жизни Ганнибала и к страшнейшему поражению, какое терпели римляне в самом знаменитом сражении античных времен — битве под Каннами.

КАННЫ

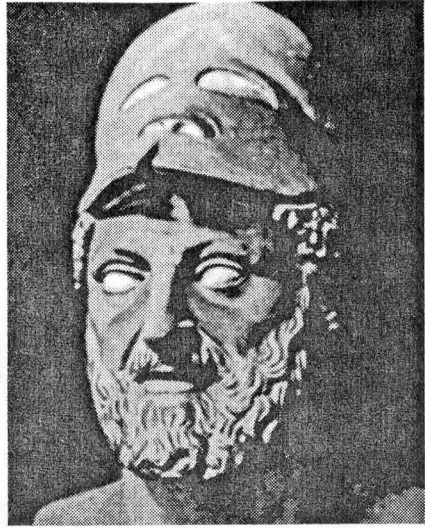
Добившись победы у Тразименского озера и разбив отряды Центения, Ганнибал вместе со своей армией двинулся в восточном направлении, к Адриатическому морю. Через Умбрию, после неудачной попытки захватить город Сполетий, карфагенские войска добрались до Пицена. Здесь они задержались на некоторое время для отдыха после зимних переходов, переправы через болота и последней, великой и успешной, хотя и совсем не легкой битвы.

Ганнибал частично снабдил своих солдат трофейным римским снаряжением и оружием и начал обучение войска, используя опыт предыдущих сражений. Затем карфагенская армия, опустошая ближайшие населенные пункты, двинулась вдоль морского берега на юг, к Апулии. Ганнибал шел в направлении плоскогорья, растянувшегося вокруг пересечения дорог недалеко от Луцерии, откуда свернул к Южному Самнию, в страну гирпинов, а уже оттуда двинулся к Центральному Самнию. Разоряя по пути поселения Беневента, карфагеняне завоевали город Телезию. После этого успеха, поддаваясь уговорам своих советников, Ганнибал двинулся к Кампании. Здесь карфагенские войска полностью уничтожили Фалернскую возвышенность, известную уже тогда виноградарством и производством отличного вина. Приказав вырубить эти виноградники, Ганнибал тем самым лишил италийскую торговлю ценнейшего экспортного продукта¹.

¹ См.: G.Ch. Picard. *Hannibal*. Warszawa, 1971. S. 138.

В то время, когда карфагенская армия разоряла территории Италии от Апулии до Кампании, диктатор Квинт Фабий Максим, приняв командование армией Сервилия и усилив ее двумя вновь сформированными легионами, следил за передвижениями противника, не думая пока вступать в открытое столкновение. Он отдавал себе отчет, что армия Ганнибала, состоящая из умелых солдат, ветеранов многих битв, имеет преимущество над его войсками, в которых было много новобранцев, остающихся под впечатлением от поражений последнего времени. Таким образом, каждое открытое сражение грозило новой неудачей, последствия которой трудно было даже предвидеть. Такая стратегия Фабия, рассчитанная на затягивание столкновения и уничтожение отдельных ослабленных в мелких стычках и схватках отрядов неприятеля, могла принести положительный успех. Это казалось тем более реальным, что карфагенская армия, отрезанная от баз снабжения в Северной Италии и Испании, испытывала все большую нехватку продовольствия. Ни одно племя, через чью территорию проходил Ганнибал по пути к Кампании, не присоединилось к нему, ни один город не открыл перед ним ворота, его войска были лишены какой-либо поддержки среди населения, за верностью которого наблюдала римская армия, контролирующая действия неприятеля.

Фабий, не поддаваясь ни на какие провокации карфагенян, окружил гарнизонами главные города Кампании, особенно Казилин, расположенный в нескольких километрах от Капуи, а также заблокировал все горные перевалы. Ганнибал, опасаясь окружения, решил оставить Кампанию, но оказался в западне, из которой, однако, ему удалось вырваться благодаря придуманной им оригинальной хитрости. Предупреждая попытки Ганнибала прорваться на север узким перевалом между горами и морем, римляне поставили заслон возле города Ферм. Здесь проходила самая короткая дорога на Рим. На юге дорогу карфагенским войскам преграждали болота в окрестностях Литерна. В

Гамилькар.

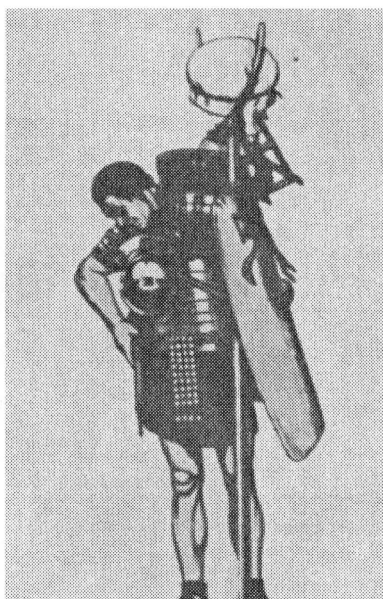
Ганнибал.

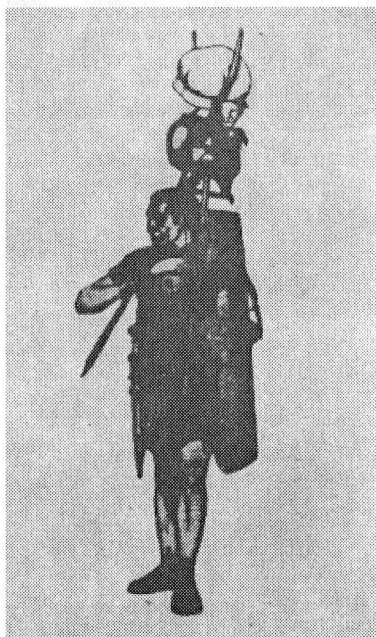
Бюст Ганнибала.

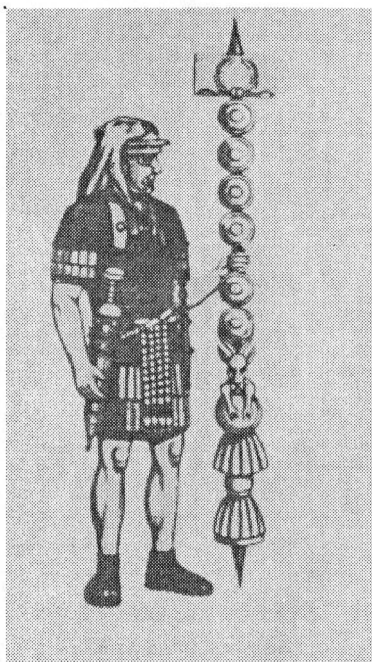

*Пеший легионер
в боевом снаряжении.*

Пешие легионеры в походной экипировке.

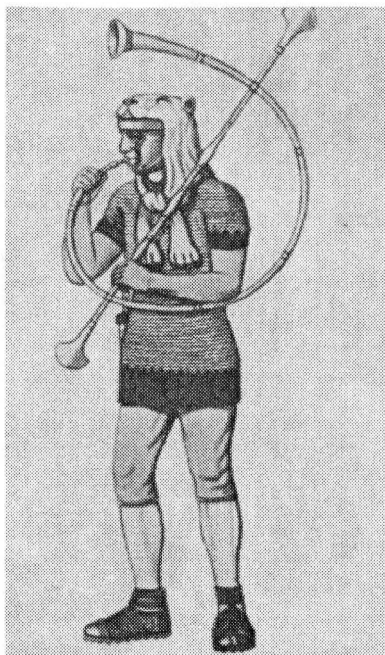

*Воин-знаменосец
легионерной пехоты в
боевом одеянии со знаком
своего отряда.*

*Воин-знаменосец
вспомогательных войск
римских союзников в
боевом одеянии со знаком
своего отряда.*

Римский трубач-сигнальщик в боевом одеянии.

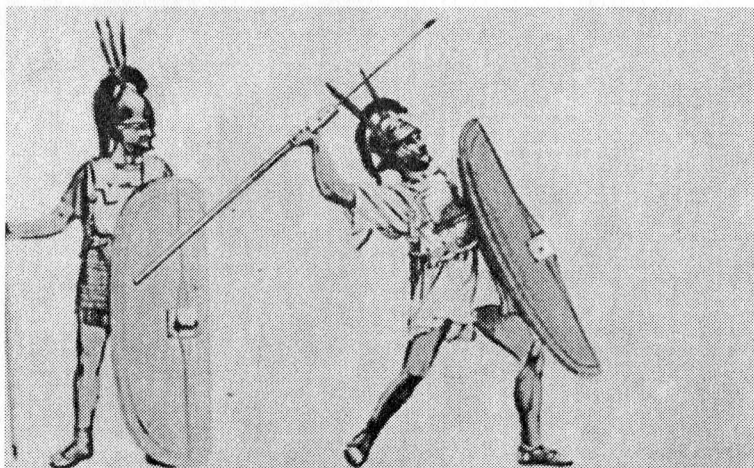

Пеший римский легионер (рядом два вида копий).

Римский воин-знаменосец, несущий знак легиона в виде орла.

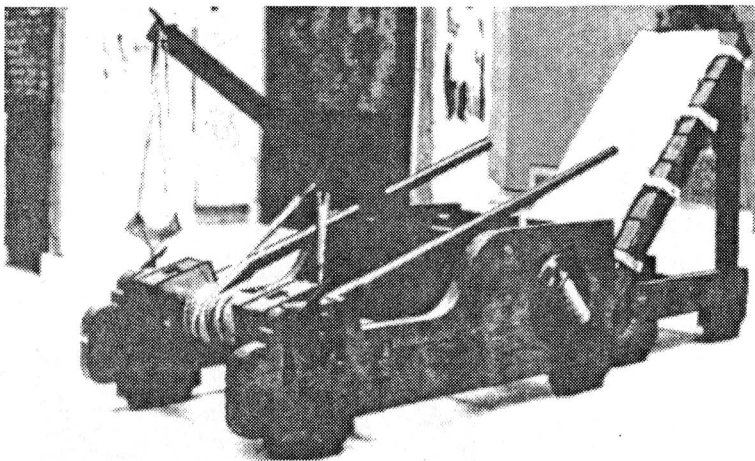
Солдаты из отдельных линий римского легиона: слева — триарий, справа — гастат либо принцип.

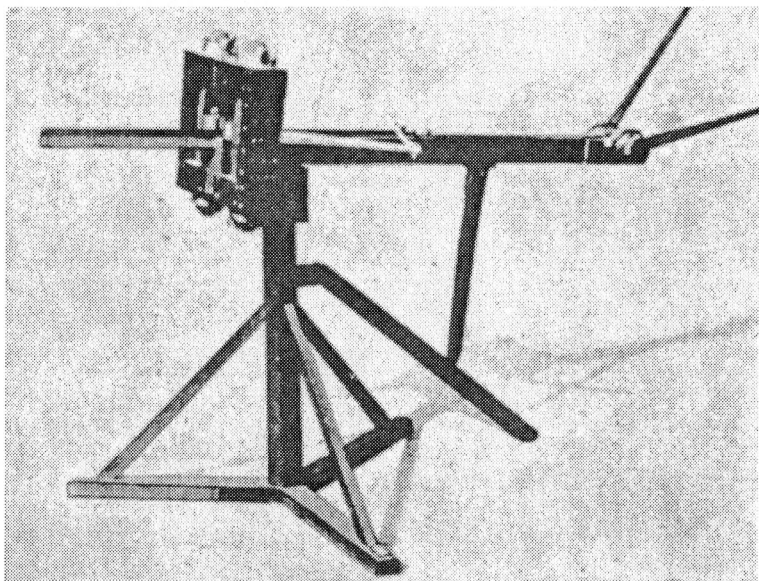
*Офицер римской
конницы.*

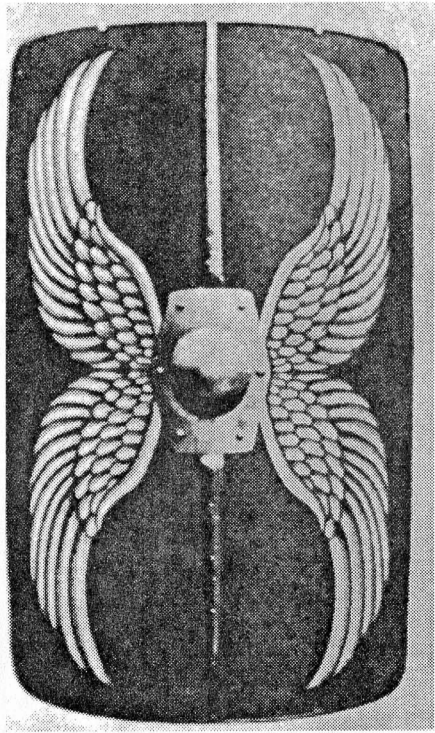
*Верховный
главнокомандующий
римской армии (консул).*

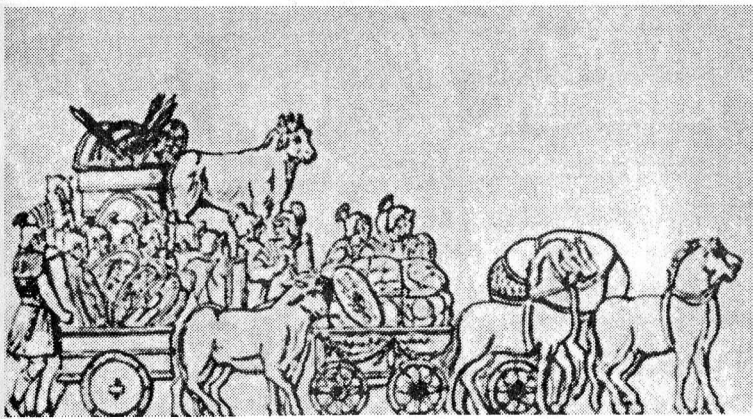
Модель римского метательного орудия (онагр).

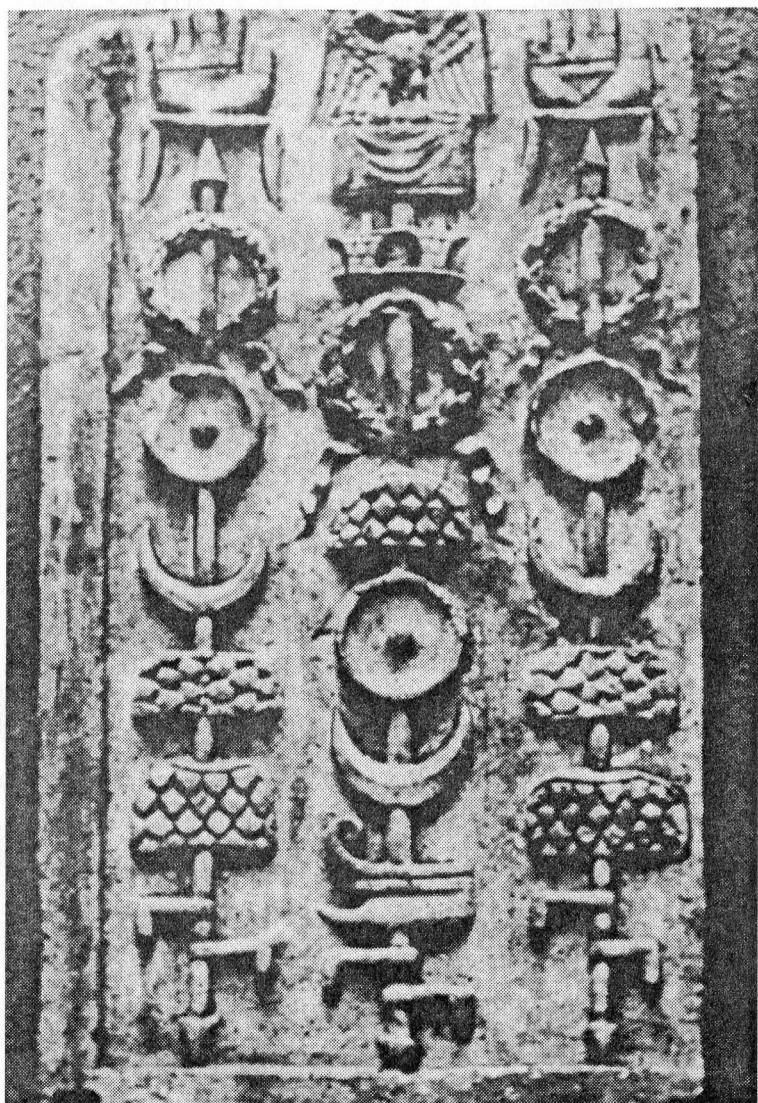
Модель римского метательного орудия (катапульта).

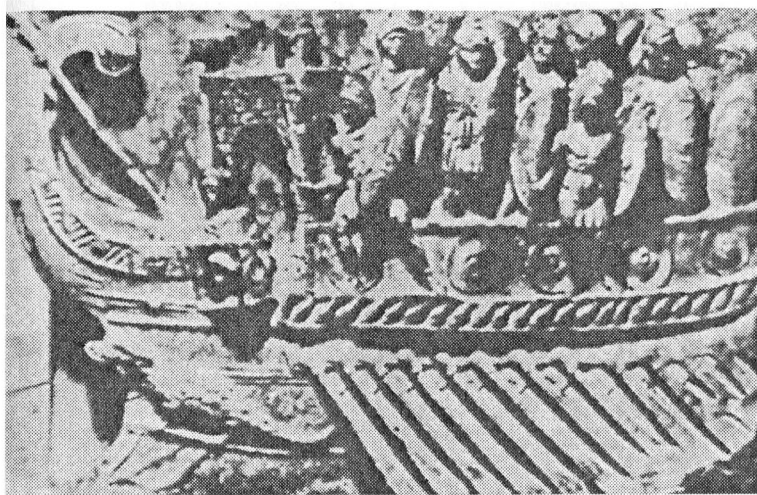
*Щит пешего
римского легионера.*

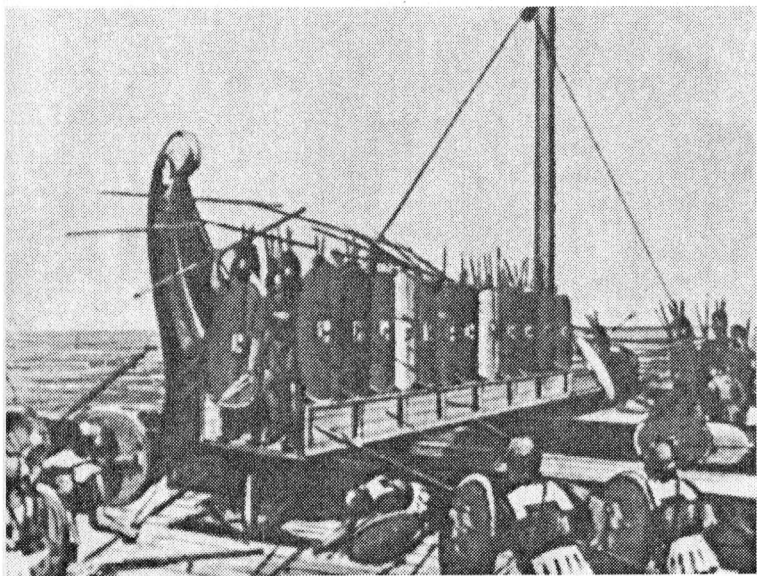
Обозы римской армии.

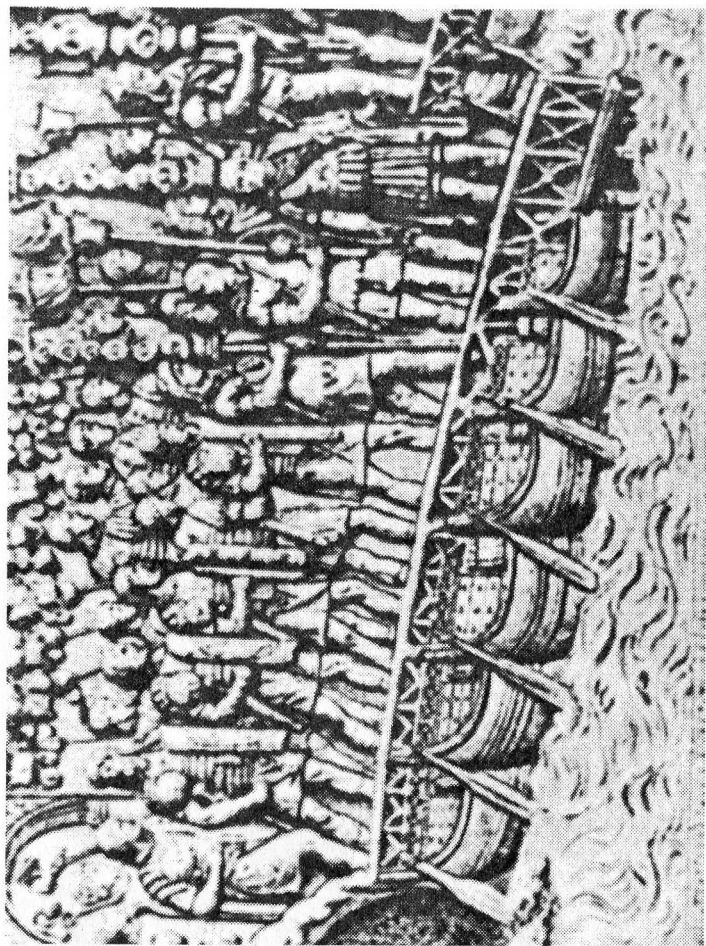
Знаки легиона и манипул.

Римский военный корабль.

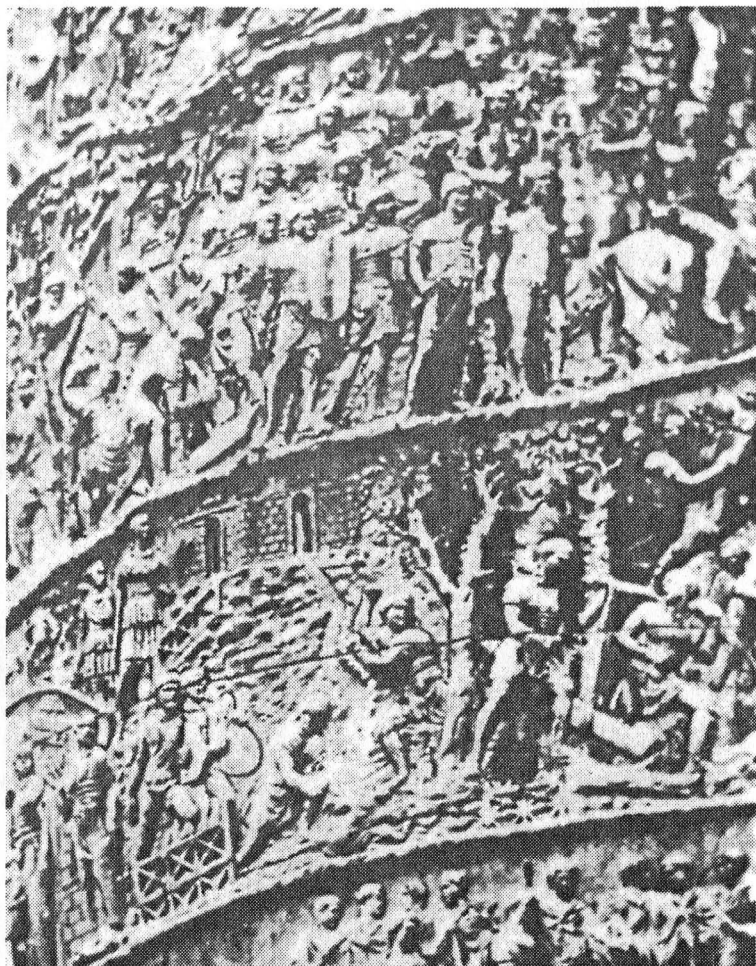

Абордаж с помощью абордажного мостика.

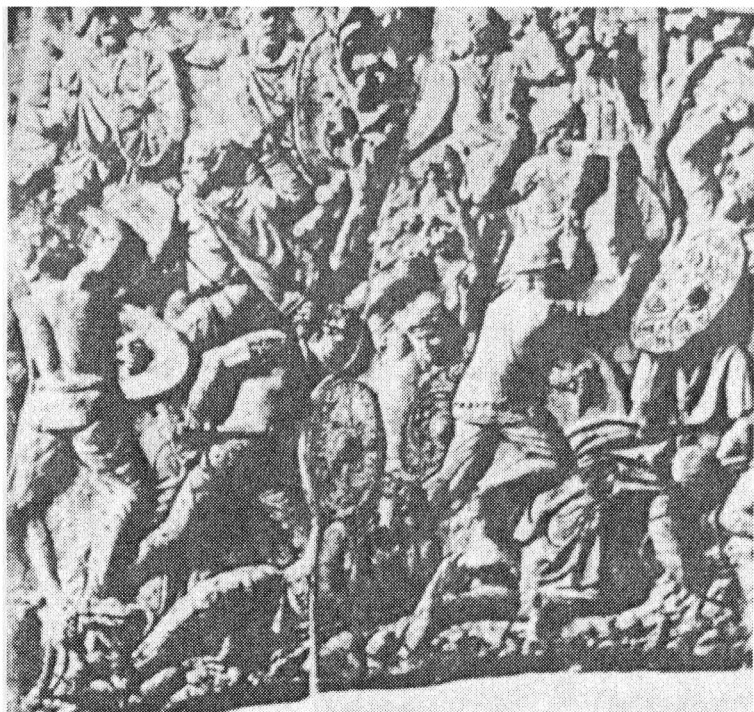

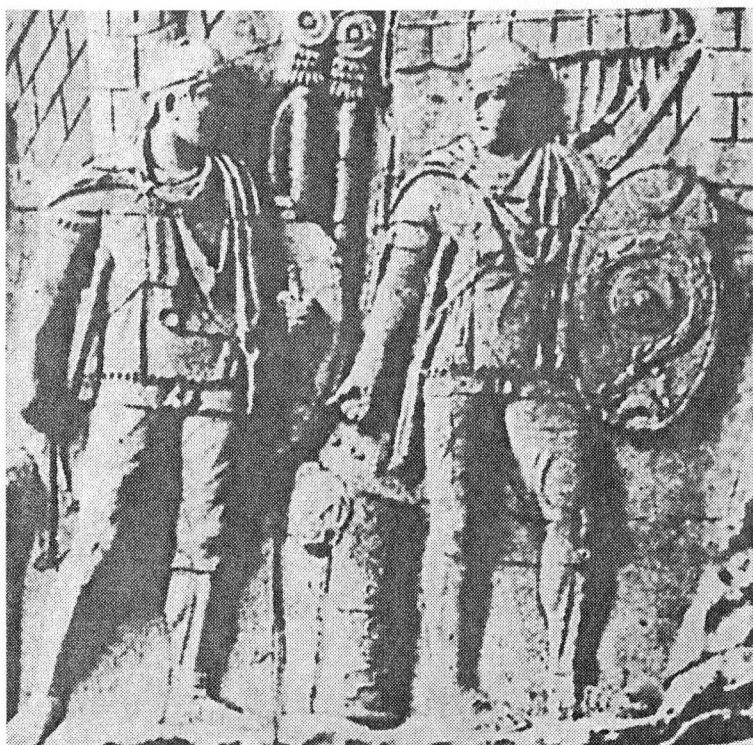
Римская армия на марше, переправа через реку.

Военный поход. В нижнем ряду — работа римских солдат в лагере. В верхнем — марширующие отряды легионеров.

Бутва.

Солдаты вспомогательных войск римских союзников.

этой ситуации, не имея также никакой возможности выбраться через окруженный римлянами Казилин, Ганнибал решил двинуться в направлении гор. И вот здесь, опасаясь внезапной атаки со стороны римлян, окруживших вершину перевала и соседние склоны, Ганнибал прибегнул к хитрости.

С наступлением сумерек он приказал погонщикам скота, которые сопровождали войска, прогнать через долину около тысячи волов. К рогам животных привязали паклю. Около полуночи волов погнали крутым склоном под гору, зажигая привязанные к их рогам факелы¹. Волы, как обезумевшие, кинулись вперед, ломая на своем пути заросли и деревья. Римляне, увидев сотни огней и услышав страшный треск от ломающихся ветвей, покинули занятые позиции и в ужасе бросились бежать. Переполюх, устроенный карфагенянами, был полным. Тем временем карфагенская армия перешла через перевал и к восходу солнца хвост колонны был уже у выхода из долины. Главные римские силы наблюдали за происходящим издали, но Фабий не намеревался начинать какие-либо действия, и тем более, ночью. В конце концов, карфагеняне вернулись в Самний и оттуда отправились к Апулии, где Ганнибал, заняв город Героний, расположил свои войска на зимовку, предоставив им несколько месяцев отдыха.

Метод ведения войны с Ганнибалом, основанный на затягивании решающего столкновения, который применил Квинт Фабий Максим, принес ему прозвище Кунктатор, то есть Медлитель. Такая стратегия вызывала протесты оппозиции. Действия, проводимые Фабием, расценивались его врагами как поражение². Его обвиняли в трусости и вялости. В конце концов, стоящий во главе оппозиции Марк Минуций был наделен правами, обеспечивающими ему такую же власть, какую имел

¹ Polibiusz, указ. соч., с. 173; Liwiusz, указ. соч., с. 83—84; Appian, указ. соч., с. 104. Полибий и Ливий упоминают 2 тысячи волов. См. также Lamb, указ. соч., с. 173—174.

² Picard, указ. соч., с. 139.

диктатор Фабий. Легионы были поделены между двумя главнокомандующими. Нужно отметить, что с точки зрения права, уравнивание в правах командующего конницей и диктатора было случаем беспрецедентным и нарушало правило единоличного управления. Во время отсутствия Фабия, который временно выехал в столицу, Минуций одержал победу над карфагенскими войсками в небольшой схватке под Геронием. Это вызвало большое оживление в Риме и одновременно усилило недовольство Фабием. Однако вскоре после этого Минуций чуть не потерпел поражения в очередном столкновении с Ганнибалом и только быстрое вмешательство диктатора смогло его спасти. И тогда в Риме вновь раздались голоса в поддержку Фабия, хотя это и не погасило боевого пыла.

В результате военных действий, которые вели карфагеняне, значительные территории Центральной Италии были разорены и Рим стал чувствовать нехватку продовольствия. На помощь римлянам пришел тиран Сиракуз Гиерон II. Его флот зашел в порт в Остии и привез запасы зерна и военную помощь. Ливий вспоминает, что Гиерон прислал в дар сенату золотую статую богини победы Виктории, весящую около 72 килограммов, а также «триста тысяч мер пшеницы, двести — ячменя»¹, а еще тысячу лучников и пращников и отряды солдат. В это же время население территорий, сильнее всего пострадавших от карфагенян, начало все настойчивее требовать применения активных действий против Ганнибала и скорейшего окончания войны. В Риме приближался срок выборов новых консулов на 216 г. до н.э. Ими стали Луций Эмилий Павел и Гай Теренций Варрон, самый красноречивый политический оратор, но вместе с тем демагог и горячий противник замедленной стратегии Фабия. Сразу же после избрания новых консулов проявилась разница во взглядах на методы дальнейшего ведения войны. Насколько Павел ратовал за воздержанность в дальнейших действиях, настолько Варрон был приверженцем активных наступательных шагов, ведущих к окончательной

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 104.

победе. К середине 216 г. до н.э. в Риме все отчетливее проявлялась атмосфера войны и стремление к решающей расправе с Ганнибалом. Согласно решению сената, консулы издали закон о мобилизации, размеры которой были значительно больше, чем все предыдущие. Даже противники войны в сенате в конце концов согласились на начало наступательных действий, а свыше 100 сенаторов отказались от своих должностей, чтобы вступить в легионы¹.

В состоянии полной боевой готовности оказалось 8 легионов вместе с соответствующим количеством союзников, что в сумме давало около 86 тысяч солдат. Это была самая сильная армия, какой когда-либо располагали римляне. Ганнибал мог ей противопоставить около 50 тысяч солдат. В то время, когда Фабий Максим был уже лишен всякой власти, оба консула, соединившись с войсками Минуция, двинулись в поход против Ганнибала. Карфагенский полководец, расположившийся в Геронии, с наступлением лета начал отходить к богатым равнинам Южной Апулии. Это делалось не только с целью добычи продовольствия для армии, но и для заманивания римских войск на территорию, особенно благоприятствующую действиям карфагенской конницы. Во время этого похода Ганнибал захватил зернохранилище в небольшом местечке Канны, лежащем на Адриатическом побережье у реки Ауфид (Офанто). Здесь 2 августа 216 г. до н.э. произошла самая знаменитая битва античных времен.

До сих пор в историографии нет единого мнения, на северном или южном берегу реки Ауфид произошла битва. К тому же река многократно меняла русло в течение минувших двух тысяч лет. В 1937 г. на юго-западе от Канн было раскопано кладбище, где в каменных гробах лежали тысячи скелетов. Однако оказалось, что это захоронение не имеет отношения к временам битвы, а датируется только V или VI веком нашей эры². Тем не менее, преобладает точка зрения, что битва состоялась на южном берегу Ауфида, к востоку от Канн.

¹ Lamb, указ. соч., с. 179.

² Picard, указ. соч., с. 141.

Поле битвы представляло собой просторную равнину, отлично подходящую для маневров конницы. Сами же Канны лежали на возвышенности, где и стоял замок. Ливий вспоминает, что на той равнине часто дул сильный юго-восточный ветер, горячий и сухой, который нес целые тучи пыли¹. Так выглядела сцена, где должна была разыгаться одна из самых страшных трагедий римской армии.

Трудно точно установить количество солдат, участвовавших в сражении с обеих сторон. На основе исследований ученых принимается, что римская армия насчитывала 55 тысяч тяжелой пехоты, 8—9 тысяч легкой пехоты, 6 тысяч конницы. Эти силы планировалось задействовать в поле. В то же время 10 тысяч тяжело- и легковооруженных воинов находились в укрепленных лагерях. Все это в сумме давало около 80 тысяч солдат. Карфагенская армия насчитывала: 32 тысячи тяжелой пехоты, 8 тысяч легкой пехоты и 10 тысяч конницы; в сумме около 50 тысяч воинов. Таким образом, в пехоте преимущество было на стороне римлян, а в коннице на стороне карфагенян.

В день битвы с восходом солнца войска обеих сторон покинули свои лагеря и переправились через Ауфид на правобережную равнину². Римская армия построилась лицом на юго-запад, упираясь правым флангом в берег реки, карфагенская же — лицом на северо-восток, левым флангом к берегу.

Римские главнокомандующие так и не смогли должным образом использовать свое значительное преимущество. Их войска были выстроены в три линии по 12 шеренг в каждой. Центр строя занимала тяжелая пехота, на

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 110.

² В историографии существуют разногласия по вопросу точной даты сражения. Принимается 02.08.216 г. до н.э. или первая половина июня этого года. См.: Picard, указ. соч., с. 141; Piotrowicz, указ. соч., с. 226. Подробнее всех хронологию битвы исследовал Корнелий: Cornelius, указ. соч., с. 2—9; Lamb, указ. соч., с. 181, принимает дату 03.08.216 г. до н.э.

флангах стояла конница (на правом фланге 2 тысячи, а на левом — 4 тысячи). Легкая пехота заняла место перед фронтом, заслоняя все боевое построение. Манипулы пехоты были расставлены несколько иначе, чем до сих пор, а именно более тесно и значительно глубже. Это было связано с намерением римлян сломать построение противника натиском тесной массы пехоты в центре, чтобы смести более слабую численно пехоту Ганнибала. Командование правым флангом принял Луций Эмилий Павел, а левым — Гай Теренций Варрон, в центре же командовал прошлогодний консул — Гней Сервилий.

Ганнибал построил свою армию следующим образом. Используя опыт битвы у Треббии, он перенес центр тяжести нанесения удара на фланги, где поставил сильнейшую конницу, в центре стояла пехота, которой было приказано выдерживать натиск римских пеших воинов как можно дольше, пока карфагенская кавалерия не разобьет конницу врага на флангах и не окружит армию римлян с двух сторон. Чтобы поберечь на старте своих ветеранов, Ганнибал построил пехоту в форме выгнутой в сторону неприятеля дуги. Середину этой дуги, которая сильнее других подвергалась атаке основными силами римлян, заняла галльская пехота, а по бокам — пехота иберийская и ливийская. Правый фланг карфагенской армии представляла нумидийская конница, а левый — лучшая тяжелая кавалерия, в основном иберийская. Всю армию спереди прикрывали балеарские пращники и легковооруженные воины. Ганнибал занял руководящее положение в центре, при нем находился брат Магон. Командование левым флангом он доверил Гасдрубалу, а правым — Ганнону.

Два главнокомандующих римской армией, консулы Эмилий Павел и Теренций Варрон никак не могли прийти к единому мнению по поводу того, как именно следует биться с Ганнибалом. Посмотрим, что об этом написал Полибий: «Итак, Луций Эмилий Павел, видя кругом равнину и безлесные места, заметил, что не следует сражаться, ибо неприятель имеет превосходящее число конницы. Поэтому следует скорей заманить их и завлечь туда,

где основная борьба выпадет на долю пеших войск. Гай Теренций Варрон был противоположного мнения. Между командующими произошел спор, что было самым опасным. Ввиду того, что в ближайший день командование принадлежало Варрону, так как по обычаю консулы ежедневно сменяли друг друга в качестве главнокомандующего, он свернул лагерь и двинулся вперед. Таким образом он хотел сблизиться с неприятелем, несмотря на усиленные уговоры и препятствия со стороны Луция¹. Итак, решение о проведении битвы принял Варрон, несмотря на колебания Павла.

Битва началась со столкновения легкой пехоты, которая, навязав борьбу, отступила в тыл своих войск. Сразу же после этого карфагенская конница с левого фланга ударила по римской коннице, находящейся на правом фланге и разбила ее. Затем, гоня вдоль реки и рубя без разбору убегающих всадников, карфагенская кавалерия оказалась в тылу построения римлян, атакуя теперь левофланговый отряд конницы.

В этот момент тяжелая пехота римских легионов начала наступление в центре. Под ее натиском галлы, несмотря на отчаянное сопротивление, были вынуждены отступить, увлекая за собой находящуюся на флангах иберийскую пехоту. Но теперь выгнутая вначале в сторону римлян дуга стала приобретать вогнутую форму. В это углубление начали втискиваться манипулы, сокращая этим линию своего фронта. Это облегчало ливийской пехоте выдвигание вперед на обоих флангах. Так началось двухстороннее окружение карфагенянами римской армии.

Наступил кульминационный момент битвы. Римлянам не удалось сломить до конца сопротивление ожесточенно обороняющейся галльской пехоты в центре. А тем временем тяжелая карфагенская конница, разгромив правый фланг врага, оказалась в тылу римлян и ударила по левому флангу, придя на помощь нумидийской кавалерии. От этого удара, полученного с тыла, римская кавалерия была тотчас же сметена. В погоню за ее остатками

¹ Polibiusz, указ. соч., с. 184.

бросились нумидийцы, а тяжелая карфагенская кавалерия атаковала с тыла зажатую в центре римскую пехоту, окончательно закрывая кольцо окружения. Задние шеренги атакованной пехоты были вынуждены повернуться в сторону карфагенских конников. Теперь легионеры сбились в единую массу и сражаться могли только солдаты, стоящие в наружных шеренгах.

Битва превратилась в страшную резню римской армии. Смертельно раненный камнем из пращи, пал на поле боя Эмилий Павел, погиб также и Гней Сервилий. Зато Теренций Варрон бежал с поля битвы в Венузию и с ним едва ли около 50 солдат. Под конец сражения 2 тысячам римских солдат удалось вырваться и укрыться в руинах Канн. Однако там они были окружены конниками из отряда Магарбала и им пришлось сдаться. Битва под Каннами закончилась катастрофическим поражением римской армии. Если верить Полибию, то в сражении погибло 70 тысяч римских солдат и 10 тысяч попали в плен¹. Можно сказать, что практически перестала существовать вся римская армия. В то же время потери Ганнибала составили около 7 тысяч солдат, в том числе 4 тысячи галлов. Ганнибалу удалось не просто разбить, а уничтожить армию в два раза больше своей собственной. Как написал Ливий: «Под Каннами за уходящим консулом шло едва ли 50 человек, за умирающим же консулом пошло в гроб все его войско»².

Колоссальность поражения римлян, наверное, даже самому Ганнибалу и его офицерам казалась просто невероятной. Но только утро следующего дня полностью показало размеры поражения. Как пишет Ливий: «На следующий день, как только наступил рассвет, неприятель приступил к сбору добычи и осмотру поля битвы,

¹ Polibiusz, указ. соч., с. 189. В историографии подчеркивается, что эти данные преувеличены. Более правдоподобными считаются цифры, представленные Ливием: Liwiusz, указ. соч., с. 115. Он говорит о 48 200 убитых и около 24 тыс. тех, кто сумел спастись или попал в плен. См. также: Picard, указ. соч., с. 142.

² Liwiusz, указ. соч., с. 116.

представляющего даже для него самого ужасное зрелище. Вокруг лежали тысячи римлян, на каждом шагу то пехотинец, то конник. И тот и другой, окровавленные, старались подняться с земли, возвращенные к сознанию через боль сжимающихся от утреннего холода ран, но враг добил их. Некоторых между лежащими находили еще живыми, с изрезанными ногами. Вытягивали они шеи и просили, чтобы их избавили от остатков крови. Иных же находили с головами, закопанными в землю, и было видно, что эти люди сами копали себе ямы, присыпали свои головы землей и так лишали себя возможности дышать. Внимание всех обратил на себя один нумидиец, которого живым вытянули из-под лежащего на нем римлянина. Погрызены у него были нос и уши, ибо тот, не сумев уже руками удерживать оружие, впал в ярость и начал грызть противника зубами, и так умер»¹.

Ганнибал распорядился похоронить своих погибших солдат, а также найти тело консула Эмилия Павла и сжечь его вместе с оружием и регалиями власти. Затем для войска был организован отдых и приготовлено обильное угощение и вино. Среди ближайшего окружения Ганнибала были и те, кто советовал ему сейчас же после битвы выйти в поход на Рим и тем самым захватить его врасплох. Это казалось возможным из-за хаоса, воцарившегося в столице. Так считал и ветеран времен Гамилькара, командующий конницей Магарбал. Но Ганнибал не принял этот план. Ливий рассказал нам об этом происшествии так: «Среди победителей все в окружении Ганнибала поздравляли его и советовали, чтобы после победы в такой великой битве остаток дня и ближайшую ночь он посвятил отдыху, как собственному, так и для уставших солдат. Но командующий конницей Магарбал заметил, что ни на минуту не следует останавливаться, он воскликнул: «Наоборот! Хочешь знать, чего ты этой битвой добился? Через пять дней ты сможешь пировать на Капитолии. Иди за мной! Я же с конницей пойду впереди, чтобы поскорее все узнали, что

¹ Polibiusz, указ. соч., с. 117.

ты прибыл, а не то, что ты должен прибыть!» Однако Ганнибалу это показалось слишком нереальным и не могло у него в голове сразу уместиться. Он ответил, что готовность Магарбала похвальна, но для рассмотрения этого плана требуется время. На это Магарбал сказал: «Воистину не все боги дали одному: ты умеешь побеждать, Ганнибал, но победой пользоваться не умеешь». Существует также глубокое убеждение, что промедление в этот день спасло Рим и его господство¹.

Ганнибал понимал, что немедленный поход на Рим — это слишком рискованное предприятие. Переход занял бы 14 дней, а этого было вполне достаточно, чтобы подготовить город к обороне и избежать неожиданности. Об осаде он не мог даже подумать, имея такую небольшую армию, тем более, что римские стены только что были укреплены, а гарнизон города состоял из двух легионов и мог успешно вести оборону. Кроме того, долговременная осада была бы безуспешной, пока на Тибре господствовал непобедимый римский флот². Итак, у Ганнибала был другой план — он не ставил перед собой задачу уничтожить Рим, а хотел изолировать его путем разгрома римско-италийского союза. Впрочем, этот союз начал рассыпаться сразу же после последней римской неудачи. И это был один из результатов битвы при Каннах. В течение нескольких недель на сторону Ганнибала перешли, за малым исключением, все племена Южной Италии — самниты, гирпины, апулийцы, луканы, бруттии и, наконец, что вызвало наибольшее удивление, Капуя вместе с рядом городов Кампании таких как: Ателла, Калация, Нуцерия и Ацерры.

Тем временем в Риме, когда пришли первые известия о страшном поражении, воцарился полный хаос. Все были уверены, что враг незамедлительно приступит к завоеванию города. Всюду с тревогой повторялись слова: «*Hannibal ante portas!*» — «Ганнибал у ворот!» На улицах столицы начали собираться толпы народа, обеспокоен-

¹ Polibiusz, указ. соч., с. 117.

² Picard, указ. соч., с. 142.

ные судьбами своих близких, люди вышли из домов на площади. Было созвано заседание сената, на котором решался вопрос о защите города. Бывший диктатор Квинт Фабий Максим, вновь получив власть, разослал гонцов на восток и на юг от Рима, чтобы получить как можно больше сведений о ситуации в стране. Вскоре гонцы вернулись и сообщили, что римской армии уже не существует, они не нашли ни лагерей, ни командиров. Таким образом, подтверждались самые худшие предположения. Чтобы подавить возрастающую панику и навести порядок в столице, Фабий Максим издал ряд распоряжений. Он запретил жителям покидать город, установив у всех ворот посты, которые должны были удерживать от побега объятые паникой семьи. Всех, кто приносил какие-либо известия, было приказано тотчас же препровождать к преторам.

Как обычно в такого рода драматических ситуациях, власти пытались направить помыслы жителей в другое русло, призвав на помощь сверхъестественные силы. В Риме было объявлено, что предзнаменования, произошедшие в прошлом году, вызвали гнев богов.

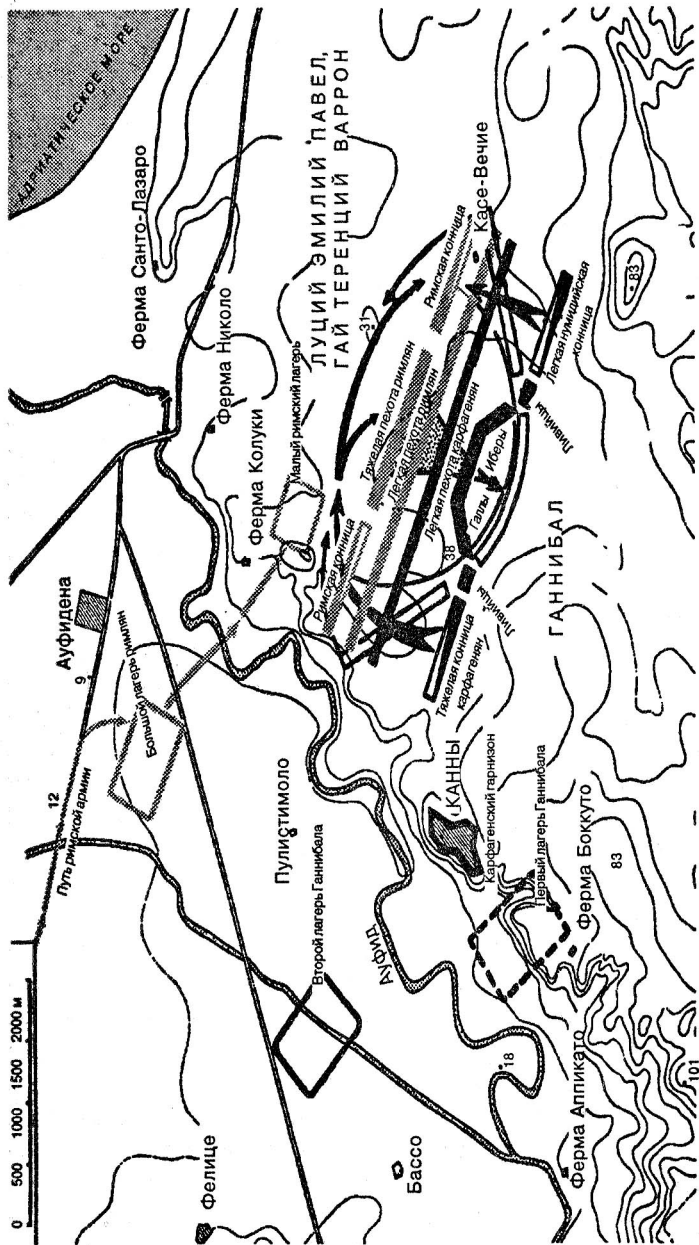
Когда были выполнены все религиозные ритуальные мероприятия, римляне приступили к укреплению обороны города на случай атаки армии Ганнибала. За короткое время было сформировано четыре новых легиона, в которые записывали даже 17-летних юношей. За общественные деньги было куплено и поставлено под ружье 8 тысяч невольников. Предварительно от каждого из них было принято заверение, что он хочет служить в армии. Марк Клавдий Марцелл выслал из Остии в Рим 1500 солдат, призванных служить во флоте, но теперь направленных на оборону города. Римляне обратились к союзникам, чтобы те предоставили солдат в соответствии со списками ежегодного призыва. «Было приказано приготовить оружие, снаряды и другие приспособления и с этой целью даже снять с храмов и портиков оружие, завоеванное ранее у врагов»¹.

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 122.

В момент всех этих приготовлений к обороне никто и не подумал о мире, и когда в Рим прибыл посланник Ганнибала Карфалон для ведения переговоров о выкупе пленных, его даже не впустили в город. Факт отправки посольства Карфалона для решения вопроса об обмене военнопленными говорит, что Ганнибал, трезво оценивая ситуацию после битвы при Каннах, был склонен к установлению мира. Из-за категорического отказа римлян от проведения переговоров, Ганнибалу не оставалось ничего другого, как продолжать войну, чтобы окончательно сломить сопротивление противника.

Прежде чем перейти к дальнейшим событиям, происходившим после сражения при Каннах, надо обратить внимание на его значение в истории военного искусства. Ход битвы наводит на следующие выводы: Ганнибал расположил свое войско так, чтобы иметь возможность полностью уничтожить неприятельские силы. В ходе сражения решающую роль сыграли сильные фланги. Оказалось, что фланги — это не только уязвимое место в строю, но и сила, способная решить исход битвы.

Канны — это классический пример окружения превосходящих сил противника меньшими силами. Анализируя битву, следует обратить внимание на такие существенные тактические моменты, как: центр группировки Ганнибала, выгнутый в форме полумесяца в сторону римлян, сыграл роль «эластичного буфера», который под напором плотной массы римской пехоты отступил, но одновременно и затормозил ее натиск. Это облегчило Ганнибалу и фланговые удары, и выход к тылам римлян. Сокращение промежутков и отдаленности, а также увеличение глубины строя римлян фактически означало отказ от преимуществ манипулярного построения легионов. Римская армия превратилась в одну большую линию, неспособную проводить маневры на поле битвы. С момента, когда ее натиск впереди был приостановлен и одновременно с этим задние шеренги были вынуждены повернуться в сторону окружающих их карфагенян, римская пехота превратилась в пассивную массу, неспособную к каким-либо действиям. Только небольшое чис-

Битва под Каннами (216 г. до н.э.)

ло солдат, стоящих по краям окружности, могли вести борьбу, в то время как зажатая внутри толпа стала легкой мишенью для метательных орудий противника и для балеарских пращников. Борьба окруженной и неподвижной шеренги была обречена на неудачу.

Битва при Каннах — это образец тактического окружения. Важную роль в ходе сражения сыграла хорошо вооруженная и организованная карфагенская конница, одержавшая победу над римской пехотой. Пехота Ганнибала добилась окончательного окружения армии противника, что фактически решило исход битвы. Следует подчеркнуть значение маневрирования карфагенской конницы на поле боя. Особой оценки заслуживает слаженность удара конницы Ганнибала на левом фланге с борьбой пехоты в центре и наступлением нумидийской конницы на правом фланге. Это исключило из борьбы лучшую кавалерию римских союзников, которая могла бы представлять угрозу на дальнейшем этапе сражения. Когда тяжелая карфагенская кавалерия с левого фланга оказалась в тылу римской армии, вспомогательный удар правого фланговой нумидийской конницы сделал положение римлян безнадежным. Нумидийцы же только в погоне раскрыли все свои возможности — из нескольких тысяч римских конников уйти с поля битвы сумело едва ли более 300. Ганнибалу удалось грамотно организовать совместные действия конницы с пехотой. Он также использовал опыт битвы у Треббии и за счет центра укрепил фланги, являющиеся фундаментом всего боевого построения. Но, добившись впечатляющей победы, Ганнибал не сумел воспользоваться ее результатами до конца, ему не удалось сломить ни морального духа римлян, ни их способности к обороне.

На протяжении всего августа 216 г. до н.э. в Риме продолжалась подготовка к обороне города от карфагенян, которые, однако, вместо столицы двинулся вместе со своей армией дальше на юг, на Неаполь. В то же время Ганнибал переслал отчет о своих действиях Совету в Карфаген, который предпринял определенные шаги, чтобы поддержать своего полководца. Находящемуся в Испании брату Ганнибала, Гасдрубалу, было приказано

тотчас же отправляться в Италию. На место армии Гасдрубала на Пиренейский полуостров были переведены новые сухопутные и морские силы под командованием Гамилькона.

Но на Эбро Гасдрубал натолкнулся на римскую армию под командованием Гнея и Публия Сципионов. Публий был также направлен в Испанию после сложения с себя полномочий консула в 217 г. до н. э. У реки произошла битва, в которой Гасдрубал воспользовался тактикой своего брата. Однако центр группировки его армии не выдержал напора римских легионеров и был прорван прежде, чем фланговые отряды сумели окружить неприятеля. Таким образом, битва закончилась поражением карфагенян. А сам Гасдрубал едва сумел спастись. Так была предотвращена угроза переброски в Италию очередной карфагенской армии.

Тем временем Ганнибал, дойдя до Неаполя, увидел, что город готов к обороне, но из-за наступающей зимы не захотел начинать осаду порта, открытого для подвоза снабжения и резервов морским путем. Он повернул свою армию в направлении Капуи, которая должна была стать его зимней квартирой и одновременно центром нового союза против Рима. Капуя открыла ворота армии Ганнибала, заключив с ним перемирие и тем самым разрывая свои прежние отношения с Римом. Среди условий, на которых было основано соглашение, Ливий выделяет следующие: «Ни один пунийский командующий или чиновник не будет иметь никакой власти над гражданином Кампании. Гражданин Кампании не будет против своей воли принуждаться к военной службе или к иным обязанностям. Капуя сохраняет собственные права и собственных чиновников»¹.

Войдя в город, Ганнибал был принят предводителем партии, вставшей на сторону карфагенян, и другими известными и богатыми патрициями. После обильного угощения и ознакомления с городом Ганнибал приказал разбить свой шатер и организовать постой штаба армии

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 134.

за городом на скалистой горе Тифата¹, откуда открывался чудесный вид на огромную территорию кампанийской равнины. Хотя карфагенские войска заняли город, солдатам было приказано платить наличными и за пропитание, и за всяческие услуги. Во время пребывания войск в Капуе Ганнибал посетил ближайшие окрестности и даже побывал в тех местах, где когда-то выскользнул из капкана, поставленного на него Фабием Максимом, используя для этого волов с подожженными факелами.

Время зимовки карфагенский полководец постарался использовать для того, чтобы найти новых союзников. На сторону карфагенян перешла часть населения Пицена, а также луканы и бруттии с юга. В то же время богатые города южного побережья, поддерживая связь с римским флотом, остались верны Риму. Самым важным из них был Неаполь. Ганнибалу удалось захватить только порт Локеры, в который вскоре пришел небольшой конвой кораблей из Африки под командованием Бомилькара. Он привез резервы нумидийской конницы и 40 слонов. Таким образом, карфагенские вооруженные силы теперь состояли из солдат — выходцев с западного побережья Средиземного моря, из Нумидии, Лигурии и с полуострова Бруттий. Ганнибал начал обучение вновь прибывших, а своим старым альпийским ветеранам предоставил продолжительный отдых.

Но, как оказалось, удобства зимних квартир в Капуе очень плохо повлияли на карфагенских солдат. Ливий, который был настроен против Ганнибала и против изменившей Риму Капуи, очень ярко представил деморализацию вражеских солдат как результат зимней беспечности: «В Капуе большую часть зимы Ганнибал держал войско в домах. Сон, вино, еда, женщины и полное бездействие казались с каждым днем слаще из-за самого привыкания к ним — все это так ослабило воинов и физически, и морально, что беспечными их делали уже больше минувшие победы, чем настоящие силы.

¹ Lamb, указ. соч., с. 211.

Сведущие в военном искусстве заметили бы, что этот грех командующего еще больший, чем то, что не поспешил он с войском на Рим сразу после битвы при Каннах. Та проволочка могла быть охарактеризована только как затягивание победы, зато эта ошибка — как уничтожение сил, необходимых для победы.

И потому из Капуи Ганнибал вышел на Геркулесовы столбы уже совсем с другим войском. Не осталось и следа от дисциплины. Множество солдат возвратились, будучи вовлеченными в отношения с женщинами, и как только стали их держать в палатках, как только пришлось маршировать или выполнять другие солдатские обязанности, то рекруты теряли силы и падали духом. Все время из летнего лагеря кто-нибудь уходил без разрешения, причем именно Капуя была убежищем для дезертиров»¹. Из-за этой зимовки в Капуе и морального ослабления карфагенской армии появилось мнение, что «Капуя была Каннами для Ганнибала».

Однако Ганнибал вновь нашел себе очередных союзников. В Капую прибыло посольство от македонского царя Филиппа V, было подписано соглашение, по которому Карфаген и Македония объединялись в борьбе против Рима. Филипп V обязался привести в Италию 200 военных кораблей, а Ганнибал, в свою очередь, оказывал царю Македонии помощь во всех его начинаниях. Затем в Капую явились посланцы Гиеронима, младшего внука и преемника умершего в 215 г. до н. э. правителя Сиракуз Гиерона II. Они заключили с Ганнибалом соглашение, разрывающее предыдущее перемирие с Римом. Таким образом, Ганнибал стал во главе союзных войск Карфагена, Македонии и Сиракуз. С наступлением теплых месяцев он намеревался развернуть дальнейшие действия, которые должны были привести его к окончательной победе. Но колесу истории суждено было покатиться иначе.

¹ Lamb, указ. соч., с. 147.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Во время пребывания в Капуе Ганнибал заключил ряд выгодных для себя соглашений. Но в результате непредвиденных стечений обстоятельств, случившихся после битвы при Каннах, ситуация почти на всех фронтах резко изменилась в пользу римлян.

В 216—214 гг. до н.э. Ганнибал стремился заполучить те города, которые продолжали поддерживать Рим. Он не пытался штурмовать крепости, где были мощные укрепления и метательные орудия, но в то же время он окружал их окрестности, отрезая пути доставки продовольствия и других запасов. Любой ценой Ганнибал хотел завоевать Нолу, последний город на пути к Неаполю, который оказывал ему сопротивление. Карфагеняне приступили к осаде города, рассчитывая на поддержку простых горожан, которые относились к ним весьма благоклонно.

Нолу защищали римские войска под командованием энергичного проконсула Марцелла из семейства Клавдиев, который прославился как «Меч Рима». Надежды Ганнибала, что Нола добровольно перейдет на его сторону, не оправдались, и в этом была большая заслуга Марцелла, который приказал казнить 70 предводителей горожан и разместил у ворот города самые сильные отряды. После этого карфагеняне решили начать осаду. Здесь надо вспомнить об изменениях, которые произошли в карфагенской армии и о которых уже говорилось при описании зимовки в Капуе, а также принять во внимание тот факт, что Марцелл начал бо-

роться с Ганнибалом его собственной тактикой. Это означало, что римляне сумели сделать соответствующие выводы из полученных ранее уроков. Давайте дадим слово Ливию, который так ярко и красочно представил нам происходящее в тот момент: «Ганнибал окружил Нолу кольцом, чтобы иметь возможность одновременно атаковать стены со всех сторон. Марцелл, видя, что враг подошел под стены города, поставил свое войско в боевом построении с внутренней стороны ворот и совершил внезапный набег, наводя ужас на карфагенян. Некоторые солдаты неприятеля были перепуганы и погибли на поле битвы после первого же удара. Потом к сражающимся присоединились подоспевшие отряды, силы противников сровнялись и началась ожесточенная схватка. Это была бы одна из самых знаменитых битв, если бы воинов не разлучила страшная буря с проливным дождем. В этот день после кратковременного столкновения римляне вернулись в город, а пунийцы — в лагерь. Карфагеняне потеряли не больше 30 солдат, захваченных врагом врасплох в начале битвы, а римляне — около 50.

Дождь лил целую ночь без перерыва и закончился только в три часа следующего дня. И хотя обе стороны стремились помериться силами друг с другом, но в этот день они остались за укреплениями.

На третий день Ганнибал отправил часть войска на разгром ноланских территорий. Узнав об этом, Марцелл выслал из города войска навстречу карфагенянам. Ганнибал не стал избегать встречи. Между городом и его лагерем было пространство около тысячи шагов, и именно на этом участке, а Нолу со всех сторон окружала равнина, произошло столкновение. К уже начавшейся битве были стянуты ближайшие когорты, которые ходили заниматься грабежами. Римскую же сторону усилили нолийцы, за что Марцелл выразил им благодарность и приказал оставаться среди резерва. Они должны были только уносить с поля битвы раненых и воздерживаться от участия в сражении, пока им не будет подан соответствующий сигнал.

Борьба была равной. Марцелл взывал, чтобы наседали на тех, кого позавчера одолели и несколько дней назад прогнали из-под Кум, а год назад он сам во главе другого войска отогнал от Нолы: «У врага не все встали в боевой строй. Часть пошла заниматься грабежом и разбоем в окрестностях. Сражающиеся же обленились от кампанийского изобилия, они изнурены от пьянства и разврата и от всякого разгула в течение всей зимы. Исчезли та энергия и та выносливость, лопнули те силы духа и тела, которые покорили вершины Пиренеев и Альп. Сейчас в битве участвуют только остатки тех людей и они вместе с оружием еле держатся на ногах. Капуя для Ганнибала была Каннами. Там погасло военное мужество, там остались военная дисциплина, слава прошлых лет, надежда на будущее!».

Таким перечислением слабых сторон врага Марцелл придавал своим солдатам мужества.

Ганнибал гремел еще большими упреками: «Узнаю то самое оружие и те самые знаки, которые видел у Треббии или Тразименского озера, а затем под Каннами. Но и вправду совсем других солдат привел я на зиму в Капую и с другими оттуда вышел. Вы, те, кому не могли противостоять две консульские армии, из последних сил еле выдерживаете борьбу с римским легатом, имеющим один легион и одно крыло союзных войск? Марцелл с новичками — рекрутами и с ноланским резервом уже второй раз безнаказанно цепляет нас? Где же тот мой солдат, который стянул с коня консула Гая Фламиния и добыл его голову? Где тот, кто под Каннами убил Луция Павла? Или металл теперь затупился? Или руки онемели? Или в этом есть какой-то другой зловещий знак? Было вас мало и били вы превосходящего противника, а сегодня вас больше и не можете одолеть меньшинство? Храбрые на словах, вы хвастаетесь, что добудете Рим, если вас на него повести! Так вот, в меньшей битве хочу испытать вашу силу и мужество: добудьте Нолу, город на равнине, не охраняемый ни рекой, ни морем! Потом из этого богатого города я или поведу вас, нагруженных трофеями и оружием, куда вы захотите, или пойду за вами».

Но ни хорошие, ни плохие слова не придали людям сил. На всех участках пунийцы были разбиты. В римлянах же, наоборот, росла отвага и не только благодаря словам командира, но и благодаря возгласам нолийцев, которые таким способом выражали им свою поддержку и разжигали в них боевой пыл.

Карфагеняне отошли назад и оказались загнанными в лагерь. Римские солдаты очень хотели взять лагерь штурмом, но Марцелл отвел их назад в Нолу, к великой радости и благодарности простых людей, которые до этого больше склонялись на сторону карфагенян.

В этот день погибло более пяти тысяч солдат противника, живыми было взято около 600 человек. Было захвачено 19 войсковых знаков и 2 слона. В сражении же погибло 4 слона. С римской стороны полегло не менее тысячи солдат. Следующий день обе стороны посвятили похоронам погибших воинов. Захваченное вражеское оружие Марцелл сжег в качестве дара для Вулкана.

На третий день 272 нумидийских и испанских наездника перешли на сторону Марцелла. И римляне еще не раз в этой войне воспользовались их умением и верностью. После войны за свою храбрость они получили в собственность земли, испанцы — в Испании, нумидийцы — в Африке¹.

Так осада и битва под Нолой закончились поражением Ганнибала, который впервые понес потерь больше, чем римляне и к тому же в его войске появились дезертиры. Эту неудачу Ганнибал попытался компенсировать коварным захватом второго по величине южного порта — Тарента. Он воспользовался услугами двух тарентинцев, Никона и Филомена, которые прибыли к нему и предложили провести через городские ворота. Ганнибал ночью свернул свой лагерь под Нолой и двинулся вместе с войском в сторону порта. При подходе к городу был разработан подробный план действий. Римский гарнизон под командованием Марка Ливия находился в цитадели, а у наружных стен города и возле ворот были выставлены караулы. Ганнибал решил, что войдет в город ночью вме-

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 174—176.

сте с отрядами пехоты через двое разных ворот, причем вход через одни ворота ему обеспечит Филомен, знакомый с римскими постами, а через другие — Никон со своими людьми.

Так и произошло. Когда Никон со своей группой обезглавил римские караулы у ворот, Ганнибал, оставив конницу снаружи, вошел в город вместе с пехотой, дойдя до торговой площади. Одновременно, у других ворот, Филомен, коварно убив стражника, при помощи 30 карфагенских солдат впустил в город остальные отряды. Перед рассветом Ганнибал захватил город, но, к сожалению, ему не удалось завладеть цитаделью, которая блокировала порт. Тарентский флот не мог ее покинуть, а карфагенский, в свою очередь, не мог в нее войти. Таким образом, Ганнибал потерял возможность для организации большой морской базы и, как следствие этого, надежду на превосходство Карфагена на море.

Но еще большая неудача постигла карфагенян в Сицилии. Еще в 214 г. до н. э. царь Гиероним, ставший на сторону Ганнибала, предпринял поход на римскую часть острова, но по дороге он был убит, в результате чего в Сиракузах была устранена монархия. Власть в стране захватила аристократическая партия, стремящаяся к союзу с Римом. После очередного переворота в Сиракузах, когда проримская группировка вновь была свергнута, армия под командованием Марка Клавдия Марцелла окружила город, чтобы принудить его к повиновению. Это произошло весной 213 г. до н.э. Марцелл пробовал получить Сиракузы штурмом, но этот план не удался из-за мощных фортификационных сооружений в городе и технического превосходства обороны, организованной с помощью знаменитого математика и конструктора осадных машин Архимеда. «Это был известный наблюдатель неба и звезд, больше, однако, прославившийся как изобретатель и конструктор военных машин и приспособлений, благодаря которым он очень легко сводил на нет все начинания противника»¹. Стены Сиракуз, построенные на

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 213.

пригорках, были преимущественно высоки и недоступны, но в некоторых местах их высота была несколько меньше, так что со стороны равнин существовала возможность подступа к ним. «Поэтому Архимед установил на них всякого рода машины, метаящие снаряды»¹. Марцелл атаковал стены города со стороны моря на 60 пятипалубниках. «На некоторых судах находились лучники, пращники и легкие пехотинцы. Они применяли снаряды, которые не оставили на стенах никого, кто бы был невредимым. Корабли со стрелками держались поодаль, поскольку применение снарядов требовало некоторого пространства. Другие пятипалубники были соединены по двое: с внутренней стороны весла были подняты, чтобы суда могли соприкоснуться боками, а при помощи наружных рядов весел получался как бы один корабль. Они подвозили под стены города различные разрушающие машины.

В ответ на это Архимед разместил на стенах металлические орудия различной величины. В корабли, стоящие вдалеке, метали очень тяжелые булыжники, в ближайšie же суда целились меньшими, но зато с большей частотой.

Чтобы его сторона могла засыпать противника снарядами и сама при этом не пострадала, Архимед сделал в стене снизу доверху отверстия шириной около локтя. Через эти дыры атаковали противника из укрытия частыми выстрелами или снарядами из малых орудий. Если какие-нибудь суда подплывали ближе, чтобы зайти с внешней стороны, то на них сверху кидали с помощью торчащего над стеной рычага привязанные крепкой цепью железные клещи. После этого при помощи противовеса из тяжелого свинца конец рычага опускали до земли и передняя часть корабля поднималась вверх, ставя его на корму. Затем рычаг резко опускали вниз, и судно, как бы падая со стен, так ударялось о волны, что даже когда вновь становилось прямо, то все равно оказывалось залитым водой.

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 213.

Итак, наступление со стороны моря закончилась ничем и теперь все надежды и силы были брошены в атаку со стороны материка.

Но и эта сторона стены была снабжена такими же орудиями и машинами, благодаря многолетним стараниям и финансовым вложениям Гиерона и особому умению Архимеда.

Большую помощь оказало само место, где был расположен город. Скала, на которой лежало основание стены, была абсолютно отвесной. Поэтому не только снаряды из метательных орудий, но и все, что под собственным весом скидывалось вниз, падало на противника тяжелым грузом. К тому же подняться по такой стене было очень трудно.

После совещания было решено прекратить штурм города, так как все усилия оказались напрасны, и только осадив город можно было отрезать неприятелю подвоз продовольствия со стороны моря и материка»¹. Римляне решили получить Сиракузы, устроив им пытку голодом.

«Тем временем Карфаген, понимая, какое значение имеет Сицилия и, несмотря на то, что все силы были брошены на спасение ситуации в Испании, в очередной раз предпринял огромные усилия. На остров была отправлена большая армия, насчитывающая 25 тысяч пехоты, 3 тысячи конницы и 55 военных кораблей. Летом 212 г. до н. э. эти войска атаковали римскую армию, которая к тому времени захватила западную часть Сиракуз. Несмотря на численное превосходство противника, римляне сумели отбиться от карфагенян, которые сражались вместе с осажденными сиракузцами, остававшимися еще в восточной части города. Вскоре после этого в карфагенской армии, находящейся в малярийной долине реки Анап, началась эпидемия, которая практически уничтожила все войско. Усилия Карфагена сошли на нет и одновременно с тем была решена судьба Сиракуз.

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 213—214.

Ситуация не изменилась и весной 211 г. до н.э., когда Карфагенский Совет выслал на помощь осажденным сильный флот, насчитывающий 130 судов под командованием Бомилькара. Когда переговоры о капитуляции Сиракуз не принесли результата, Марцеллу удалось захватить город, воспользовавшись изменой. Римские солдаты, овладев одним районом, пробивали себе дорогу к порту. Город был отдан на разграбление победителям, в результате чего были разграблены сокровища сиракузских царей, а многие жители — убиты. Погиб также и знаменитый Архимед. Легенда гласит, что когда в дом 75-летнего Архимеда ворвались римские солдаты, он был увлечен решением математических уравнений. Вероятно, он спросил возмущенным от гнева голосом, кто ему помешал, прежде чем солдаты Марцелла пронзили его копьем и пошли грабить дальше. Такую смерть принял старец, который был известнейшим астрономом и математиком эллинистической эпохи»¹.

Вместе с падением Сиракуз Карфаген потерял всю Сицилию. Ганнибал больше не мог повлиять на развитие событий на острове, поскольку располагал очень незначительными силами, и, кроме того, он был задействован в военных действиях в Италии. Римляне стали применять тактику партизанской войны, изматывая карфагенское войско в мелких стычках и избегая решающей битвы в открытом поле. Второй после падения Сиракуз чувствительной потерей для Ганнибала была капитуляция Капуи, за которой пошли также и другие города Кампании. Перевес в войне стал склоняться на сторону римлян. В 209 г. до н. э. Ганнибал потерял Тарент, а вместе с ним также Апулию и Калабрию.

Однако же еще долго борьба с Ганнибалом в Италии не приносила окончательного успеха, и в связи с этим римляне решили искать удачу на территории Испании. Для этого они выслали туда новое войско, доверив пост главнокомандующего над всеми римскими силами в Испании 25-летнему Публию Корнелию Сципиону, сыну по-

¹ Lamb, указ. соч., с. 235—236.

гибшего в 211 г до н.э. Публия Сципиона. Вскоре оказалось, что как полководец он талантлив не меньше Ганнибала и его слава в скором времени должна была затмить звезду карфагенянина.

После прибытия Сципиона в Испанию характер войны, которую до этого вели там римляне, резко изменился: из оборонительной она стала наступательной. В 209 г. до н. э., реорганизовав свои силы, которые насчитывали 31 тысячу солдат, Сципион нанес удар по Новому Карфагену, представляющему главный центр карфагенской мощи в Испании. Эта операция была хорошо спланирована, поскольку в тот момент, когда Сципион встал под стенами крепости, ближайшие карфагенские войска находились на расстоянии десяти дней марша от города. Крепость оборонял гарнизон, насчитывающий не более тысячи солдат.

Штурм города со стороны материка оказался затруднен из-за мощных и высоких укреплений, занятых солдатами гарнизона. Тогда Сципион, искусно используя морской отлив, провел свое войско через открывшуюся часть побережья и взобрался на стены там, где они были слабо укреплены и недостаточно защищены. Как пишет Ливий: «Был почти полдень, начался прилив и вода отступала в море. К тому же подул сильный северный ветер, гоня воду в направлении отлива. Дно открылось до такой степени, что местами вода доставала людям до пупка, а местами — только до колен. Сципион внимательно наблюдал за всеми природными явлениями, но расценил это как доброе предзнаменование со стороны богов. Он говорил, что боги отводят море, чтобы открыть римлянам проход и убирают воду, открывая им дорогу там, где до сих пор нога человеческая не ступала. И приказал он солдатам идти вслед за Нептуном и подняться на стены прямо из воды... Здесь стена не была достаточно укреплена, не было тут ни одного вооруженного поста или хотя бы стражника. Все силы были брошены туда, откуда ждали нападения. Но римляне ворвались в город именно с этой, незащищенной стороны...»¹.

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 333—334.

В руки победителей попали огромные трофеи, а также большое количество военного снаряжения и оружия, в том числе: 120 больших катапульти, 281 — малая, 23 большие баллисты (осадные машины) и 42 — малые, а также большое число снарядов. Была захвачена войсковая касса и огромные запасы продовольствия и, особенно, зерна. В порту римляне овладели 18 кораблями. Потеря Нового Карфагена оказалась очень болезненным ударом для карфагенян, поскольку одновременно с этим римляне захватили и серебряные прииски, находящиеся недалеко от города. А ведь именно оттуда черпались основные средства на ведение войны. Таким образом, были подорваны финансовые основы прежней политики государства.

Вскоре Сципион стал пожинать плоды своего успеха. Уже на переломе 209 и 208 гг. до н. э. многие иберийские племена перешли на сторону римлян. В этой ухудшающейся для карфагенян ситуации брат Ганнибала Гасдрубал решил дать Сципиону решающий бой, понимая, что дальнейшее промедление только поможет противнику укрепить свои позиции. В том случае, если ему все же не удастся разбить римлян, Гасдрубал планировал перебраться на север и оттуда достичь Италии. Решающая битва произошла в июле 208 г. до н.э. под городом Бекула, где римские войска, перезимовав в Тарраконе, наткнулись на армию Гасдрубала.

Эта битва имела переломное значение в истории римского военного искусства. Публий Корнелий Сципион, используя прежний опыт римлян, полученный в войне с Ганнибалом, применил тут совсем иную тактику, которая явилась копией карфагенского плана, примененного в битве при Каннах. Идя против прежних правил, Сципион атаковал неприятеля спереди при помощи легкой пехоты, перед которой стояла задача удержать натиск центра группировки противника. В то же время тяжелая пехота легионов была поделена на две группы и брошена на фланги карфагенян, в двух разных направлениях. Тяжелая пехота, нанося основной удар, разбила фланги армии Гасдрубала, который, видя, что поражение не-

минуемо, отвел назад остатки своих сил и начал быстрый отход на север.

Огромное значение этой битвы в развитии военного искусства состоит в том, что римская армия впервые сражалась не в единой, вытянутой линии, а была поделена на ряд тактических единиц, каждая из которых выполняла определенное боевое задание самостоятельно, маневрируя по полю битвы. Такую тактическую единицу представляли три стоящие один за другим манипула, которые со временем стали особой единицей легиона — когортой. И хотя такие отряды стали появляться несколько позже, но их зачатки связаны с именем Корнелия Сципиона. Такая система ведения боя представляла собой дальнейшее усовершенствование манипулярной тактики, то есть отдельных маневрирующих частей армии, взаимодействующих друг с другом в соответствии с заранее разработанным планом. В связи с этим значительно возросла роль главнокомандующего, который кроме составления плана сражения должен был до последней минуты руководить ходом битвы. Отметим, что ранее роль командующего сводилась к тому, что он давал приказ начать сражение, после чего битва велась по установленному шаблону.

Тем временем Гасдрубал, отойдя с поля битвы, быстрым маршем направился на север, без каких-либо преград пересек Пиренеи, а затем — Альпы. Скорее всего он прошел той же самой дорогой, какой шел Ганнибал, и в конце концов остановился в Северной Италии. Его армия, усиленная галльскими отрядами, насчитывала около 12 тысяч солдат. Гасдрубал решил объединиться с Ганнибалом и после короткого отдыха у реки Пад вместе с войсками двинулся на юг, в направлении Аримина. При этом Гасдрубал отправил к брату гонцов с письмом, в котором определялось место встречи обеих армий. Таким местом должна была стать Умбрия.

Однако недалеко от Тарента гонцы были перехвачены римлянами и письмо попало в руки консула Гая Клавдия Нерона, который с одной консульской армией находился в Лукании и действовал против Ганнибала. Прочи-

тав письмо, Клавдий Нерон оставил часть своих войск напротив Ганнибала, а сам с одним легионом и тысячей конников быстрым маршем двинулся на север, чтобы соединиться со вторым консулом Марком Ливием Салинатором, стоящим с войсками у реки Метавра недалеко от местечка Сена Галльская. Оба консула закрыли Гасдрубалу дорогу на юг. В то же время и Ганнибал, не зная, куда будет идти брат, не мог двинуться на север.

Войска Клавдия Нерона, измученные быстрым маршем, подошли к лагерю Ливия ночью. Ливий считал, что солдаты должны хорошо отдохнуть перед битвой, но Клавдий стоял на том, что всякая проволочка может привести к непредсказуемым результатам. А тем временем план консулов чуть было не провалился. Дело в том, что трубач, который ночью подал сигнал о занятии боевых позиций, в соответствии с уставом, перед шатром Ливия протрубил два раза. Когда разведчики доложили об этом Гасдрубалу, тот сразу понял, что имеет дело с двумя консулами, а не с одним, и что римские войска увеличились на целую консульскую армию.

В этой ситуации Гасдрубал решил той же ночью отойти вместе со своей армией и попытаться ускользнуть долиной Метавра к ведущей на юг Фламиниевой дороге (*виа Фламиния*). Он догадался, что его письмо не дошло до брата и было перехвачено, и что консулы хотят захватить врасплох его самого. С такими беспокойными мыслями он приказал загасить костры, тихо свернуть лагерь и подготовиться к маршу. Но в спешке и ночном переполохе не смогли уследить за проводниками. Один из них спрятался в укрытии, которое заранее себе присмотрел, а второй только ему известным путем переплыл на другую сторону реки. Армия осталась без проводников. Сначала солдаты блуждали по полям, а затем многие, измученные дорогой и недосыпанием, то тут, то там стали падать прямо на землю, оставляя войсковые знамена под присмотром небольших отрядов.

Прежде, чем наступил день, Гасдрубал приказал двигаться берегом реки. Он долго блуждал по излучинам и петлям извилистой реки, все время возвращаясь на те

же самые места и мало продвигаясь вперед. Гасдрубал пытался найти удобную переправу и перейти на другой берег. А тем временем берега реки, по мере того, как армия удалялась от моря, становились все уже. Гасдрубал так и не смог найти места для переправы, но потерял при этом целый день и дал неприятелю время, чтобы организовать погоню¹.

Римляне окончательно отрезали Гасдрубала от Фламиниевой дороги, так что после неудачной попытки ускользнуть на юг, он был вынужден вступить в бой с превосходящими силами обоих консулов.

Обе армии стали друг против друга. Гасдрубал на своем левом фланге выстроил галлов, как раз напротив войск Клавдия Нерона, а на правом фланге встали иберийские отряды. В центре группировки построились лигуры, перед которыми разместили слонов. Сам Гасдрубал занял место главнокомандующего в середине. Битва началась с удара карфагенян по левому флангу римлян, которым командовал Ливий Салинатор. Разгорелась ожесточенная схватка и ее исход решался в течение нескольких часов. Слоны не выполнили своей задачи, поскольку им помешали шеренги как римлян, так и иберов².

В конце концов, весы победы перевесил Клавдий Нерон, который с занятых на правом фланге позиций на пригорке выполнил обходной маневр силами 7 тысяч своих солдат и вышел к тылам сражающихся войск Гасдрубала. Этот решающий удар привел к тому, что часть карфагенских отрядов стала отступать. В тот же момент Гасдрубал, пытаясь их остановить, въехал на коне прямо в отступающие шеренги и буквально через несколько минут был убит. Тогда римляне закончили разгром остатков карфагенской армии. Среди испанско-африканских солдат в живых остались очень немногие и не нашлось никого, кто занял бы место Гасдрубала. Его армия, насчитывающая около 12 тысяч солдат, была почти полностью уничтожена и прекратила существова-

¹ Liwiusz, указ. соч., с. 400.

² Polibiusz, указ. соч., т. II, с. 75.

ние. В ночь после битвы Клавдий Нерон двинулся со своим легионом обратно на юг, к своему лагерю в Лукании, захватив с собою голову убитого Гасдрубала. Прибыв на место, он приказал бросить голову Гасдрубала перед лагерем Ганнибала, одновременно отправив к нему двух пленных с известием о смерти брата. Узнав о поражении, Ганнибал вывел свои войска из Лукании, ограничившись теперь только обороной Бруттия. Собственно говоря, это был конец войны в Италии.

Битва у Метавра — это одна из битв, которые изменили ход истории. Тогда в последний раз народы Италии встали в боевом строю напротив легионов — предвестников Империи цезарей. Поражение Гасдрубала окончательно решило также и судьбу Испании. Правда, карфагеняне пытались еще защитить Испанию на протяжении 207 г. до н. э., размещая свои войска во многих укрепленных городах, но поскольку это не принесло никаких результатов, они решились на битву в открытом поле. В 206 г. до н.э. в большом сражении под городом Илипой карфагеняне потерпели катастрофическое поражение, результатом которого стал упадок карфагенского господства в Испании. После битвы Публий Корнелий Сципион в качестве победителя отправил в Рим богатейшие трофеи. На его сторону перешли иберийские племена, а также прибрежные финикийские города. С завоеванием Испании вторая Пуническая война стала близиться к концу. Под влиянием успехов римлян отказался от ведения боевых действий и царь Македонии Филипп V, подписавший с Римом мирное соглашение.

Завоеватель Испании Сципион, избранный консулом на 205 г. до н. э., начал подготовку, чтобы окончательно решить судьбу Карфагена. Он решил перенести войну на территорию Африки, оставив, таким образом, в покое Ганнибала, находящегося в Италии. Летом 204 г. до н.э. Сципион выплыл из Сицилии в сопровождении сильной флотилии к Карфагену. На палубах его кораблей находилось 35 тысяч пехотинцев и 3200 конников. С этой армией Сципион без помех высадился на африканском

побережье, недалеко от города Утика, лежащего в устье реки Баграды, на расстоянии около 30 километров от Карфагена. Узнав об этом, в римский лагерь прибыл молодой царь из Восточной Нумидии Масинисса, с которым Сципион еще в Испании наладил отношения. Он привел с собой 200 нумидийских конников. Хотя это была и небольшая помощь, но Масинисса был выгодным союзником, так как хорошо знал территорию и местные условия.

Сципиону не удалось завоевать Утику штурмом. Причиной тому были не только мощные укрепления города, но и приближающаяся зима. Поэтому он расположил свои войска на зимовку на небольшом мысе к востоку от Утики. Напротив него в двух лагерях разместились карфагенские войска, насчитывающие 30 тысяч пехоты и 3 тысячи конницы под командованием другого Гасдрубала, сына Гискона, а также войска союзного с ними нумидийского царя Сифакса, которые насчитывали около 50 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы. Сципион укрепил свой лагерь, вытянул галеры на берег, а их экипажи отправил на осадные работы. В период зимних бурь он не мог поддерживать связи с Италией, но в то же время ему не грозила и атака карфагенского флота со стороны моря.

Весной 203 г. до н.э., воспользовавшись тем, что с противником велись фиктивные мирные переговоры, Сципион неожиданно ночью ударил одновременно по двум лагерям. Там начался пожар, причиной которого стал поджог. В этот момент римляне ворвались в центр лагерей, уничтожая противника и вынуждая его бежать. Только через три недели карфагенянам удалось заново сформировать разбитые отряды, дополнив их прибывшими наемниками. Они соединились со вновь собранными силами Сифакса в долине Баграды.

Тем временем Сципион, который начал осаду Утики, двинулся на карфагенян и на так называемых больших полях у Баграды одержал над ними полную победу. После этого римляне стали хозяевами на открытой территории. Эта битва заслужила внимание еще и потому, что

Сципион вновь здесь воспользовался каннским опытом. Римские войска атаквали противника двумя флангами. Зато наступающая в центре пехота, приблизившись к карфагенянам, внезапно перегруппировалась таким образом, что отряды первой и третьей линии расступились. В результате такого маневра главные ударные силы неприятеля оказались в окружении, вырваться из которого было крайне трудно. С поля битвы смог уйти только Сифакс с остатками своих войск, но в погону за ним кинулся друг Сципиона Лелий вместе с Масиниссой. Сифакс был еще раз побит под Циртой, и сам в этом сражении попал в плен.

В этом трагическом для государства положении Совет в Карфагене решил, что только Ганнибал может принести спасение. Итак, Ганнибалу был отправлен приказ о возвращении. Таким же образом был вызван и Магон с лигурийского побережья. И вот, через пятнадцать лет после начала ведения войны во вражеской стране, Ганнибал покинул Италию и в начале зимы на рубеже 203 и 202 г. до н.э. высадился в Лептисе, расположившись лагерем под Гадруметом. Его брат Магон так и не добрался до Африки, таж как умер по дороге от ран, полученных во время сражений в Лигурии.

Сначала казалось, что до решающей схватки между армиями двух великих полководцев дело не дойдет, так как еще до того, как Ганнибал прибыл на родину, в Карфагене победила мирная партия, начавшая переговоры с Римом. Перемирие было гарантировано, но неожиданно оно было сорвано прежде, чем карфагенские послы вернулись из Рима. Причиной этому послужил захват карфагенянами римских транспортных кораблей с грузом зерна. Когда Сципион потребовал удовлетворения, то карфагеняне, сторонники войны, напали на судно, на котором плыли римские послы.

В ответ на это Сципион возобновил военные действия и с армией, насчитывающей 30 тысяч солдат, двинулся в долину Баграды. Навстречу ему приближался с подмогой Масинисса. Узнав об этом, Ганнибал также вышел из Гадрумета с армией, насчитывающей 42 тысячи солдат.

Через несколько дней марша он остановился под городом Зама. Сюда же подошли и войска Сципиона, усиленные отрядами Масиниссы, их объединенные силы насчитывали 40 тысяч солдат. Ганнибал еще пытался вести переговоры со Сципионом и даже в личном разговоре выставил условия для мира. Но поскольку римлянин потребовал безусловной капитуляции, не оставалось ничего другого, как проведение решающей битвы. Это сражение произошло под Замой в мае 202 г. до н.э.

Построение обеих стоящих друг против друга армий было похожим. Вперед была выдвинута легкая пехота, за ней находилась тяжелая пехота, а конница заняла места на флангах. Сципион выстроил свои манипулы не в шахматном порядке, а один за другим, а также усилил правый фланг, поставив там нумидийскую конницу. Карфагеняне же выдвинули вперед слонов и легкую пехоту. Ганнибал хотел сначала оттянуть с поля боя римскую конницу, а затем окружить неприятельских пехотинцев. Но поскольку этот маневр ему не удался, он попытался отвести карфагенскую армию в укрепленный лагерь.

Битву начали карфагеняне, бросив в бой слонов. Но это не принесло желаемого результата, так как они попали в брешь между манипулами и, кроме того, легионеры сумели остановить животных, забросав их снарядами и устроив невообразимый шум с помощью сигнальных труб и других инструментов. Слоны повернули назад и, убегая, вызвали замешательство в рядах армии Ганнибала. Отбив атаку слонов, римская конница атаковала кавалерию карфагенян и, создавая видимость отступления, выманила ее с поля битвы. Ганнибал, видя, что слоны и конница потерпели неудачу, решил силами своей пехоты атаковать фланги противника и приказал ударить с флангов второй линии. Однако римляне сделали то же самое, и битва приняла форму лобового столкновения. В это время римская конница, вернувшись на поле битвы из погони за кавалерией карфагенян, нанесла внезапный удар по тылам войск Ганнибала. Этот маневр решил исход сражения. У Ганнибала уже не было ни конницы, чтобы

остановить атаку римлян, ни армии, которой он командовал 16 лет. «Под другими Каннами триумф одержал Сципион»¹. Ганнибал с несколькими конниками отошел к Гадрумету, а оттуда — в Карфаген.

Значение битвы при Заме для развития военного искусства заключается прежде всего в том, что она является примером далеко продвинутого маневрирования на поле боя. Римляне сумели извлечь уроки из сражения под Каннами, где из-за неразрывности боевого построения их возможности к маневрированию были сведены к нулю. В битве при Заме римляне углубили боевое построение, расположив войска в двух и даже в трех бросках друг от друга. Это, несомненно, сказалось на их маневренности и создало возможности для обширных тактических комбинаций. При этом чрезвычайно возросла роль и значение главнокомандующего.

Добравшись до Карфагена, оставшийся без армии Ганнибал понял, что дальнейшее сопротивление бессмысленно и выступил за заключение мирного соглашения с Римом. Сципион также склонялся к подписанию договора, поскольку римляне были изнурены многолетней войной, а завоевание Карфагена требовало новых жертв и усилий. Условия мира были следующие: карфагеняне должны были отказаться от территорий за пределами Африки, выдать военнопленных, слонов и корабли (за исключением десяти), а также в течение 50 лет заплатить сумму в 10 тысяч талантов серебра. Кроме того, Карфаген мог в будущем вести войны только в Африке, и то с согласия Рима. Эти условия были приняты, и в 201 г. до н.э. обе стороны ратифицировали мирный договор. Война была закончена.

Публий Корнелий Сципион вернулся в Рим, совершив триумфальный въезд в столицу. В награду за завоеванную победу он получил почетное прозвище «Африканский». В качестве военной добычи он привез с собой 123 тысячи фунтов серебра, которое поступило в государственную казну.

¹ Lamb, указ. соч., с. 357.

Вторая Пуническая война имела огромное значение для истории античного мира, а также для развития военного искусства. Прежде всего, Рим укрепил свое господство в Западном Средиземноморье, а завоевание восточной части Греции произошло уже позднее, причем без особых усилий со стороны римлян. Этому способствовала и политическая нестабильность, и растущие противоречия между эллинистическими государствами. В завоеванной Испании римляне в 197 г. до н.э. создали две провинции. Была также расширена и Сицилийская провинция, путем присоединения к ней Сиракуз. Результатом войны на территории самой Италии стало полное превосходство римлян и латинов в римско-италийском союзе. Факт, что самый известный полководец того времени Ганнибал поддался римскому оружию, вселял в римлян уверенность, что для дальнейшего развития их военной мощи уже не существует никаких преград.

Вторая Пуническая война изобиловала качественно новыми изменениями в военном искусстве. Поэтому столь велико ее значение для общего развития способов и методов ведения войны в целом и отдельных сражений. Во время войны была выработана классическая форма двухстороннего обхода с флангов и окружения армии противника с целью ее дальнейшего уничтожения (Канны). Военная наука обогатилась и новым опытом в ведении битвы в неблагоприятной местности и организации засад на неприятеля (форсирование Родана Ганнибалом, переход через Альпы, битва на Тразименском озере), а также организации самостоятельных действий отдельных групп армии (Бекула).

В действиях карфагенской армии обращает внимание тенденция к использованию всех средств, способных вынудить неприятеля принять сражение в открытом поле. Характерен был также размах и решительность в реализации отдельных задач (не раскол и принуждение к отступлению, а полное уничтожение неприятельской армии). Что же касается римской стороны, то особо следует подчеркнуть умение римлян использовать опыт противника, а также тот факт, что, несмотря на множество

неудач, Римское государство с честью выдержало испытание войной.

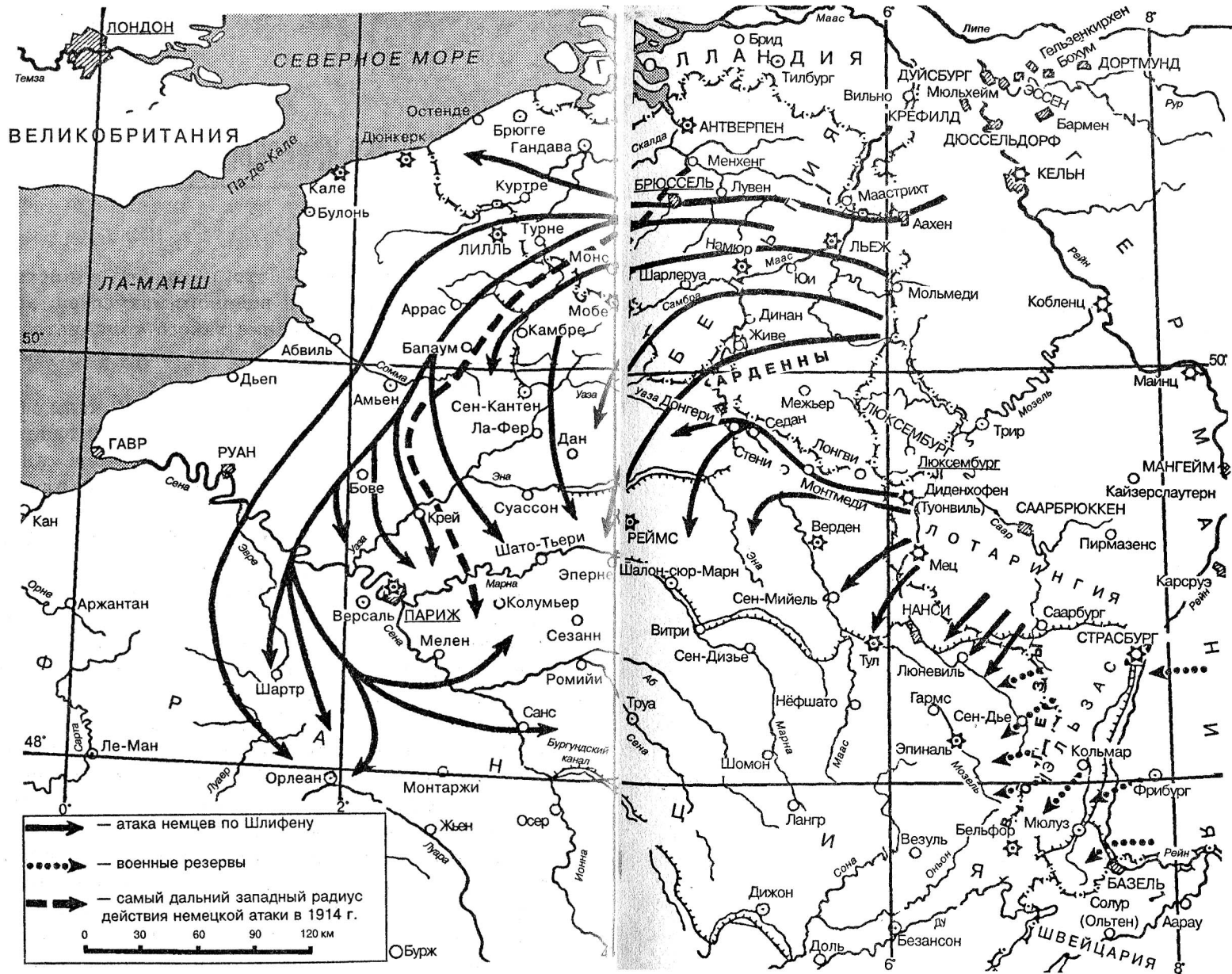
В историографии можно встретить детальный разбор, анализ и оценку вопросов стратегии и тактики обеих воюющих сторон. Иногда они бывают спорными. Это уже отдельная тема в рамках истории вооруженных сил и военного искусства. Зато важным вопросом является развитие идеи каннского маневра в военной теории и практике на протяжении веков.

ИДЕЯ КАННСКОГО МАНЕВРА

Битва при Каннах — это, вероятно, единственная битва в истории войн и военного искусства, которая привлекла к себе внимание такого количества военных теоретиков и практиков, начиная с античных времен и заканчивая XX в.

Многие сравнивают сражение при Каннах с битвой под Седаном, которая произошла в 1870 г. во время франко-прусской войны. Кроме того, идею каннского сражения можно увидеть в Шлифеновском плане войны с Францией в 1914 г., в переходе армии генерала фон Клюге и даже в Сталинградской битве 1942—1943 гг., но в то же время среди историков можно встретить и такую точку зрения, что нельзя отождествлять Каннах, Седан и Сталинград. Однако эти битвы зачастую сравнивают как примеры окружающего маневра. Сражение при Каннах является к тому же образцом полководческого искусства.

Первым, кто в XX в. полнее других перенял и пытался воплотить идею каннского сражения и принципы двухстороннего маневра Ганнибала, стал фельдмаршал Альфред фон Шлифен, который в 1891—1905 гг. был начальником немецкого Генерального штаба. Он придерживался мнения, что хотя на протяжении двух тысяч лет произошли существенные изменения в вооружении войск, скорострельные орудия пришли на смену луку, а пулемет заменил пращу, но неизменными остались общие правила ведения боя. Любое сражение и сегодня может проводиться согласно тому

План Шлифена и его

реализация в 1914 г.

самоу плану, какой был разработан еще Ганнибалом¹.

Говоря о битве под Каннами, Шлифен отмечал, что даже Наполеон считал невозможным для себя планировать и выполнять двухсторонний окружающий маневр, располагая более слабыми силами, чем противник. А ведь задолго до него такой маневр уже был с успехом выполнен Ганнибалом и, более того, карфагенский полководец смог выйти еще и к тылам неприятеля.

Надо отметить, что существенным условием успеха Шлифен считал и действия противника. Он утверждал, что Ганнибалу повезло, когда напротив него оказался Теренций Варрон, который, построив свою пехоту в глубину, тем самым свел все свое преимущество к нулю. И, в конце концов, на победу Ганнибала оказал влияние тот факт, что римский главнокомандующий был абсолютно бездарен. В результате всего вышесказанного Шлифен сделал вывод, что полное повторение битвы при Каннах встречается в истории войн очень редко, ибо для этого необходим, с одной стороны, Ганнибал, а с другой — Теренций Варрон, каждый из которых на свой манер содействовал достижению великой цели².

Под углом зрения идеи каннского маневра Шлифен проанализировал ряд битв, начиная с Семилетней войны 1756—1763 г. и заканчивая франко-прусской войной 1870—1871 г. Он начал с битвы под Лейтеном (1757 г.), утверждая, что никто более, чем Фридрих Великий не был склонен повторить пример Ганнибала, вступив в сражение, целью которого было уничтожение превосходящих сил противника³. На стороне Пруссии в этом сражении выступило 35 тысяч солдат, а на стороне австрийцев — около 65 тысяч, то есть у них было значительное превосходство. Фридрих II не мог атаковать противника в лоб, у него также было недостаточно сил, чтобы выполнить окружающий маневр одновременно на двух флан-

¹ Schlieffen, указ. соч., с. 3.

² Там же, с. 262.

³ Там же, с. 4.

гах, поэтому он решил нанести главный удар только на одном фланге.

Утром 5 декабря 1757 г. прусский сторожевой отряд атаковал австрийскую кавалерию в деревне Борне и отбросил ее в направлении Фробельвица. Но это был всего лишь отвлекающий удар, далее Фридрих II намеревался атаковать главными силами левый фланг австрийцев. Авангард прусской армии развернулся, якобы для атаки правого фланга австрийцев и тем самым ввел в заблуждение австрийское командование, которое перебрало туда резервы и часть кавалерии с левого фланга. Тем временем главные силы прусской армии двинулись к деревне Лобетинц. Густой туман помог пруссакам незаметно подойти к австрийским позициям. Наступление начали батальоны прусской пехоты, выдвинутые наискось с правого фланга. Австрийцы смогли сориентироваться в этом фланговом маневре Фридриха II и хотели сменить фронт, но времени на это уже не осталось, они не успели развернуть линейный строй на новом направлении и приняли глубокое построение на 40 шеренг, примерно такое же, какое предпринял Теренций Варрон под Каннами.

Шлифен отмечал, что и сама ситуация была похожа на ту, которая сложилась в битве при Каннах. На обоих флангах была сгруппирована кавалерия. Не хватало только двух загнутых флангов карфагенской пехоты, по 6 тысяч солдат на каждом. Поскольку сил было недостаточно, поэтому нужно было отказаться от глубокого окружения и овладеть Лейтеном, давая возможность кавалерии атаковать левый фланг австрийцев. Поскольку одновременно с этим и на правом фланге австрийской армии прусская пехота и кавалерия обратили неприятеля в бегство, битва закончилась поражением австрийцев.

Учитывая, что разница сил была слишком велика, битва под Лейтеном могла быть только бледной копией битвы при Каннах. Но задача ведения боя на уничтожение, с силами в два раза меньшими, чем у противника, была, как пишет Шлифен, в определенной степени выполнена. Того, чего не удалось достигнуть в ходе борьбы

в деле обхода и окружения неприятеля, добились путем выполнения окружающего маневра на левом фланге австрийцев. Целью же этого маневра было заставить австрийскую армию сменить фронт, что в условиях применения линейной тактики привело к разрыву группировки, и, как следствие, не дало возможности оказать достойного сопротивления противнику.

Анализируя наполеоновские кампании и битвы, Шлиффен пришел к выводу, что Наполеон отошел от идеи проведения битв, целью которых было бы полное уничтожение неприятеля, зато ею воспользовались его противники, и роли тут же поменялись. Сражение под Кульмой было уже похоже на битву на уничтожение противника, а сражение под Лейпцигом в 1813 г., по мнению Шлиффена, могло бы стать современными Каннами, судя по разворачиванию сил, выходу к тылам неприятеля и окружению его со всех сторон, если бы не страх перед личностью Наполеона, который привел к тому, что ему была оставлена дорога к отступлению¹. Даже в битве под Ватерлоо Шлиффен усмотрел частицу сражения при Каннах.

Кроме наполеоновских войн предметом сравнительного анализа были также война 1866 г. и франко-прусская война 1870—1871 гг. Что касается войны 1866 г., Шлиффен отмечал, что в ее ходе «Канны» могли бы случиться дважды, но идея полного окружения и уничтожения противника была чуждой прусским генералам². В результате противник был всего лишь отброшен назад. И, действительно, во время кампании в Чехии в битве при Садове пруссаки, атакующие австрийские войска генерала Людвика фон Бенедека сразу тремя армиями, не сумели выполнить полного окружающего маневра с флангов, что дало возможность австрийцам отступить к Градец-Кралове (Кениггрец). И хотя эта битва закончилась поражением австрийцев, но до полного уничтожения их армии дело не дошло.

¹ Schlieffen, указ. соч., с. 50.

² Там же, с. 149.

Однако самой лучшей «копией» каннского сражения можно считать окружение под Седаном 130-тысячной армии генерала Патриса Мак-Магона во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. В историю эта битва вошла под названием «вторые Канны». Давайте взглянем на эти события, которые несколько в другом масштабе, но вызвали у военных теоретиков ассоциацию с каннским сражением. Катастрофа под Седаном произошла в результате реализации прусского военного плана, подготовленного фельдмаршалом Хельмутом Мольтке в 1857 г.

Этот план был рассчитан на то, что французы группируют свои войска вокруг главных железнодорожных узлов — Меца в Лотарингии и Страсбурга в Эльзасе, тем более, что оба эти города имели крепости, где можно было организовать базу снабжения для французских войск. Мольтке провел быструю мобилизацию и сосредоточение собственной армии, а также обеспечил численное преимущество над противником. При разработке плана он предусматривал одностороннее соединение с лотарингской группировкой французов, действия третьей прусской армии в направлении Эльзаса и принуждение эльзасской французской группировки к отступлению в юго-западном направлении. В конечном результате, согласно плану, прусская армия должна была обойти главные французские силы с юга, перерезая им пути отхода в глубь страны, прижать их к бельгийской границе и затем — уничтожить или принудить к капитуляции. Таким образом, должна была открыться дорога на Париж.

Во Франции рассматривались два варианта ответных действий, но сейчас трудно установить, имел ли Наполеон III окончательный план войны. Начальные этапы военных действий говорят скорее о том, что способы развертывания сил на границе и передвижения войск были определены наспех, накануне войны, а не запланированы заранее. В результате уже в первые дни войны армия «второй империи» понесла значительные потери и была вынуждена отойти. Кризис нарастал по мере развертывания военных действий.

Император Наполеон III сложил с себя обязанности верховного главнокомандующего и официально поделил силы, борющиеся с пруссаками на две группы: армию Меца, насчитывающую около 150 тысяч солдат под командованием маршала Франсуа Базена, и шалонскую армию (около 130 тысяч), организованную Мак-Магоном из остатков разбитых в Эльзасе корпусов и новых резервов. Обе армии отступали в западном направлении. Армия Мак-Магона, защищающая Париж, достигла Шалона. Армия же Базена не смогла воспользоваться тактическим успехом, полученным в битве под Сен-Прива-Гравелоте, и была окружена в крепости Мец, что в итоге привело к изоляции более половины сил французов. Наполеон III, боясь, что неудачи на фронте могут пошатнуть его репутацию, велел Мак-Магону, несмотря на неблагоприятное соотношение сил, начать наступление.

Выполняя этот приказ, шалонская армия при переходе к Монмеди попала в капкан, из которого Мак-Магон попытался выйти единственной дорогой, ведущей через Седан. Но для этого армия должна была форсировать реку Мез. Неудачная реализация этого плана привела к тому, что армия Мак-Магона оказалось зажатой превосходящими силами противника под Седаном, на плоскогорье между Мезом, Живонном и Аргонским лесом. Отсюда был только один выход — через пролив, занять который Мак-Магон не догадался, проявив тем самым фатальную беспечность.

В результате необдуманных и неграмотно спланированных наступательных действий последняя большая группировка французских сил — шалонская армия — оказалась в ловушке под Седаном. При этом противник имел значительное преимущество, как в живой силе, так и в артиллерии. Воспользовавшись тем, что армия Мак-Магона после переправы через Мез не разобрала мосты, пруссаки перебросили через реку два корпуса на север и четыре корпуса — на юг от Седана. Одновременно с юго-запада к городу подтянулся второй баварский корпус. Итак, для французской армии наступил тра-

гический финал Седанской операции — окружение армии Мак-Магона.

1 сентября 1870 г. в битве под Седаном была решена судьба шалонской армии. Французы оказались зажаты на плоскогорье Илли, сначала на территории в 30 квадратных километров (6 x 5 километров), а на втором этапе сражения — на территории 8,75 квадратных километров (3,5 x 2,5 километра). Они были фактически сметены огнем 780 прусских орудий. Совершенные по тем временам технические свойства немецких артиллерийских орудий давали возможность пруссакам свободно обстреливать все окружающее пространство. В течение первых трех часов битвы командование шалонской армией сменилось трижды, что еще больше усилило неразбериху. Через несколько часов борьбы кольцо прусских войск, поддерживаемых сильным артиллерийским огнем, начало сжиматься все сильнее. Окруженная армия предприняла отчаянную попытку вырваться из тисков, но потерпела неудачу. Французы, находясь под ураганным огнем орудий, несли огромные потери. К вечеру шалонская армия перестала существовать, и Наполеон III подписал капитуляцию.

Так, в результате двухстороннего обхода и окружения французская армия была уничтожена. Так же, как и римская армия в битве при Каннах, французские войска были зажаты на ограниченной территории и потеряли способность успешно обороняться. Эти приписываемые позднее Мольтке «вторые Канны» под Седаном были, однако, в большой степени результатом ошибок французского командования. Иначе разве стал бы Шлифен утверждать, что для повторения битвы при Каннах с одной стороны обязателен Ганнибал (Мольтке), с другой же — Теренций Варрон (Мак-Магон)? В любом случае совпадение поразительно.

Шлифен признавал и пропагандировал те самые правила двустороннего окружающего маневра, которые ввел в историю военной науки Ганнибал. Военные историки нередко задавались вопросом, имел ли немецкий фельдмаршал причины считать, что битвы миллионов

современных армий могут быть основаны на тех самых правилах, которыми руководствовался командующий неполным 50-тысячным войском Ганнибал? Правомерны ли рассуждения Шлифена, когда, планируя свою операцию на фронтах, насчитывающих сотни километров, он в качестве образца брал битву при Каннах, которая развернулась на фронте протяженностью всего в несколько километров? Одни защищали Шлифена, другие подвергали критике.

Разрабатывая план войны с Францией в 1914 г., Шлифен взял за основу Канны. Он предусмотрел, что немецкие войска встретятся с французскими силами на укрепленных позициях, которые тяжело будет сломить и поэтому видел только один способ успешного развития событий, не понеся при этом лишних потерь. Этот способ заключался в следующем: сковать противника на фронте с помощью малых сил и одновременно обойти оба его фланга двумя мощными ударными группировками: северной (1-я и 2-я армии), в задачу которой входило пересечение Меза, и южной (4-я и 5-я армия), которая должна была пробиться через Шарм и двинуться к Люксембургу. Благодаря двухстороннему обходу с флангов, этот маневр должен был повторить Седан, но в гораздо большем масштабе.

Однако со временем оказалось, что левый фланг французов сильно растянут к северу, в связи с чем следовало расширить зону окружающего маневра, что навело Шлифена на мысль обойти французов через Бельгию и север Франции. Разрабатывая свой план, фельдмаршал все время стремился укрепить правый фланг, который должен был наступать через Бельгию. В историографии можно встретить утверждение, что основой того, второго, плана были уже не Канны, а битва под Лейтеном и отсюда — создание более сильного правого фланга.

Несмотря на это, не только в военных планах, но и в проводимых позднее действиях исследователи искали черты каннского маневра. Немецкая группировка на Западном фронте складывалась из семи армий, сконцент-

рированных от голландской границы до Эльзаса. Главную ударную силу составляли три армии (1—3). 1-я армия, под командованием генерал-полковника Александра фон Клюге, должна была выполнить большой маневр с правого фланга, в то время как сконцентрированные на левом фланге 6-я и 7-я армии должны были сковать силы французов в направлении Лотарингии на правом фланге и, таким образом, помешать их переброске на север. Переход и маневр армии фон Клюге напоминал каннский маневр Ганнибала. Предполагалось также, что генерал Карл фон Бюлов, которому подчинялся фон Клюге, силами трех правофланговых армий (1—3) проведет с бельгийской армией битву по каннскому образцу.

В ходе дальнейших военных действий и по мере продвижения немцев в глубь Франции французы предприняли попытку наступательного перелома, и их пятая армия остановила наступление 2-й немецкой армии. Генерал фон Бюлов, захваченный идеей каннского маневра, хотел силами своей 2-й армии задержать 5-ю французскую армию, а силами 3-й армии с востока и 1-й армии с запада, совершив двухсторонний окружающий маневр, выйти к вражескому тылу. Однако это намерение не осуществилось, поскольку 5-я французская армия, видя угрозу со стороны превосходящих сил противника, начала отступление.

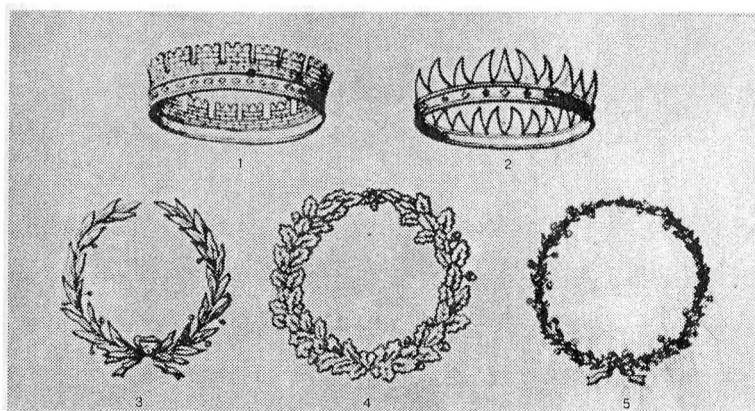
И в дальнейшем ходе войны на западе в 1914 г. военные теоретики видели наследие битвы при Каннах. По их мнению, отступающие к Марне левофланговые французские армии, а также удерживающаяся в районе Вердена 3-я французская армия, создали между Верденом и Парижем большой вогнутый лук, якобы такой же, как и во время Каннского сражения. Тогда генерал Хельмут фон Мольтке, племянник фельдмаршала, отдал немецким армиям приказ выполнить маневр, основанный на схеме античной битвы. 3-я, 4-я и 5-я немецкие армии должны были провести наступление с головы, а 2-я и 6-я армии — двухсторонний окружающий маневр с запада и востока. Но до реализации этого плана не дошло. Командующий 1-й немецкой ар-

мией, генерал фон Клюге понимал, что указание Мольтке не соответствовало создавшемуся положению и, чтобы отрезать левый фланг французов от Парижа, следует дойти, по меньшей мере, до Сены. Все эти планы, однако, сошли на нет из-за наступательного поворота французских армий, которому предшествовала проведенная главнокомандующим французских войск маршалом Жозефом Жоффром большая битва у Марны. Закончилось это сражение окончательным отходом немцев из-под Парижа, предопределяя тем самым провал всей кампании для них на западе и в большой мере — исход всей первой мировой войны.

Историки пришли к выводу, что немцы, постоянно увлеченные примером сражения под Каннами, хотели видеть Каннскую битву и в сражении у Марны. Генерал фон Клюге был уверен, что французское командование, согласно правилам античной битвы, намеревалось подготовить немецким армиям полное окружение. Но высказывались также мнения, что битва у Марны представляет собой пример сражения скорее наполеоновского типа и что маршал Жоффр не хотел повторения каннского образца. Здесь стоит напомнить, что судьба большого немецкого наступления на Париж была предопределена в результате пересмотра плана Шлиффена, который осуществил Мольтке, и усиления левого фланга за счет ослабления правого. Итогом этих изменений стала попытка окружающего маневра не на западе, а на востоке от Парижа, где немцы оказались под угрозой французского флангового удара.

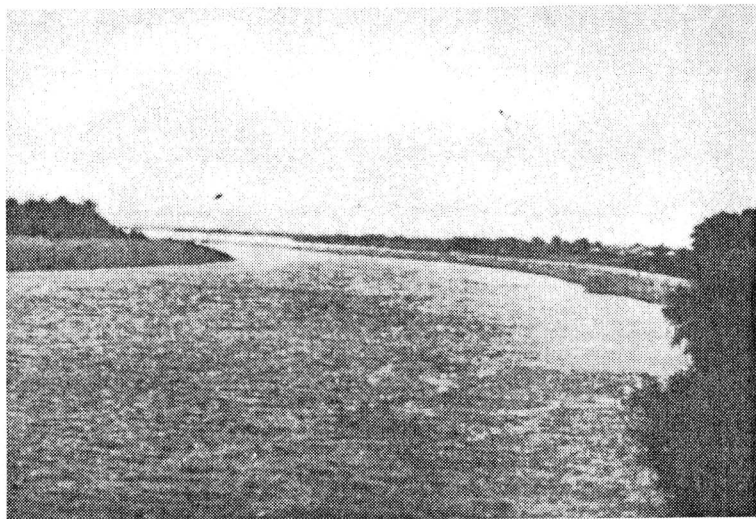
Мы уже отмечали, что битва при Каннах явилась образцом маневра или искусства командования. Считается, что Каннское сражение — это следствие опыта, полученного в битве у Треббии как римлянами, так и карфагенянами.

Польский писатель и военный теоретик межвоенного периода Станислав Роля-Арчишевский выдвинул две проблемы, которые, по его мнению, требовали уточнения: «Первая — какие средства использовал Ганнибал, чтобы, имея значительно меньшие силы, не только

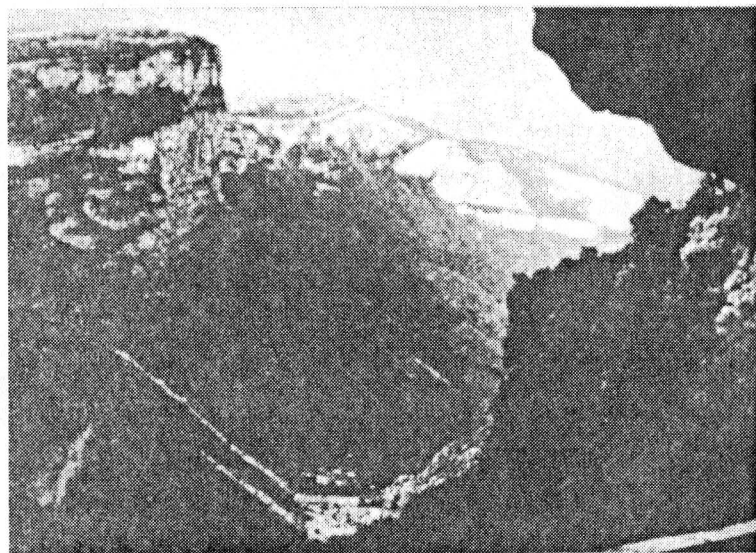

Награды за военную храбрость:

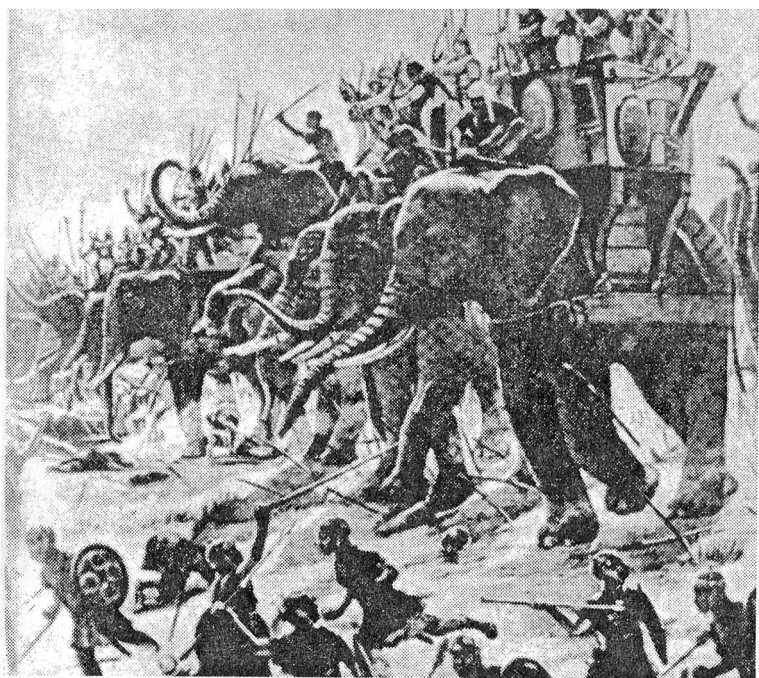
- 1 — «корона муралис». Венок, дававшийся тому, кто первый всходил на стены осаждаемого города;
- 2 — «корона навалис», вручаемая в награду за доблесть в морских сражениях;
- 3 — «корона триумфалис» вручалась тому, кто удостоивался триумфа;
- 4 — «корона цивитус» — венок из дубовых листьев за спасение жизни соотечественника на войне;
- 5 — «корона мирта» — миртовый венок.

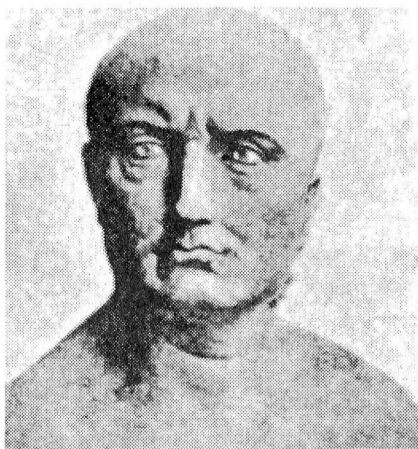
Родан (Рона) в месте переправы Ганнибала.

Ущелье — вероятное место засады Ганнибала на аллоброгов.

Атака карфагенских слонов в сражении у Метавры.

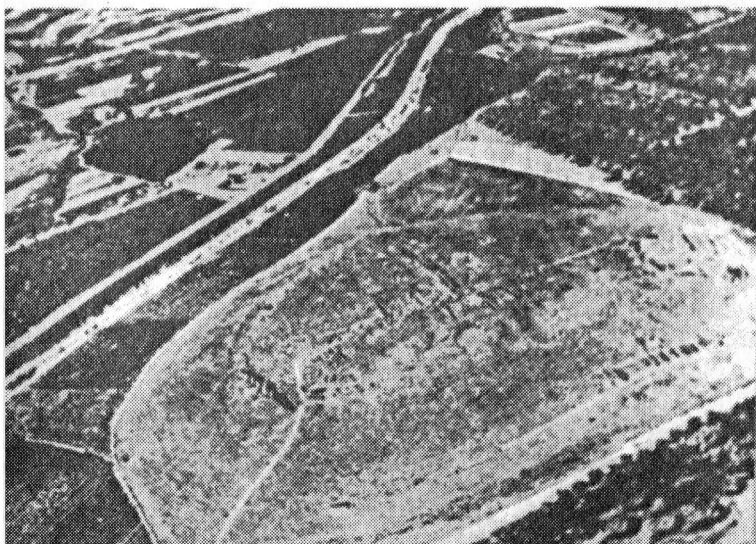
*Публий Корнелий
Сципион.*

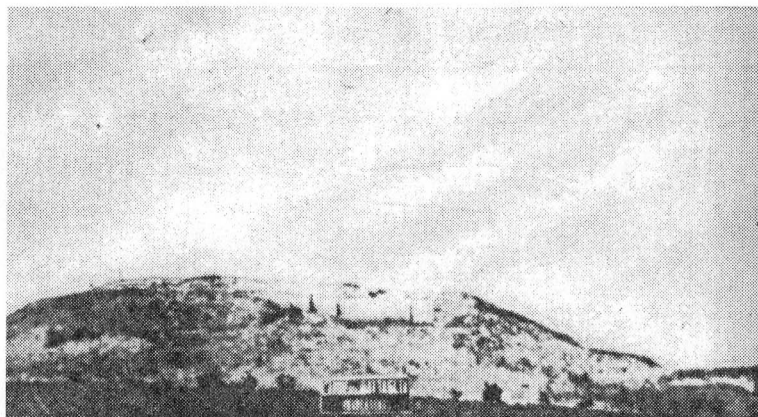
*Ганнибал находит голову своего брата Гасдрубала,
убитого в сражении у Метавра.*

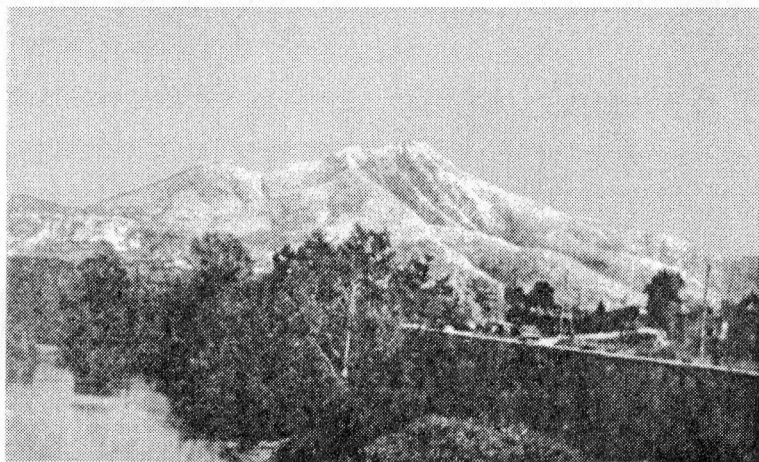
Альпийский перевал, который переходила армия Ганнибала.

Место Каннского сражения.

Возвышенность, на которой стоял древний замок в Каннах.

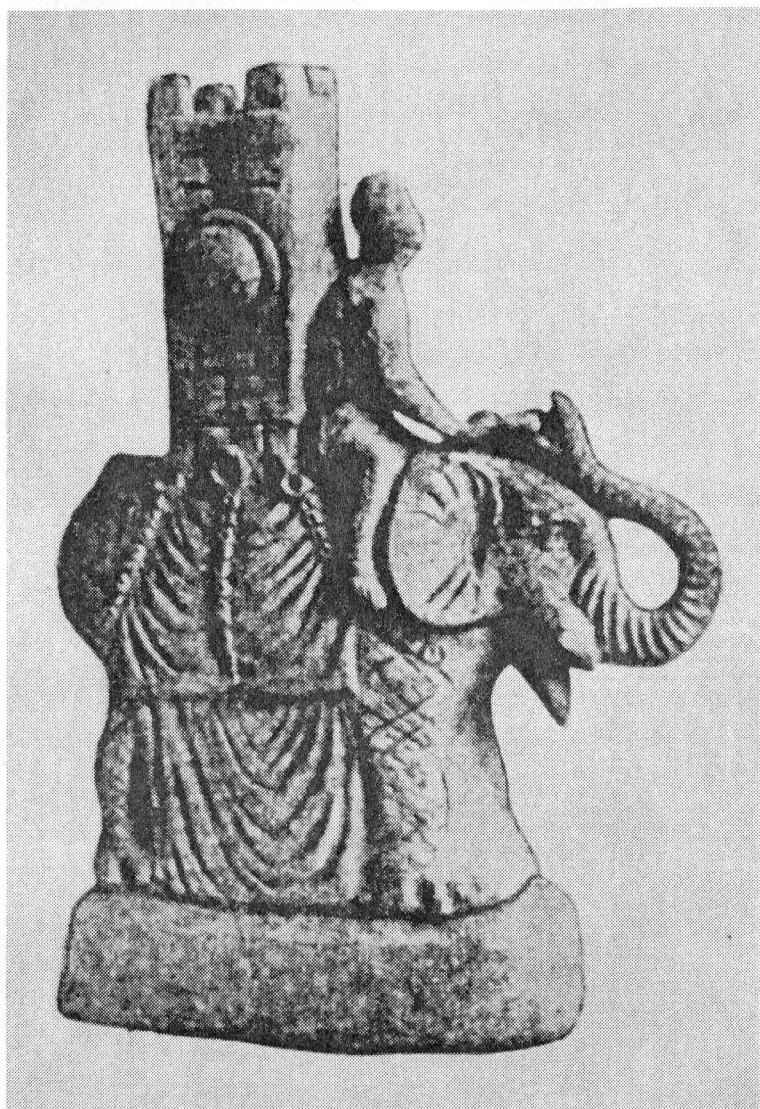
Гора Тифата, на которой Ганнибал организовал свою зимнюю квартиру.

*Клавдий Марцелл,
завоеватель Сиракуз.*

Архимед перед лицом смерти.

Боевой слон.

окружить неприятеля, но также и остановить его мощное лобовое наступление? Вторая — как ему удалось, завершив окружение, не дать противнику всей своей массой прорвать кольцо?» Гений Ганнибала, по мнению Роля-Арчишевского, заключается в том, что «он решил вначале противопоставить рассеянной массе противника слабый отпор, который, однако, должен был все время усиливаться и тем самым постепенно свести на нет все старания римлян»¹.

Это была концепция «эластичного буфера». Но, по мнению Роля-Арчишевского, который, кстати, полемизировал со Шлифеном, не сама группировка, а прежде всего римское командование терпело поражение под Каннами. Римская фаланга представляла собой бездушную глыбу, похожую на мельничный жернов, пущенный по склону, обломки которого, оторвавшись от целой глыбы, гибнут в пространстве. Уже Дельбрюк утверждал, что карфагеняне победили при Каннах благодаря офицерскому корпусу, штабным генералам и офицерам, которые могли руководить своими отрядами с тактической точки зрения, а также благодаря Ганнибалу, который сумел все силы направить к единой цели².

К идее битвы под Каннами обращались и при сравнении двух главных военных доктрин, разработанных перед первой мировой войной, а именно французской доктрины, создателем которой был генерал Вильгельм Бональ, и немецкой, автором которой был Шлифен. В литературе появились определения: «Система Ганнибала», «Система Треббии», «Система Канн». Надо подчеркнуть, что для того, чтобы иметь возможность нанести удар по Франции, немецкая военно-теоретическая мысль должна была найти выход из тупика, в который привело применение наполеоновской системы. Для этого необходимо было пойти путем объединения системы битвы при Каннах и битвы у Треббии. Роля-Арчишевский утверждал, что, «изучая происхождение каннской мысли в не-

¹ Rola-Arciszewski, указ. соч., с. 231.

² Delbrück, указ. соч., с. 335.

мецких тактических концепциях, трудно согласиться, что именно этот последний проект, полностью опирающийся на внезапность, был одним из важнейших, а может, и решающих указателей для ищущего выход из трудного положения Шлифена», и, что «дорога», к которой традиционно привык Ганнибал и на которую в результате свернул Шлифен, давала преимущество неожиданного удара и предотвращала возможность быстрого отклонения противника»¹.

Битва при Каннах представляет собой ценный материал при изучении принципов оперативного маневра. Ганнибал прекрасно смог соединить два фактора маневра, которые до него применялись только по отдельности (фактор окружения и объединенной силы). Это позволяет назвать его автором собственного маневра. Ганнибал умел применять и использовать все три составляющие части, которых требовал маневр: мысль, движение и силу.

Стоит также обратить внимание, что иногда сравниваются формы маневров Ганнибала и Наполеона. В литературе можно встретить точку зрения, что среди всех полководцев античного мира Ганнибал больше других имел склонность к такому способу борьбы с противником, как двухсторонний маневр. Каждый раз он выполнял его все лучше и при этом умел приспособиться к различным условиям и особенностям сражения. Многие задумывались, почему Наполеон так редко прибегал к двухстороннему маневру. Ответ заключается в том, что со времен Канн существенно изменился характер противников. Наполеону не доставало того, чем Ганнибал располагал у Треббии и под Каннами, — превосходящей и быстрой кавалерии. Ни под Ваграмом, ни, тем более, под Вильно, уже невозможно было так быстро и полностью окружить противника, как у Треббии или при Каннах, потому что для этого нужна была целая конная армия и очень много времени. К тому же противник не стоял на месте, а все время находился в движении.

¹ Rola-Arciszewski, указ. соч., с. 329, 331.

Обобщая то, о чем говорилось выше, влияние и сознательное или подсознательное использование достижений военного искусства прошлых времен военными теоретиками и практиками вплоть до XX в. можно принять как бесспорный факт. А то, что в этом процессе знаменитая античная битва при Каннах заняла особое место, говорит о ее исключительном значении в истории войн и военной науки. Из всех авторов, кто касался этой темы, ни один не пытался принизить роль и значение Каннской битвы, а также ее влияние на всю историю древнего мира и на военную науку.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Фрагменты трех основных письменных источников, касающихся битвы при Каннах в 216 г. до н.э., а именно пересказов Полибия, Ливия и Аппиана

Полибий¹ из Мегаполя в Аркадии (ок. 200 — ок. 120 г. до н.э.). Самый известный греческий историк. В 169—168 гг. до н.э. был начальником конницы Ахейского союза. В 168 г. после битвы при Пинде был взят в заложники в Италию. В Риме он находился в качестве воспитателя сыновей Эмилия Павла, победившего при Пинде. С младшим из них, Публием Сципионом, он подружился и в должности военного советника участвовал в его военных походах, в том числе и против Карфагена (был свидетелем его разрушения в 146 г. до н.э.). Полибий был и в Испании, Галлии, Африке, а также прошел дорогой Ганнибала через Альпы. Он был горячим сторонником римлян и их государственного устройства. Полибий прежде всего известен, как автор «Всеобщей истории», одного из важнейших исторических произведений античности. Из 40 книг, охватывающих 264—144 гг. до н.э., сохранились целиком первые 5 книг. Фрагменты из других книг (кроме не сохранившихся 17 и 40) относятся ко

¹ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах/ Пер. Ф.В. Мищенко. — Т. 1. Кн. III, разд. 107—118.

времени второй и третьей Пунических войн. Полибий при изучении причин и результатов событий сохранял к своим источникам критическое отношение, заботился о правдоподобном и объективном освещении фактов.

107. Итак, в течение зимы и весны противники оставались в своих лагерях друг против друга. Лишь только тогда, когда настала пора уборки новых плодов, Ганнибал вывел свое войско из лагерей под Герунием. Находя для себя выгодным всячески побуждать неприятеля к битвам, он занял укрепленный центр города Канн; ибо в город этот римляне свозили хлеб и прочие припасы из окрестностей Канузия, а оттуда каждый раз тогда, когда требовалось, доставляли их войску. Сам город раньше уже был разрушен; теперь потеря запасов и крепости поставила римские войска в большое затруднение. Действительно, занятие укрепленного центра неприятелем было невыгодно римлянам не потому только, что лишало их съестных припасов, но и потому еще, что крепость эта господствовала над окружающей местностью. Поэтому проконсулы посылали в Рим вестника за вестником и спрашивали, как им поступить, ибо, сообщали они, с приближением к неприятелю битва становится неизбежною ввиду того, что страна разоряется, и общее настроение союзников возбужденное. Сенат высказался за то, чтобы дать битву неприятелю; Гнею с товарищем они приказали выжидать еще, а сами послали на войну консулов. Помыслы всех римлян обращены были теперь на Эмилия; на него же возлагались самые смелые надежды частью благодаря доблестной жизни его вообще, частью потому, что не задолго до этого он, по мнению всех, мужественно и с успехом вел войну против иллирийцев. Решено было вести войну восемью легионами, чего раньше не было у римлян; при этом в каждом легионе числилось без союзников до пяти тысяч человек. Как сказано выше, римляне набирают ежегодно четыре легиона, а легион включает около четырех тысяч пехоты и двести человек конницы. Если же предстоит более важное дело, тогда каждый легион составляют из пяти тысяч пехоты и трехсот

конницы. Что касается союзников, то пехота их равняется по численности римским легионам, конница же обыкновенно втрое многочисленнее римской. Половина этого числа союзников и два легиона даются каждому из двух консулов и отправляются на войну. Для большей части войн употребляются один консул и два легиона, а также вышеупомянутое число союзников: лишь в редких случаях римляне пользуются единовременно для одной войны всеми военными силами. В описываемое нами время римляне находились в такой тревоге и в таком страхе за будущее, что решили использовать на войне единовременно не четыре только, а восемь легионов.

108. Сенаторы призвали Эмилия и товарища его, выставили им на вид всю важность исхода борьбы счастливого и несчастного и отпустили их с повелением кончить войну мужественно и достойно отечества, когда наступит приятный для того момент. Консулы прибыли с войском и, собравши воинов, объявили волю сената, произнесли подобающие данному положению речи, причем в словах Луция выражались переживаемые им самим чувства. Большая часть речи его направлена была к тому, чтобы ослабить впечатление понесенных недавно неудач; действительно они до такой степени напугали массу воинов, что слово ободрения было необходимо. Вот почему Луций старался доказать, что не одна и не две, а много было причин, почему предшествовавшие битвы кончались для них поражениями, что при настоящих обстоятельствах, если только воины будут мужественны, нельзя назвать ни одной причины, ни одного препятствия к тому, чтобы победа была за ними. До сих пор, говорил Луций, никогда еще оба консула не стояли во главе сражающихся легионов, в дело употреблялись войска необученные, новобранцы, незнакомые с опасностями; кроме того, — что самое важное, — римляне до сих пор так мало знали своих противников, что, почти не видя их, строились в боевой порядок и шли в решительные битвы.

«Так, разбитые у реки Треббии войска только накануне прибыли из Сицилии, а на рассвете следующего же дня выстроились против неприятеля. Потом сражавшиеся в Этрурии не только до битвы, но даже в самой битве не могли видеть неприятеля по причине пасмурной погоды. Теперь все совершенно иначе».

109. «Так, мы оба с вами, и не только сами будем делить с вами опасности, но и консулы прошлого года остаются на поле битвы и будут участвовать в сражениях вместе с нами. С другой стороны, вы не только знаете вооружение, строй, численность неприятеля, вы второй год уже чуть не каждый день сражаетесь с ними. Таким образом, теперь у нас все противоположно тому, как было в прежних битвах, поэтому нужно ждать, что и исход борьбы будет на сей раз совершенно иной. Было бы не сообразно, даже не возможно, чтобы вы, выходя большею частью победителями из легких схваток при равенстве ваших сил с неприятельскими, были побеждены теперь, когда мы идем против неприятеля все вместе, и силы наши превосходят неприятельские больше, чем вдвое. Когда, граждане, имеется все нужное для победы, требуется еще одно только — ваша добрая воля и усердие, но говорить вам об этом пространно я нахожу излишним. Подобный способ увещевания бывает необходим в тех случаях, когда обращаются к людям, состоящим на службе у других за жалованье, или к таким, кои согласно уговору должны сражаться за союзников, для коих битва представляет величайшие опасности, а последствия ее маловажны; напротив, если предстоит борьба, как вам теперь, не за других, а за самих себя, за свою родину, жен и детей, если последствия борьбы имеют гораздо большее значение, нежели сама опасность ее, тогда нет нужды в увещевании, достаточно напоминания. И в самом деле, кто не желал бы больше победить в борьбе. Если же это невозможно, кто не пожелает скорее пасть в бою, чем остаться в живых и видеть близких своих жертвами насилия и

гибели. Вот почему, граждане, вы без моих речей ясно понимаете разницу между поражением и победой, а равно последствия их; поэтому идите в битву с мыслью о том, что отечество борется не за легионы только, но за само существование свое. Если бы настоящая борьба кончилась как-нибудь иначе, отечество не имеет других сил сверх этих для одоления врага. В вас вложило оно всю свою ревность и мощь; на вас покоятся все надежды его на спасение. Оправдайте эти надежды, докажите преданность отечеству, какая ему подобает, покажите всем народам, что поражения произошли не от того, что римляне уступают будто бы карфагенянам в доблести, но от неопытности сражавшихся тогда воинов и от случайных обстоятельств». Так и в таком роде говорил Луций войскам и затем распустил собрание.

110. На следующее утро консулы выступили в поход по направлению к тому месту, где, как они слышали, находится неприятельская стоянка. После двухдневного перехода они расположились лагерем стадиях в пятидесяти от неприятеля. Луций видел, что местность представляет совершенно открытую равнину, и полагал, что ввиду превосходства неприятельской конницы необходимо воздержаться от сражения, вести войско дальше и увлекать за собой неприятеля туда, где битва будет вестись главным образом пешими воинами. Но Гай по своей неопытности был противоположного мнения, что породило разногласия и взаимное недовольство между вождями, и это было опаснее всего. На следующий день, когда очередь командовать перешла к Гаю, — по обычаю консулы чередовались через день, — с целью приблизиться к неприятелю он велел сниматься со стоянки и двинулся вперед, как не упрасивал и не удерживал его от этого Луций. Ганнибал с легковооруженными и конницей пошел навстречу, ударили на римлян, в то время как те были еще на ходу, неожиданно вовлекая их в сражение, чем произвел в рядах неприятеля большое замешательство. Первый натиск римляне вы-

держали, поставив впереди отряд тяжеловооруженных; затем, выпустив на врага метателей дротиков и конницу, они одержали в схватке решительную победу, ибо карфагеняне не имели сколько-нибудь значительной поддержки с тыла, тогда как у римлян вместе с легковооруженными сражались несколько манипулов легионеров. На сей раз с наступлением ночи противники разошлись, причем исход нападения не оправдал расчетов карфагенян. На следующее утро Луций не решался вступать в битву, но пока не мог и увести свое войско назад беспрепятственно, а потому с двумя третями его расположился станом подле реки, именуемой Ауфидом. Это — единственная река, протекающая через Апеннины. Гора образует непрерывную границу, разделяющую все воды Италии так, что одни из них впадают в Тирренское море, другие — в Адриатику; протекающий через Апеннины Ауфид имеет источники в покатоности Италии к Тирренскому морю и впадает в Адриатику. Третью часть войска они расположили по другую сторону реки, к востоку от места переправы, стадиях в десяти от собственной стоянки и немного дальше от неприятельской. Сделано это было для того, чтобы прикрывать своих воинов, выходящих из противоположного лагеря за продовольствием и угрожать фуражирам карфагенян.

111. Ганнибал сознавал, что обстоятельства вынуждают его к битве с неприятелем, но в то же время опасался, что недавнее поражение напугало его воинов; что следует ободрить войско, и созвал собрание. Когда воины собрались, Ганнибал предложил всем им бросить взгляд на окрест лежащие страны и затем спросил, о чем при настоящих обстоятельствах они могли бы больше всего молить богов, как не о том, чтобы, если можно, дать неприятелю решительную битву в такой местности, как эта, при значительном превосходстве их конницы над неприятельской.

Последовало всеобщее одобрение, потому что дело было совершенно ясно. «Поэтому, — сказал

вождь, — прежде всего, возблагодарите богов, ибо уготовляя нам победу, они завели неприятеля в такие места. Потом, благодарите и нас за то, что мы довели неприятеля до необходимости принять битву, ибо он не может больше уклоняться от нее и вынужден принять сражение в условиях бесспорно выгодных для нас. Но мне кажется, не подобает теперь обращаться к вам с пространной речью, ибо вы бодры духом и горите желанием сражаться. Пока в борьбе с римлянами вы были неопытны, я должен был это делать; тогда я держал к вам пространные речи, изобилующие примерами. Теперь, когда в трех столь важных сражениях, следовавших одно за другим, вы одержали решительные победы над римлянами, неужели какая-либо речь способна поднять дух ваш сильнее, чем сами подвиги ваши. Благодаря предшествующим победам вы обладаете этими полями и благами их, и все, что мы обещали вам в своих речах, оправдалось вполне; теперь предстоит борьба за города и их достояние. С победой в этой битве вы тотчас станете господами целой Италии; одна эта битва положит конец нынешним трудам вашим, и вы будете обладателями всех богатств римлян, станете повелителями и владыками всей земли. Вот почему не нужно более слов, — дела нужны; ибо с соизволения богов я убежден, что вскоре исполнятся мои обещания». Так и в таком роде говорил Ганнибал; войско выразило ему горячее сочувствие, а он похвалил воинов, поблагодарил их и затем распустил собрание. Немедленно после этого Ганнибал возвел укрепления и расположился лагерем на том самом берегу реки, где находилась и стоянка неприятеля.

112. На следующий же день Ганнибал приказал всем войскам готовиться к битве и подкрепить свои силы, а еще через день выстроил войска в боевой порядок вдоль реки, и было ясно, что он ждет только случая сразиться с врагом. Между тем Луций, недовольный местоположением, замечал, что карфагеняне вынуждены будут перенести лагерь на дру-

гое место ради снабжения себя продовольствием; он оградил оба лагеря сильными сторожевыми постами и не двигался с места. Ганнибал ждал довольно долго, но, так как никто не выходил против него, он увел свое войско обратно за укрепления, только отрядил нумидийцев для нападения на римлян, выходявших за водой из меньшего лагеря. Когда нумидийцы добежали до самых заграждений и допускали римлян к воде, Гай начинал волноваться еще сильнее, войско также рвалось в битву и роптало на то, что бой откладывается. Для всех людей время ожидания самое тягостное, зато раз решение принято, необходимо терпеливо сносить все, что почитается бедствием, как бы велико оно не было.

Когда в Риме было получено известие, что войска стоят лагерем друг против друга и что каждый день происходят схватки между передовыми постами, возбуждение и тревога охватили город. Вследствие многократных прежних неудач народ страшился за будущее, мысленно рисуя себе последствия поражения в решительной битве. Теперь из уст в уста переходили всякие изречения оракулов, какие только известны были римлянам; каждый храм, каждый дом полны были знамений и чудес, по всему городу давались обеты и совершались жертвы, повсюду возносились молитвы к богам о помощи. Так в трудные минуты римляне с величайшею ревностью прибегают к умоливанию богов и людей, и в подобные времена нет ничего такого, чего бы ради этого они не сделали, что посчитали бы неприличным для себя или недостойным.

113. Между тем Гай, очередь которого в главном командовании наступала на следующий день, разом двинул войска из обоих лагерей, лишь только показалось солнце. По мере того как воины из большого лагеря переходили реку, он тут же строил их в боевую линию, потом присоединил к ним воинов из другого лагеря, поставил их в одну линию с теми, так что все войско обращено было лицом к югу. Римскую конницу

Гай поместил у самой реки на правом крыле, к ней в той же линии примыкала пехота, причем манипулы поставлены были теснее, чем прежде и всему строю дана большая глубина, чем ширина. Конница союзников поставлена была на левом крыле. Впереди всего войска в некотором отдалении поставлены легкие отряды. Всей пехоты, считая и союзников, было до восьмидесяти тысяч человек, а конницы немного больше шести тысяч.

В это же самое время Ганнибал переправил через реку балеарцев и копейщиков и выстроил их впереди войска; вывел из-за укреплений и, переправив через реку в двух местах, выстроил против неприятеля. У самой реки, на левом фланге против римской конницы он поставил конницу иберов и кельтов, вслед за ними половину тяжеловооруженной ливийской пехоты, за нею пехоту иберов и кельтов, а подле них другую половину ливийцев. Правый фланг заняла нумидийская конница. Построив всю рать в одну прямую линию, Ганнибал выдвинулся вперед со стоящими в центре иберами и кельтами; к ним присоединил он остальное войско таким образом, что получилась кривая линия наподобие полумесяца, к концам постепенно утончавшаяся. Этим он желал достигнуть того, чтобы ливийцы прикрывали собой сражающихся, а иберы и кельты первыми вступили в битву.

114. Ливийцы вооружены были по-римски; всех их снабдил Ганнибал тем вооружением, которое было выбрано из доспехов, взятых в предыдущих битвах. Щиты иберов и кельтов были сходны между собой по форме, а мечи тех и других сильно разнились; именно иберийским мечом одинаково удобно колоть и рубить, тогда как галатским можно только рубить, и притом на некотором расстоянии. Ряды кельтов и иберов поставлены были попеременно; кельты не имели на себе никакого одеяния, а иберы были одеты в короткие льняные хитоны, отделанные пурпуром, что придавало воинам необычайный и внушительный вид.

Всей конницы у карфагенян было до десяти тысяч, а пехоты вместе с кельтами немного более сорока тысяч. Правым флангом римлян командовал Эмилий, левым — Гай, центр занимали консулы предшествующего года, Марк и Гней. У карфагенян левое крыло занимал Гасдрубал, правое Ганнон, в центре находился сам Ганнибал вместе с братом Магоном. Так как римское войско обращено было, о чем сказал я выше, к югу, а карфагенское к северу, то восходящее солнце не мешало ни одному из них.

115. Когда произошла первая схватка между передовыми войсками, легкие отряды вначале сражались с равным успехом, но с приближением к римлянам иберийской и кельтской конницы с левого фланга карфагенян завязалась жестокая битва по способу варваров. Не наблюдался больше обычный порядок сражения, по которому отступление сменяется новым нападением; сражающиеся раз кинулись друг на друга и спешили, дрались один на один. Наконец легкие отряды карфагенян одолели, хотя все римляне сражались отважно и стойко, но очень многие из них были убиты в самой схватке, а остальных неприятель погнал вдоль реки, рубя и избивая беспощадно. Тогда легковооруженных заменили пехи войска, и они ударили друг на друга. Некоторое время ряды иберов и кельтов выдерживали бой и храбро сражались с римлянами, но затем, подавляемые тяжелою массою легионов, они подались и начали отступать назад, разорвав линию полумесяца. Римские манипулы стремительно преследовали врага, без труда разорвали неприятельскую линию, потому что строй кельтов имел незначительную глубину, между тем как римляне столпились с флангов к центру, где шла битва. Дело в том, что у карфагенян фланги и центр вступили в битву не разом, центр раньше флангов, ибо кельты, выстроенные в виде полумесяца, выпуклою стороною обращенного к неприятелю, выступали далеко вперед от флангов. В погоне за кельтами римляне теснились к центру, туда, где подавался неприятель, и

умчались так далеко вперед, что с обеих сторон очутились между тяжеловооруженными ливийцами, находившимися на флангах. Ливийцы правого фланга сделали поворот влево и, наступая справа, выстраивались против неприятеля с фланга. Напротив, левое крыло ливийцев, сделав такой же оборот слева направо, строилось дальше; само положение дел научало их, что делать. Вследствие этого вышло так, как и рассчитывал Ганнибал: в стремительной погоне за кельтами римляне кругом отрезаны были ливийцами. Не имея более возможности вести сражение по всей линии, римляне в одиночку и отдельными манипулами дрались с неприятелем, теснившим их с боков.

116. Хотя Луций с самого начала стоял на правом фланге и участвовал в битве конницы, но пока еще он не был убит. Ему хотелось исполнить обещание, данное в речи к воинам, и самому участвовать в каждом деле, а потому, сознавая, что участь всей битвы зависит от легионов пехоты, он верхом на лошади прыскал к центру, сам кинулся в бой и рубил неприятеля, в то же время ободряя и воодушевляя своих воинов. Но подобным образом действовал и Ганнибал: и он с самого начала находился в той же части войска. Нумидийцы, с правого фланга нападавшие на неприятельскую конницу левого фланга, не причиняли неприятелю большого урона и сами не терпели такового, благодаря обычному у них способу сражения; тем не менее, непрерывно нападая на римлян со всех сторон, они лишали их возможности действовать. Затем, когда на помощь нумидийцам подоспело войско Гасдрубала, истребившее за весьма немногими исключениями стоящую у реки конницу, тогда конница римских союзников, издали завидя наступление неприятеля, подалась назад и начала отступать. В этот момент Гасдрубал, как рассказывают, придумал мудрую, соответствующую меру, именно: принимая во внимание многочисленность нумидийцев и зная, насколько они опасны и страшны для неприятеля, раз

обратившегося в бегство, он предоставил бегущих на волю нумидийцев, а сам устремился на место сражения пехоты с целью поскорее помочь ливийцам. Подойдя к римским легионам с тыла и тотчас разом в нескольких пунктах направив на них ряды своей конницы, Гасдрубал ободрил ливийцев, а на римлян навел смущение и ужас. В это самое время пал в схватке тяжело раненный Луций Эмилий, человек, всегда до последней минуты честно служивший отечеству, как подобает каждому. До тех пор, пока римляне составляли круг и сражались лицом к лицу с неприятелем, оцепившим их кольцом, они держались еще; но стоящие на окружности воины падали один за другим; мало-помалу римляне теснимы были со всех сторон все больше и больше, наконец все легли на месте, не исключая Марка и Гнея, консулов предшествующего года, людей доблестных и в битвах показавших себя достойными сынами Рима. Пока шла эта смертоносная битва, нумидийцы преследовали бегущую конницу, большую часть воинов перебили, других скинули с лошадей. Лишь немногие спаслись бегством в Венузию, в их числе и римский консул Гай Теренций, человек постыдно бежавший и власть свою употребивший во зло собственной родине.

117. Так кончилась битва римлян и карфагенян при Каннах, битва, в которой и победители и побежденные отличались величайшей храбростью. Ясно свидетельствуют об этом сами последствия. Так, из шести тысяч конницы в Венузию спаслось бегством вместе с Гаем семьдесят человек, и около трехсот человек из союзников рассыпались по городам. Что касается пехоты, то из нее в сражении взято было в плен около десяти тысяч человек; были и другие пленные, не участвовавшие в деле; из участвовавших в битве бежало в окрестные города лишь около трех тысяч человек. Все остальные числом около семидесяти тысяч человек пали с честью в сражении. Как в этот раз, так и раньше победе карфагенян очень помогла многочисленность конницы. Будущим поколениям преподан был

этим урок, что для войны выгоднее иметь половинное количество пехоты сравнительно с неприятельскою и решительно превосходить врага в коннице, нежели вступать в битву с силами, совершенно равными неприятельским.

Из войска Ганнибала кельтов пало около четырех тысяч, иберов и ливийцев тысячи полторы, конных воинов около двухсот. Взятые в плен римляне не участвовали в сражении, потому что Луций оставил у своей стоянки десять тысяч пехоты с тем расчетом, чтобы они, если Ганнибал не позаботится об охране лагеря и выведет в поле все войска, напали на неприятельский обоз во время битвы и завладели им; если же Ганнибал, предугадывая будущее, оставит в лагере значительный гарнизон, то настолько же уменьшатся силы неприятеля для решающей битвы. Пленение римлян произошло приблизительно при таких обстоятельствах: достаточно сильный гарнизон был оставлен Ганнибалом у стоянки, и лишь только началась битва, римляне согласно сделанному распоряжению начали приступ против воинов, оставленных в карфагенских укреплениях. Первое время карфагеняне выдерживали натиск одни, а когда положение их стало трудным, явился Ганнибал, который уже закончил сражение, теперь помог своим, обратил римлян в бегство и запер их в их собственном лагере; при этом две тысячи воинов было убито, все прочие взяты в плен. Точно так же нумидийцы принудили к сдаче и привели пленными в лагерь тысячи две конных воинов, которые обратились в бегство и укрылись в укреплениях.

118. Описанный выше исход сражения имел решительные последствия, отвечавшие ожиданиям обеих сторон, именно: в результате этой битвы карфагеняне заняли почти все остальное побережье, ибо тарентинцы сдались им тотчас, а аргириппаны и часть капуанцев звали к себе Ганнибала, все остальные тогда уже обращали свои взоры к карфагенянам, которые питали в них смутную надежду, что с первого набега возьмут

сам Рим. Напротив, римляне вследствие поражения немедленно утратили господство над италийцами; они пребывали в сильном страхе и опасении за собственное существование и за родную землю, так как ожидали скорого появления Ганнибала у самого города, тем более что судьба как бы желала дополнить и завершить постигшие их беды: несколько дней спустя, в то время как город объят был страхом, посланный в Галатею претор попал неожиданно в засаду и вместе со всем войском погиб от руки кельтов. И все-таки сенат делал все, что мог: ободрял народ, укреплял город, мужественно обсуждал положение дел; позднейшие события ясно доказали это. Так, невзирая на сокрушительное поражение, которое они потерпели в это время, невзирая на то, что военная слава померкла, римляне благодаря особым свойствам своих учреждений и мудрости своих решений не только одолели карфагенян и тем возвратили себе владычество над Италией, но спустя некоторое время стали обладателями всей обитаемой земли. Вот почему изложением этих событий мы заканчиваем настоящую книгу, рассказав о том, что совершалось в Иберии и Италии во время сто сороковой олимпиады. Когда мы изложим события Эллады, совершившиеся в ту же олимпиаду, и подойдем к этому времени, тогда поставим себе особую задачу описать государственный строй римлян. Мы убеждены, что описание это не только составляет необходимую часть истории, но может принести большую пользу любознательным государственным людям в делах усовершенствования и устройства государства.

Тит Ливий¹ родился в 59 г. до н.э., умер в 17 г. н.э. Он был величайшим римским историком. Автор «Римской

¹ Ливий Тит. История Рима от основания города. Т. II. Кн. XXII, разд. 43—50/Пер. Ф.Ф. Зелинского, М.Е. Сергеевко. — М.: Наука, 1991.

истории от основания города» (142 книги), которая охватила историю Рима от легендарных времен основания до 9 г. н.э. Из этого труда сохранились книги 1—10 (охватываемый период — 218—168 гг. до н.э., то есть от начала второй Пунической войны до победы Эмилия Павла над Македонией в битве при Пидне) и фрагменты. Ливий не проводил самостоятельных исследований и в своем труде опирался на более ранние источники. Он обладал большим писательским талантом, был отличным рассказчиком, а исторические факты трактовал драматически. Ливий, однако, не относился критически к тем источникам, которыми пользовался, поэтому в его работе много ошибок и не представлена общая история Рима. Несмотря на это, история Ливия стала популярна и нашла большой отклик после смерти автора, являясь источником информации и образцом для многих его последователей.

Переход войск под Канны. 43. Ганнибал видел, что римляне поддались безрассудству, но до крайности не дошли. Хитрости его были раскрыты, и он вернулся в лагерь ни с чем. Долго там оставаться было нельзя: не хватило бы хлеба; не только простые воины — разноплеменной сброд, но и сам вождь, метались от замысла к замыслу. Ведь начался ропот, а после и во весь голос солдаты стали требовать свое жалованье, жаловаться сперва на дороговизну, а потом и на голод; пошли слухи, что наемники, преимущественно испанцы, задумали перейти к римлянам. Даже сам Ганнибал, говорят, иногда подумывал бросить всю пехоту, прорваться с конницей и бежать в Галлию. Такие замыслы обсуждались, и такое настроение царило в лагере, поэтому Ганнибал решил идти в Апулию: климат там жарче и хлеба жнут раньше, к тому же, чем дальше он отойдет от врага, тем труднее будет легкомысленным воинам перебежать к римлянам. Выступил Ганнибал ночью, развел, как раньше, костры и оставил несколько палаток: пусть и на этот раз римляне, боясь западни, не двинутся с места. Тот же лукан Статилий

обследовал все за лагерем и по ту сторону гор, доложил, что неприятель далеко; начали строить планы преследования.

Консулы, ни тот, ни другой, не изменили своим прежним мнениям, но с Варроном соглашались почти все, а с Павлом — один Сервилий, консул прошлого года. Следуя мнению большинства и покорствуя судьбе, они выступили, чтобы прославить Канны поражением римлян. Около этой деревни Ганнибал разбил свой лагерь, поставив его тылом к ветру волтурну, который несет тучи пыли с полей, иссушенных засухой. Такое расположение, вообще очень хорошее, окажется особенно выгодным, когда войска станут строиться для сражения: карфагенянам ветер будет дуть в спину, а римлянам забьет глаза пылью.

Битва при Каннах. 44. Консулы, разведав пути, преследовали карфагенян. Придя к Каннам и оказавшись вблизи неприятеля, они укрепили два лагеря, оставив между ними примерно такое же расстояние, как под Герунием, и разделив, как и раньше, войско. Река Ауфид омывала оба лагеря, и водоносы ходили за водой, где кому было удобно, но без столкновений не обходилось; однако из меньшего лагеря, который был поставлен за Ауфидом, римлянам брать воду было свободнее, потому что там на противоположном берегу не было неприятельского поста. Ганнибал надеялся, что консулы дадут ему возможность завязать сражение на месте, природой созданном для конных битв, в которых он был непобедим. Выстроив войско, он послал вперед нумидийцев, чтобы они раздражили врага. И опять в римском лагере началось волнение: солдаты готовы были возмутиться, а консулы не согласны между собой; Павел напоминал Варрону о глупом удалстве Семпрония и Фламиния, а Варрон попрекал Павла Фабием как образцом всех робких и ленивых полководцев. Варрон, призывая в свидетели богов и людей, объявлял, что не его вина, если Ганнибал давно уже как бы приобрел для себя Италию, — ведь он, Варрон, связан сотоварищем по

рукам и ногам: у разгневанных рвущихся в бой солдатов отнимают оружие. Павел отвечал: «Если с войском, безрассудно брошенным в это сражение и обреченным, случится беда, то моей вины в этом нет, а общую участь я разделю со всеми. А Варрон пусть следит, чтобы те, кто смел и скор на язык, сумели воевать и руками».

45. Время шло больше в таких препирательствах, чем в совещаниях; Ганнибал, продержав большую часть дня войско в строю, вернулся в лагерь, но послал нумидийцев через реку напасть на водоносов из меньшего римского лагеря. Едва выйдя на берег, они с криком напали на эту нестройную толпу, погнавши ее и в общей сумятице доскакали до передовых постов и почти что до самых ворот лагеря. Римлян возмутило, что какой-то вспомогательный отряд уже пытается навести страх на римский лагерь, и если они тут же не перешли реку и не вступили в бой, то потому лишь, что командование в тот день принадлежало Павлу. И вот, на следующий день Варрон, командовавший в свою очередь, подал, не посоветовавшись с товарищем, сигнал к выступлению, выстроил войско и перевел его через реку. Павел пошел с ним: он мог не одобрить его решение, но не мог отказать ему в помощи. Перейдя реку, они присоединили к себе тех, кто стоял в меньшем лагере, и выстроили все римское войско в таком порядке: на правом фланге (он был ближе к реке) римская конница, а за ней пехота; крайние на левом фланге — конница союзников, а за ней их пехота, в середине строя примыкавшая к легионам: на передней линии стояли копейщики и другие легковооруженные из вспомогательных войск. Консулы находились на флангах; Теренций на левом, Эмилий на правом, серединой строя командовал Сервилий.

46. Ганнибал на рассвете, выслав вперед балеарцев и других легковооруженных, перешел реку; переводя каждую часть, он тут же указывал ей место в строю: конных испанцев и галлов поставил он ближе к реке на левом фланге против римской конницы; нумидий-

ских конников — на правом; в середине строя стояла пехота; по краям африканцы, а между ними испанцы и галлы. Африканцев по виду можно было бы принять за римлян, потому что оружие у них было римское, подобранное у Треббии и еще больше — у Тразименского озера. У галлов и у испанцев щиты были вида почти одинакового, а мечи различные: у галлов очень длинные с закругленным клинком; у испанцев, которые в бою больше колют, чем рубят, — короткие и острые. Племена эти внушали особенный ужас и огромным ростом воинов, и всем их обличем: галлы, обнаженные до пупа, испанцы в туниках ослепительной белизны, окаймленных пурпуром. Пехоты в строю было сорок тысяч, конницы — десять. Левым крылом командовал Гасдрубал, правым — Магарбал, центром — сам Ганнибал с братом Магоном. Случайно или сознательно, но оба войска были поставлены боком к солнцу, что было очень удобно для тех и других — пунийцы стояли лицом к северу, римляне — к югу; но ветер — местные жители называют его волтурном — дул римлянам прямо в лицо, неся тучи пыли, он засыпал ею глаза, мешая видеть.

47. Поднялся крик, завязалось сражение между легковооруженными из вспомогательных войск, выбежавшими вперед, затем испанские и галльские конники, стоявшие на левом фланге, сшиблись с конниками римского правого фланга, но сражались совсем не по правилам конного боя: бились лицом к лицу — обойти неприятеля было невозможно: с одной стороны река, с другой — выстроившиеся пехотинцы. Противники, двигаясь только вперед, уперлись друг в друга. Лошади сбились в тесную кучу, воины стаскивали друг друга с коней. Сражение уже стало превращаться в пешее. Бились ожесточенно, но недолго — римских конников оттеснили, и они обратились в бегство. К концу конного боя в сражение вступила пехота, вначале, пока ряды испанцев и галлов не были расстроены, противники и силами, и духом были друг другу равны, наконец римляне после многократных

усилий потеснили врагов, наступая ровным плотным строем на выдвинутую вперед середину их строя, своего рода клин, который был недостаточно крепок, так как строй здесь был неглубок. Затем, тесня и преследуя побежавших в страхе врагов, римляне разорвали середину строя и ворвались в расположение неприятеля и, наконец, не встречая сопротивления, дошли до африканцев, которые были поставлены на отведенных назад флангах того самого выступа в середине строя, где были испанцы и галлы. Когда их потеснили, вражеская линия сначала выровнялась, а затем, прогибаясь, образовала посередине мешок, по краям которого и оказались африканцы. Когда римляне неосторожно туда бросились, африканцы двинулись с обеих сторон, окружая римлян, и заперли их с тыла.

Теперь римляне, выигравшие без всякой пользы для себя первый бой, бросив испанцев и галлов, которых сильно побили с тыла, начали новое сражение с африканцами. Оно было неравным не только потому, что окруженные сражались с окружившими, но и потому, что усталые бились со свежим и бодрым врагом.

48. Уже на левом фланге римлян, где против нумидийцев стояла союзническая конница, завязалось сражение. Сначала оно шло вяло, и враги применили пунийскую хитрость. Около пятисот нумидийцев в своем обычном воинском снаряжении, но еще и с мечами, спрятанными под панцирем, прискакали как перебежчики со щитами за спиной к римлянам; они вдруг соскочили с коней, бросили под ноги неприятеля щиты и дротики и были приняты в середину строя, затем их отвели в самый тыл и велели там оставаться. Они и не трогались с места, пока сражение не разгорелось и не захватило все внимание сражавшихся; тогда-то подобрав щиты, валявшиеся среди груд убитых, они напали на римский строй с тыла, разя воинов в спину и отсекая поджилки. Потери были велики, но еще больше — страх и сумятица. Кое-где римляне, пере-

пугавшись, бежали, а кое-где бились упрямо, ни на что не надеясь. Карфагенским войском в той части поля, где римляне побежали, командовал Гасдрубал; он вывел из строя нумидийцев, которые сражались вяло, и послал их в погоню за беглецами, а испанских и галльских конников присоединил к африканцам, которые, убивая врагов, уже утомились больше, чем от сражения.

49. В другой части бранного поля Павел, хотя и тяжело раненный в самом начале сражения камнем из пращи, с плотным строем солдат не раз нападал на Ганнибала: охраняемый римскими конниками, он в нескольких местах заставил солдат вновь идти в бой; под конец конники спешили, видя, что у консула уже нет сил справляться с конем. Рассказывают, что Ганнибал, узнав о приказе консула всадникам спешиться, воскликнул: «Лучше б, связав их, привел ко мне!»

Всадники сражались пешими; победа неприятеля была несомненной, однако побежденные предпочитали умирать, не сходя с места, но не бежать. Победители, досадуя на тех, кто мешал полной победе, стали избивать тех, кого отогнать не смогли. Немногих уцелевших, усталых от боя и ран, все-таки отогнали: началось беспорядочное бегство; кто мог, вскакивал на своего коня и несся прочь. Гней Лентул, военный трибун, проезжавший мимо верхом, увидел консула: он, весь в крови, сидел на камне. «Луций Эмилий, — обратился к нему Лентул, — ты один неповинен в сегодняшнем поражении, и боги должны бы тебя пожалеть: пока у тебя есть еще силы, я подсажу тебя на коня и пойду, прикрывая, рядом. Не омрачай этот день еще смертью консула; и так хватит слез и горя». «Хвала твоей доблести, Гней Корнелий, — ответил консул, — не теряй времени, попусту сокрушаясь; его и так мало — спеши, спасайся из вражеских рук. Уходи, объяви всенародно сенаторам: пусть, пока еще не подошел враг-победитель, укрепят Рим и усилят охрану; Квинту Фабию

скажи, Луций Эмилий помнил его советы, пока жил, помнит и теперь, умирая. Меня оставь умирать среди моих павших солдат: я не хочу второй раз из консула стать обвиняемым и не хочу стать обвинителем своего коллеги, чтобы чужою виной защищать свою невиновность». За этим разговором их застигла сначала толпа бегущих, а потом и врагов: не зная, что перед ними консул, они закидали его дротиками; Лентула из переделки вынес коня. Тут повсюду началось общее беспорядочное бегство.

Семь тысяч римлян укрылось в меньшем лагере, десять — в большем, тысяч около двух — в самой деревне, в Каннах; здесь они сразу же были окружены Карфалоном и его конниками, так как деревня не была укреплена. Второй консул, не присоединившись — то ли случайно, то ли намеренно, — ни к какому отряду беглецов, с пятьюдесятью примерно всадниками добрался до Венузии. Убито было, говорят, сорок тысяч пятьсот пехотинцев и две тысячи семьсот конников — граждан и союзников почти поровну. В числе убитых были два консульских квестора, Луций Атилий и Луций Бибакул, двадцать девять военных трибунов, несколько бывших консулов, бывших преторов и эдилов (среди них Гней Сервилий и Марк Минуций, бывший в предыдущем году (221 г.) начальником конницы, несколько лет назад — консулом); убито было восемьдесят сенаторов и бывших должностных лиц, которые должны были быть включены в сенат: люди эти добровольно пошли воинами в легионы. Взято в плен в этом сражении было, говорят, три тысячи пехотинцев и тысяча пятьсот всадников.

50. Такова была битва при Каннах, столь же знаменитая печальным исходом, как и сражение при Аллии, впрочем, по последствиям беда оказалась менее тяжелой из-за того, что враг замешкался, но по людским потерям — и тяжелей и позорнее. Бегство при Аллии предало город, но сохранило войско; под Каннами за бежавшим консулом следовало едва ли и пять-

десять всадников; войско погибшего консула почти все было истреблено.

После битвы. В двух лагерях оказалось множество полувооруженных солдат без военачальников, и из большего лагеря в меньший отправили после с предложением перебраться к ним, пока враги, утомленные сражением и веселым пиром, спят тяжким сном; тогда все римляне единым отрядом уйдут в Канузий. Это предложение одни отвергали совсем: «Почему приглашающие не идут к нам, ведь и так можно присоединиться? Потому, конечно, что своя жизнь им дороже чужой, а опасность велика: вокруг повсюду враги». Другие и согласились бы с предложением, но им не хватало мужества. Публий Семпроний, военный трибун, обратился к воинам: «Вы предпочитаете, чтобы вас взял в плен жадный и жестокий враг, чтобы головы ваши оценивали, чтобы оценщики спрашивали у каждого: «Римский ты гражданин или союзник латин?» и твоим унижением, твоим позором возвышали другого? Конечно нет, если в самом деле вы сограждане консула Луция Эмилия, который предпочел славную смерть позорной жизни, и тех храбрейших мужей, которые горами полегли вместе с ним. Пока не застиг нас рассвет, пока еще большие отряды врагов не преградили нам путь, пробьемся через эту беспорядочную толчею у ворот. Меч и мужество пролагают пути через сомкнутые ряды неприятеля. А этот слабый нестройный отряд мы раскидаем, выстроившись клином — он нам не преграда. За мной, кто хочет спастись сам и спасти отечество».

После этих слов он обнажил меч, построил солдат клином и повел через самую гущу врагов; нумидийцы бросали в них дротики — в правый, ничем не прикрытый бок. Солдаты переложили щиты в правую руку; около шестисот человек добрались до большого лагеря и оттуда, соединившись с другим большим отрядом, направились в Канузий, куда и пришли невредимыми. Побежденные действовали так, скорее по

какому-то душевному порыву, или повинуюсь случайности, чем по обдуманному плану или чьему-либо приказанию.

Аппиан¹ был греком из Александрии, жил во II веке н.э. Он получил римское гражданство и должность прокуратора империи в Египте. Ему принадлежит труд «*Римская история*», охватывающий период от основания Рима до современных ему времен, т.е. до начала II века. Из 24 книг этого произведения целиком сохранились книги 6—7 и 11—17. Книги 1, 5, 8 и 9 известны нам по фрагментам, остальные — пропали. Аппиан использовал топографическо-этнографическую систему, описывая истории отдельных римских провинций или народов. «*Римская история*» — это произведение компилятивного характера, т.е. основанное на более ранних работах римских историков, а также трудах неизвестных авторов. В ней содержится много ошибок и к тому же автор при оценке событий принимает римскую точку зрения. Но несмотря на это труд Аппиана является важнейшим историческим документом.

17. В таком положении были дела Ганнибала, римляне же, глубоко уязвленные размерами поражения Фламиния, как претерпевшие нечто недостойное их и противное разуму и ужасное, и вообще не желая переносить войну, которая велась на их территории, полные гнева против Ганнибала, набрали в Риме четыре легиона воинов и отовсюду собирали союзников, направляя их в Япигию. Они выбрали консулами за военную славу Луция Эмилия, перед тем воевавшего с иллирийцами, а за заискивание перед народом — Теренция Варрона, который с обычным для него тщес-

¹ Аппиан «*Римская история*»/Пер. С.П. Кондратьева// Вестник древней истории. — 1950. — № 3, кн. VII. Война с Ганнибалом, разд. 17—26.

лавию давал им много обещаний. А когда консулов провожали на войну, их просили решить войну битвой и не истощать государство затянувшейся войной, непрерывной военной службой, денежными взносами, голодом и бесплодием опустошенной земли. Они, взяв с собою войско, находившееся в Япигии, и имея всего семьдесят тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников, стали лагерем около одной деревни, называемой Каннами. Ганнибал разбил лагерь напротив римлян. Будучи по природе воинственным и не вынося бездействия, особенно в это время, под давлением недостатка во всем, Ганнибал постоянно выстраивал войско для битвы, боясь, как бы наемники не перебежали из-за неуплаты жалованья или не разбрелись, добывая продовольствие. Поэтому он вызывал неприятеля на сражение.

18. Точка зрения консулов была следующей: Эмилий полагал, что надо медлить, истощая Ганнибала, который не будет в состоянии дальше выдержать вследствие недостатка продовольствия, и не вступать в сражение с полководцем и войском, вышколенным войнами и удачей, Теренций же, как и полагается человеку, заискивающему перед народом, полагал, что надо помнить о том, что наказал им народ, когда они отправлялись на войну, и возможно скорее решить войну битвой. К мнению Эмилия присоединился консул прошлого года Сервилий, еще оставшийся при войске, к Теренцию же — все находившиеся в войске сенаторы и так называемые всадники.¹ Они спорили друг с другом, а Ганнибал, напав на вышедших за сеном или дровами, притворно сделав вид, что он побежден, и вот во время последней стражи² двинул всю массу войска, как будто решил отступить. Видя это, Теренций вывел войско, чтобы преследовать бегущего Ганнибала, хотя Эмилий и тогда отговаривал его от этого намерения. Но так как он не послушался,

¹ Т.е. представители всаднического сословия.

² 3—6 часов утра.

Эмилий сам по себе стал производить ауспиции, как это в обычае у римлян, и, послав к находившемуся уже в пути Теренцию, сказал, что день оказывается неблагоприятным. Тот вернулся, боясь показать, что он не повинуется предсказаниям, но на глазах всего войска рвал на себе волосы и негодовал, как лишенный победы вследствие зависти своего сотоварища. И все войско негодовало вместе с ним.

19. Потерпев неудачу в своей попытке, Ганнибал тотчас же вернулся в лагерь, чем и открыл свой коварный план; однако и это не научило Теренция относиться с подозрением ко всем действиям Ганнибала, но, как он был в оружии, ворвавшись на преторий¹, к тому же в присутствии членов сената, примипилариев и военных трибунов, он обвинял Эмилия, что тот воспользовался гаданиями как предлогом и лишил Рим явной победы, уклонившись из-за трусости или завидуя ему из-за соперничества. Когда он так кричал, охваченный гневом, стоявшее вокруг палатки войско слушало и поносило Эмилия. Последний напрасно приводил разумные доводы находящимся внутри палатки, но так как на сторону Теренция, кроме Сервилия, стали все остальные, он уступил. И на следующий день он сам выстроил войска, предводительствуя ими, ибо Теренций уступил ему это право. Ганнибал это заметил, но тогда не вышел против них (так как еще не сделал надлежащих распоряжений для битвы), на следующий же день оба войска спустились в равнину. Римляне были построены в три ряда, отстоящих друг от друга на небольшое расстояние, причем каждая часть их имела пеших в центре, а легковооруженных и всадников — с обеих сторон. Полководцы же стояли так: в центре Эмилий, на левом фланге Сервилий, Теренций же — с теми, которые стояли на правом фланге, каждый имел при себе по тысяче отборных всадников, чтобы они помогали попавшим в затруднительное положение. Так построились римляне.

¹ Палатка консула.

20. Ганнибал, зная прежде всего, что в этой местности регулярно около полудня начинал дуть юго-восточный ветер, подымавший тучи пыли, занял такое место, где ветер дул бы им в спину; затем он заранее поместил в засаду на холм, поросший кустарником и изрезанный оврагами, всадников и легковооруженных, которым приказал, когда фаланги столкнутся и завяжется горячее дело и когда начнет дуть ветер, оказаться в тылу у неприятеля. А пятистам кельтиберам он велел вдобавок к длинным мечам надеть под одежду другие, более короткие мечи, сказав, что он сам, когда нужно, даст знак, что им делать. Все войско он разделил на три части и всадников поставил на флангах широко растянутым строем, чтобы, если будет возможность, окружить врагов. На правом крыле он поставил своего брата Магона, на другом — племянника Ганнона; середину же он занял сам, так как ему была известна опытность Эмилия. С ним было две тысячи отборных всадников, а Магарбал, имея тысячу других, остался в резерве, чтобы помочь, если увидит, что свои попали где-нибудь в затруднительное положение. Действуя так, он затягивал время до второй половины дня, ожидая, чтобы поскорее начался ветер.

21. Когда и на той и на другой стороне все было приведено в надлежащий порядок, полководцы объезжали ряды, воодушевляя своих, и напоминали о родителях, детях и женах, о бывших раньше поражениях, и говоря, что в этой битве будет решаться вопрос об их спасении; Ганнибал же напоминал о прежних победах над этими же людьми, говоря, что позорно позволить побежденным победить своих победителей. Когда же зазвучали трубы и фаланги подняли крик, сперва легковооруженные стрелки, пращники и камнеметатели с обеих сторон, выбежав на середину, начали между собой сражение, после же них двинулись в бой и фаланги. Много тут было и крови и поту, так как с обеих сторон сражались с воодушевлением. В это время Ганнибал дает знак всадникам окружить вражеские

фаланги, но римские всадники, хотя их было меньше, чем врагов, храбро сопротивлялись им и, растянув свой строй так, что он стал очень тонким, тем не менее бились очень решительно, и особенно те, которые стояли на левом фланге по направлению к морю. Поэтому Ганнибал и Магарбал вместе пустили на них тех всадников, которых имели вокруг себя, считая, что они своим ужасным варварским криком устрашат противников. Но те и этих встретили твердо и без страха.

22. Поскольку и эта попытка потерпела неудачу, Ганнибал дал знак пятистам кельтиберам. Они, выбежав из строя, бросились к римлянам и протягивали им щиты, копья и мечи, которые были у них на виду, как будто они были перебежчиками. Сервилий, похвалив их, тотчас взял у них оружие и поставил их назад в одной, как он думал, одежде; он не считал целесообразным связывать перебежчиков на глазах врагов и не подозревал их, видя их в одних хитонах, да и времени подходящего не было среди такого напряжения боя. Другие отряды ливийцев, подняв сильный крик, сделали вид, что они бегут к горам. Этот крик был знаком для скрывавшихся в оврагах, чтобы они бросились на преследующих. И тотчас же легковооруженные и всадники показались из засады; одновременно поднялся сильный и удушливый ветер с тучей пыли, дуя в лицо римлянам; и это мешало им видеть, что делается впереди у врагов. И удары копий и стрел у римлян во всех отношениях были слабее из-за противного ветра, у врагов же удары были более меткими, так как ветер подталкивал бросаемое ими оружие. Римские же солдаты, не видя ничего перед собой, не могли ни уклоняться от ударов, ни сами как следует бросать, сталкиваясь друг с другом; их ряды приходили в полное замешательство.

23. Тогда, видя, что наступил указанный им момент, те пятьсот кельтиберов, вытащив из-под одежды короткие мечи, убили первыми тех, позади кого

они стояли; затем, схватив их более длинные мечи, щиты и копья, они напали по всей линии, устремляясь от одних на других, не щадя себя; и они-то произвели главным образом наибольшее избиение, так как стояли позади всех. Большие и ужасные беды поразили тогда римлян: с фронта их теснили враги, с флангов они были окружены бывшими в засаде и избивались неприятелем, перемешавшимся с ними. Они не могли повернуться против последних из-за наступавших на них с фронта, да и узнать их было нелегко, так как у них были римские щиты. Сверх всего прочего римлянам особенно мешала пыль, так что они даже не могли понять, что происходит, но, как бывает при замешательстве и страхе, им все представлялось в больших размерах: им казалось, что и бывших в засаде было гораздо больше, также и относительно пятисот: хотя они знали, что их пятьсот, но им казалось, что все римское войско окружено всадниками и перебежчиками; и вот, повернув тыл, они беспорядочно побежали; первыми те, которые были на правом фланге, причем Теренций сам показал им пример к бегству; после же них — стоявшие на левом фланге, начальник которых Сервилий бросился к Эмилию, и около них собрались все лучшие из всадников и пехотинцев, около десяти тысяч.

24. Полководцы, а за ними все, которые были на конях, соскочив с коней, стали сражаться пешими, окруженные всадниками Ганнибала. И много блестящих подвигов совершили они, будучи опытными и храбрыми и, находясь в безнадежном положении, нападая на врагов, исполненные гнева; их истребляли отовсюду, и, разъезжая верхом вокруг них, Ганнибал то подстрекал своих, призывая покончить с этим остатком, чтобы довершить свою победу, то стыдил и упрекал, что, победив такое множество, они не могут одолеть немногих. Римляне же, пока с ними были Эмилий и Сервилий, и нанося сами удары и терпя большой урон, все же оставались в строю; когда же пали их полко-

водцы, они, сильным натиском пробившись через середину врагов, стали разбегаться в разные стороны, одни — в лагери, которых было два, куда уже собрались бежавшие до них; и всех их оказалось около пятнадцати тысяч; Ганнибал, окружив лагерь, поставил к ним стражу; другие — около двух тысяч — бежали в Канны. Эти две тысячи сдались Ганнибалу. Немногие бежали в Канузий, а остальные по одиночке рассыпались по лесам.

25. Таков был конец битвы Ганнибала и римлян при Каннах, начавшейся немного позднее второго часа, закончившейся же незадолго до двух часов ночи; она еще и ныне известна у римлян как великое бедствие, так как в эти часы у них погибло пятьдесят тысяч, большое число было взято в плен живыми, погибли многие из сенаторов и с ними все военные трибуны и центурионы, а из самих полководцев два лучших. Самый же худший, бывший виновником этого несчастья, как только началось бегство, сам первый скрылся. Римляне, воюя уже два года с Ганнибалом в Италии, потеряли из своих граждан и из союзников до ста тысяч человек.

26. Ганнибал, одержав столь блестящую и ценную победу, применив в один день четыре стратегические хитрости: силу ветра, притворный переход перебежчиков, притворное бегство и скрытую в оврагах засаду, тотчас же после боя отправился осматривать убитых и, видя убитыми лучших из своих друзей, застонал и, заплакав, сказал, что ему не нужно другой такой победы. Говорят, что и до него такие же слова сказал Пирр, царь Эпира, который тоже одолел римлян в Италии с подобными же потерями. Из бежавших с поля битвы те, которые собрались в большом лагере, вечером, выбрав себе предводителем Публия Семпрония, прорвались силой через охрану, поставленную Ганнибалом, но заснувшую от усталости, и около полуночи быстро дошли до Канузия в числе около десяти тысяч; пять тысяч же собравшиеся в меньшем лагере, на следующий день были взяты в плен Ганни-

балом. Теренций, собрав остатки войска, попытался подбодрить убитых отчаянием и, поставив им начальником Сципиона, одного из военных трибунов, быстро уехал в Рим.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Фрагменты произведения Полибия¹,
касающиеся военного дела римлян

19. Когда консулы выбраны, избирают военных трибунов, причем четырнадцать избираются из числа тех, которые совершили уже пять годовых походов, а остальные десять — из тех, которые участвовали в десяти таких походах... Что касается остальных граждан, то они обязаны до сорокашестилетнего возраста совершить десять походов в коннице или двадцать в пехоте, кроме тех, имущественный ценз которых ниже четырехсот драхм: эти последние все оставляются для службы во флоте. Впрочем, эти граждане, если обстоятельства к тому вынуждают, обязаны совершить двадцать годовых походов в пехоте. Занять государственную должность никто не может прежде, чем не совершит десять годовых походов.

Когда выбранные в консулы лица пожелают произвести набор, они обязаны заранее в народном собрании назначить день, в который должны явиться в Рим все римляне, достигшие положенного возраста. В назначенный день, когда явятся в Рим и соберутся на Капитолии обязанные служить люди, младшие

¹ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах/ Пер. Ф.Г. Мищенко. Т. 2, кн. VI, разд. 19—42. — М., 1890.

военные трибуны, поставлены ли они народом, или консулами, распределяются на четыре части, потому что у римлян четыре легиона составляют основное и первоначальное деление войска. Избранных первыми четырех трибунов они определяют в так называемый первый легион, трех следующих во второй, следующих четырех в третий и трех последних в четвертый. Что касается трибунов старшего возраста, то двух первых они определяют в первый легион, трех других во второй, двух следующих в третий и трех последних в четвертый.

20. После назначения и распределения трибунов так, что все легионы получают равное число начальников, трибуны потом размещаются вдали друг от друга по своим легионам и кидают жребий по трибам, вызывая одну за другой каждый раз согласно жребию. Из солдат первой по жребию трибы консулы выбирают четырех одинакового приблизительно возраста и сложения. Когда эти солдаты приблизятся к начальникам, из них выбирают, прежде всего, трибуны первого легиона, потом второго, далее третьего и, наконец, четвертого. Когда затем подойдут следующие четверо солдат, выбор начинают трибуны второго легиона и так далее, так что последними выбирают трибуны первого легиона. Когда вслед за этим подойдут новых четверо, первыми выбирают трибуны третьего легиона, а последними второго. Так как в том же порядке выборы производятся от начала до конца, то выходит, что все легионы получают одинаковых солдат. Когда требуемое число солдат выбрано, определяется оно в четыре тысячи двести человек пехоты, или в пять тысяч, если предвидится более трудная война; в старину набирали обыкновенно конницу уже после набора четырех тысяч двухсот человек пехоты; теперь конницу набирают раньше по имущественному списку всадников, составленному цензором; на каждый легион набирается по триста конных воинов.

21. По окончании набора описанным выше способом, подлежащие трибуны собирают новобранцев по

легионам, из числа всех их выбирают пригоднейшего и требуют от него клятву в том, что он будет повиноваться и по мере сил исполнять приказания начальников. Все прочие воины, выступая вперед один за другим, также дают клятву, гласящую, что они будут во всем поступать так, как обязался первый.

В то же время новые консулы уведомляют власти тех италийских союзных городов, от которых желают получить вспомогательные войска, причем определяется количество солдат, назначается день и место, когда и куда должны явиться новобранцы. Города производят набор, приводят новобранцев к присяге приблизительно описанным выше способом и, дав им начальника и квестора, отправляют в путь.

После того военные трибуны в Риме по приведении новобранцев к присяге назначают день и место, когда и куда солдаты каждого легиона должны явиться безоружными, и затем отпускают их. Когда в назначенный день новобранцы соберутся, самых молодых из них и беднейших трибуны зачисляют в легковооруженные, следующих за ними в так называемые гастаты, людей наиболее цветущего возраста в принципы, а старейших в триарии. Таковы у римлян и в таком числе деления каждого легиона, различающиеся не только по названиям и возрастам, но и по роду оружия. Распределение солдат производится таким образом: старейших, так называемых триариев, полагается шестьсот человек, принципов тысяча двести, столько же гастатов, а прочие, самые младшие, образуют разряд легковооруженных. Если число солдат превышает четыре тысячи, соответственно изменяется распределение солдат по разрядам, за исключением триариев, число которых всегда остается неизменным.

22. Самым юным из солдат трибуны приписывают вооружаться мечом, дротиками и легким щитом. Щит сколочен крепко и для обороны достаточно велик. По виду он круглый и имеет три фута в поперечнике. Легковооруженные, кроме того, носят на голове гладкую

шапку, иногда волчью шкуру или что-нибудь в этом роде как для покрытия головы, так и для того, чтобы дать отдельным начальникам возможность отличать по этому знаку храбрых в сражении от нерадивых. Древяно дротика имеет обыкновенно в длину два локтя и в толщину один дюйм. Наконечник его длиною в пядь и так тонок и заострен, что непременно гнется после первого же удара, и потому противник не может метать его обратно; иначе дротиком бы пользовались обе стороны.

23. Воинам второго возраста, гастатам, отдается приказание носить полное вооружение. В состав его, прежде всего, входит щит шириною в выпуклой части в два с половиной фута, а длиною в четыре фута; щит большего размера на одну пядь длиннее. Они склочены из двух досок, склеенных между собой бычьим клеем и снаружи обтянутых сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее, по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от ударов меча и позволяют воину ставить его наземь. Щит снабжен еще железной выпуклостью, охраняющей его от сильных ударов камней, сарис и всякого рода опасных метательных снарядов. Кроме щита в состав вооружения входит меч, который носят у правого бедра и называют иберийским. Он снабжен крепким, прочным клинком, а потому и колет превосходно, и обеими сторонами наносит тяжелый удар. К этому нужно прибавить два метательных копья, медный щит и поножи. Копья различаются тяжелые и легкие. Круглые тяжелые копья имеют в поперечнике пядь, четырехгранные столько же в каждой стороне. Легкое копьё походит на рогатину средней величины, и его носят вместе с тяжелым. Длина древка в копьях обоого рода около трех локтей. Каждое древко снабжено железным наконечником с крючком такой же длины, как и древко. Наконечник соединяется с древком очень прочно и для дела весьма удобно, его запускают в дерево до середины и укрепляют множеством заклепок, потому связь частей не нарушается

от употребления никогда, разве изломается железо; между тем толщина наконечника в основании, там, где он соединяется с древком, всего полтора пальца. Вот какое внимание обращают римляне на связь частей копья. Помимо всего прочего они украшают шлем султаном, состоящим из трех прямых перьев красного или черного цвета почти в локоть длиной. Укрепленные на верхушке шлема перья вместе с остальным вооружением как будто удваивают рост человека и придают воину красивый и внушительный вид. Большинство воинов носит еще медную бляху в пядь шириной и длиной, которая прикрепляется на груди и называется нагрудником. Этим и завершается вооружение. Те из граждан, имущество коих определяется цензорами более чем в десять тысяч драхм, прибавляют к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу. Совершенно так же вооружены принципы и триарии с той только разницей, что триарии имеют копья вместо дротиков.

24. Во всех поименованных выше разрядах легиона за исключением наимладших, трибуны выбираются по личным достоинствам по десять человек в начальники отрядов; затем в каждом легионе производится новый выбор других десяти начальников. Все они называются центурионами, и один из них, выбранный первым центурионом, входит в состав военного совета. Центурионы в свою очередь выбирают сами такое же число помощников себе. Затем трибуны вместе с центурионами делят возрастные отряды, за исключением легковооруженных, каждый на десять частей, причем каждая часть получается из среды уже выбранных двух центурионов и двух помощников. Что касается легковооруженных, то падающее на легион количество их распределяется поровну между частями. Отдельная часть носит у римлян название ордо, манипул, а начальники их — центурионы и начальники отрядов. Начальники, каждый в своем манипуле, выбирают из всех воинов двух человек, самых сильных и храбрых в знаменосцы. Назначение двух начальников в каждом

отряде имеет следующее основание: не зная, как будет действовать начальник, не случится ли с ним чего, между тем военное дело не допускает перерыва, римляне не желают оставлять манипул когда бы то ни было без вождя и начальника. Если оба центуриона на месте, то один из них, выбранный первым, ведет правое крыло манипула, а выбранный вторым — левое; если один из центурионов отсутствует, то остающийся командует всем манипулом. От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не бросались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего дыхания.

25. Равным образом и конницу римляне делят на десять эскадронов, в каждом из них выбирают трех начальников, которые сами назначают себе троих помощников. Эскадронный начальник, выбранный первым, ведет эскадрон, а два других имеют звание десятников; все трое называются декурионами. В отсутствие первого из них эскадроном командует второй. Вооружение конницы в наше время походит на эллинское. В старину первоначально конные воины не имели панцирей и шли в битву опоясанные передниками. Благодаря этому они легко и ловко спешивались и быстро снова вскакивали на лошадь, зато в стычках подвергались большой опасности, потому что дрались обнаженными. Употреблявшиеся тогда копья непригодны были в двояком отношении: они были тонки и ломки, при взмахе большею частью ломались от самого движения лошадей, раньше еще, чем наконечник копья упирался в какой-либо предмет, вот почему воины не могли попадать ими в цель. Потом копья делались с одним только наконечником на верхнем конце, благодаря чему воин наносил только один удар копьем, затем наконечник ломался, и копье становилось совершенно негодным и ненужным. Римский щит изготовлялся из бычьей кожи, имел форму лепешек с

выпуклостью посередине, какие употребляются римлянами для жертвоприношений. Для отражения ударов щиты эти были неудобны из-за своей непрочности, к тому же от дождей кожа их портилась, сырела, и тогда они становились уже негодными, да и без того не были удобны. Так как вооружение это оказалось непригодным, то римляне переняли вооружение от эллинов. Здесь первый же удар верхним наконечником копья бывает обыкновенно меток и действен, так как копьё сделано прочно и не гнется; к тому же и нижний конец копья, которым можно повернуть его, наносит верный и сильный удар. То же самое и относительно щита, который у эллинов отлично приспособлен для отражения ударов, наносимых издали и вблизи. Римляне сообразили это и вскоре переняли эллинский щит. Так и вообще римляне оказываются способнее всякого другого народа изменять свои привычки и заимствовать полезное.

26. Когда, таким образом, разделение войска произошло, и отданы распоряжения относительно оружия, трибуны отпускают граждан по домам. С наступлением срока, когда все воины в силу общей клятвы обязаны собраться в указанных консулами местах, — обыкновенно консул назначает место сборов для своих легионов, ибо каждому консулу предоставляется часть союзников и два римских легиона, — все неукоснительно являются, ибо для уклонения от присяги не существует никакого оправдания за исключением знамений или непреодолимых препятствий. Когда вместе с римлянами соберутся и союзники, устройство их и начальство над ними принимают на себя назначенные консулом начальники в числе двенадцати человек, именуемые префектами. Из всех наличных союзников они, прежде всего, избирают для консулов в конницу и пехоту наиболее годных для действительной службы, так называемых *extraordinarii*, что в переводе значит отборные. Общее число пеших союзников обыкновенно приравнивается к римской пехоте, а союзническая конница втрое многочисленнее

римской. Из них в разряд отборных начальники принимают около одной трети конницы и пятую часть пехоты. Остальных союзников они разделяют на две части, из коих одна называется правым крылом, другая левым.

После надлежащего завершения этого трибуны принимают под свое начальство римлян и союзников и начинают разбивать лагерь, всегда и везде неизменно соблюдая одни и те же правила в размещении войск. Поэтому, мне кажется, и теперь уже своевременно будет, если мы попытаемся дать читателям, насколько это возможно в письме, понятие о расположении римских войск в походе, на стоянке и боевом строю. Да и в самом деле можно ли быть настолько равнодушным к прекрасным и славным деяниям, чтобы пожелать уделить немного больше внимания подобному предмету. Тем более что достаточно будет раз прочитать написанное, чтобы получить ясное представление о предмете, единственном по своей важности и поучительности.

27. Лагерь римляне устраивают следующим образом: всякий раз, как только площадь для лагеря выбрана, под консульскую палатку отводится место наиболее удобное как за наблюдением за всем лагерем, так равно для отдачи приказаний. Водрузив знамя там, где должна быть поставлена консульская палатка, вокруг знамени отмеряют четырехугольное пространство, причем каждая сторона его отстоит от знамени на сто футов, а отмеренная поверхность площади имеет четыре плетра. Всегда вдоль одной из сторон этого четырехугольника, той именно, с которой ожидается верхнее обеспечение водою и припасами, римские легионы располагаются в таком порядке: в каждом легионе, как мы только что сказали, имеется по шесть трибунов, а каждому из двух консулов подначальны всегда у римлян два легиона; ясно отсюда, что консулов сопровождают в поход непременно двенадцать трибунов. Итак, все палатки трибунов ставят по прямой линии, параллельно отмеченной выше стороны четы-

рехугольника и отстоящей от нее на пятьдесят футов, дабы иметь достаточно места для лошадей, вьючного скота и для прочих запасов трибунов. Упомянутая выше фигура находится позади палаток, которые обращены к наружной стороне четырехугольника; это раз и навсегда мы и будем считать и называть лицевой стороной лагеря. Палатки трибунов находятся на равном расстоянии одна от другой, и непременно на таком протяжении, что захватывают римские легионы во всю ширину.

28. Далее, отмеривается еще пространство в сто футов на всем протяжении палаток трибунов впереди их и, начиная от прямой линии, которая ограничивает эту широкую площадь и идет параллельно палаткам трибунов, возводятся стоянки легионов, причем поступают таким образом: намеченную выше прямую разделяют пополам, в точке деления проводят линию под прямым углом, вдоль которой по обеим сторонам размещают конницу двух легионов, одну против другой, на расстоянии пятидесяти футов, причем отвесная линия проходит как раз посреди промежутка. Палатки для конницы и для пехоты разбивают приблизительно по одному и тому же способу, именно: все пространство, занимаемое как манипулом, так и эскадронам, составляет четырехугольник. Фигуры манипула и эскадрона обращены к проходам и вдоль улиц имеют определенную длину, сто футов; обыкновенно стараются делать ее такую же и в ширину, только не у союзников. Всякий раз, когда употребляются в дело легионы большего состава, соответственно тому увеличивается длина и ширина четырехугольников.

29. Так как стоянка конницы находится против средних палаток трибунов, то этим образуется нечто вроде полосы, идущей под прямым углом к только что упомянутой прямой и к площади перед трибунами. Дело в том, что все проходы между палатками имеют вид улиц, по обеим сторонам коих в длину размещены или манипулы, или эскадроны. Итак, в

тылу конницы, о которой сказано выше, римляне помещают триариев обоих легионов, все теми же четырехугольниками, притом так, что все четырехугольники смежные между собой, и триарии обращены лицом в сторону противоположную от конницы. При этом ширина каждого манипула триариев наполовину меньше длины, ибо и сам состав триариев обыкновенно наполовину малочисленнее прочих родов оружия. Вот почему хотя число солдат часто бывает не одинаково в манипулах, тем не менее все манипулы одинаковой длины и разнятся только в ширину. Потом на расстоянии пятидесяти футов от триариев обоих легионов, напротив них располагаются принципы. Так как и эти последние обращены лицом к упомянутым выше свободным промежуткам, то опять образуется две улицы, и обе начинаются и открываются у той самой прямой линии, что и улицы конных воинов, именно от площади перед трибунами во сто футов ширины, оканчиваются эти улицы на стороне лагеря противоположной трибунам, которую мы с самого начала приняли за лицевую сторону всего лагеря. Вслед за принципами, спиною к ним и лицом в противоположную сторону, помещаются гастаты на смежных стоянках. Так как согласно первому объяснению все части легиона имеют по десять манипулов, то все улицы получают одинаковое протяжение и все оканчиваются у лицевой стороны лагеря, к ней же обращены и крайние манипулы.

30. Снова отступив пятьдесят футов от гастатов, напротив них располагается союзническая конница, начинаясь от той же самой прямой линии, что и гастаты, и у одной с ними кончаясь. Число союзников, как я сказал выше, в пехоте такое же, как и в римских легионах, за вычетом отборных, союзническая конница вдвое многочисленнее римской, даже за вычетом третьей части, составляющей отборную конницу. Соответственно большему составу увеличивают ширину стоянки союзнической конницы, длину стараются сохранить за ними одинаковую с римскими легионами.

Когда все пять проходов образовались, помещают манипулы союзнической пехоты с соответственным расширением их стоянки, в направлении обратном тому, в каком стоит конница, так что эти манипулы обращены лицом к валу и к обеим боковым сторонам лагеря. В каждом манипуле, в обеих частях лагеря, первые палатки занимают центурионы. Разбивая лагерь вышеописанным способом, римляне при этом оставляют с обеих сторон между шестым и пятым эскадронам промежутки в пятьдесят футов, то же самое и в манипулах пехоты. Благодаря этому получается новый проход посередине лагеря, поперек пересекающий выше упомянутые улицы и параллельный палаткам трибунов. Его называют пятым, так как он тянется вдоль пятых отрядов.

31. Пространство, находящееся в тылу палаток трибунов и с обеих сторон прилегающее к стоянке консула, отводится с одной стороны под площадь, с другой под квартиру квестора с находящимися при нем запасами. Позади крайних палаток трибунов по обеим сторонам их и как бы под углом к ним располагаются конные воины, выделенные из отборных, и часть добровольцев, идущих в поход из расположения к консулам, все они находятся у боковых сторон лагеря и обращены по одной стороне к квартире квестора, по другой — к площади. Обыкновенно эти воины не только в лагере помещались вблизи консулов; они и в походах, и всегда, когда нужно, находятся при консуле или квесторе и оказывают им всевозможные услуги. Спиною к этой коннице, лицом к валу расположены пешие воины, обязанные такою же службой, как и те конные. Тотчас за ними оставлен свободный проход в сто футов шириною, параллельный палаткам трибунов, тянувшийся по другую сторону площади, консульской квартиры, квесторской, вдоль всех поименованных выше частей лагеря. По верхней стороне этого прохода расположены стоянки отборной союзнической конницы, обращенные к площади, к консульской квартире и квесторской. Посередине стоянки этой конницы

прямо против консульской палатки оставляется проход в пятьдесят футов, ведущий к обратной стороне лагеря под прямым углом к только что упомянутой широкой улице. Далее, позади этой конницы занимает место отборная пехота союзников, лицом к валу и к задней стороне всего лагеря. Остающееся по обоим сторонам ее свободное пространство у боковых сторон лагеря отводится для иноземцев и случайно прибывающих союзников.

При таком расположении весь лагерь имеет вид равностороннего четырехугольника, а проложенные в нем улицы и прочее устройство уподобляет его городу. Палатки со всех сторон удалены от вала на двести футов. Это свободное пространство доставляет большие и разнообразные удобства. Так, оно весьма пригодно для вступления в лагерь войска и выступления из него, ибо отдельные части, каждая своей улицей, выходят по этому свободному пространству, и поэтому солдаты не сталкиваются на одной дороге, не опрокидывают и не топчут друг друга. Сюда же римляне уводят захваченный скот, сносят взятую у неприятеля добычу, что и находится здесь под верной охраной в ночную пору. Но — что самое важное — благодаря этому к солдатам за весьма редким исключением при ночных нападениях не попадают ни огонь, ни металлические снаряды: все это на значительном расстоянии от палаток не причиняет солдатам почти никакого вреда.

32. Когда определена численность пехоты и конницы по двоякому расчету, состоит ли каждый легион из четырех, или пяти тысяч человек, когда показаны также ширина, длина и численность состава манипулов, когда наконец определены величины внутренних проходов и широких улиц, и выяснены все прочие подробности, всякий желающий легко может определить размеры занимаемого лагерем пространства и весь объем стоянки. Если только число союзников бывает больше обыкновенного с самого начала похода, или потом с присоединением случайных союзников, тогда

этим последним римляне отводят сверх того помещения, о котором сказано выше, еще и свободные места близ консульской палатки, причем сокращается, насколько возможно, то пространство, которое назначается под площадь и квартиру квестора.

Союзникам, участвующим в походе с самого начала, если число их слишком велико, римляне отводят еще одну полосу справа и слева от римских легионов параллельно боковым сторонам лагеря, и это сверх мест, уже ранее отведенных. Если все четыре легиона с обоими консулами во главе соединены бывают в одной стоянке, то их следует представлять себе не иначе, как в виде двух армий, которые расположены только что описанным способом и обращены в противоположные стороны: причем армии соприкасаются между собою теми частями, которые заняты отборными войсками обоих легионов, теми самыми войсками, которые по нашему описанию обращены лицом к тылу всего лагеря. Тогда фигура стоянки получается удлиненная, а вся окружность в полтора раза. Так устраивается лагерь всегда в том случае, если оба консула имеют общий лагерь. Если же они располагаются отдельно, все остается в том же виде, только площадь, квартира квестора и палатка консула помещаются в середине между двумя армиями.

33. После окончания строительства лагеря трибуны собираются вместе и приводят к присяге одного за другим всех свободных и рабов. Присяга гласит: «Ничего не воровать в лагере и доставлять трибунам все, что бы кто не нашел». Вслед за этим трибуны назначают в каждом легионе два манипула из принципов и гастатов для содержания в порядке площади перед палатками трибунов. Так как огромное большинство римлян проводит все время дневного пребывания в лагере на этой улице, то они постоянно следят за тем, чтобы она тщательно поливалась и чистилась. Что касается прочих восемнадцати манипулов, то каждый трибун получает по жребью три из них; как мы только что объясняли, на такое именно

число манипулов делятся гастаты и принципы в каждом легионе, а трибунов в легионе шесть, каждый из трех манипулов по очереди исполняет при трибуне следующего рода службу: после разбивки лагеря они ставят палатку трибуна, вокруг нее расчищают место и, если бы ради сохранности потребовалось огородить часть вещей трибуна, обязаны позаботиться и об этом. Эти же манипулы предоставляют два сторожевых поста из четырех человек каждый; двое из них исполняют сторожевую службу перед палаткой, а двое других позади ее при лошадях. Так как в распоряжении каждого трибуна находятся три манипула, а в каждом манипуле числится более ста человек, не считая триариев и легковооруженных, эти подобной службы не несут, — то служба их не тяжела, потому что каждый манипул исполняет ее лишь через три дня на четвертый; между тем она доставляет необходимые удобства трибунам и придает почет и значение их званию. Манипулы триариев освобождаются от службы при трибунах, зато каждый из них ежедневно предоставляет стражу стоящему за ними эскадрону. Все подлежат надзору стражи, но больше всего она наблюдает за лошадьми из опасения, как бы они не запутались в веревках и не стали из-за этого негодными к службе, как бы они не сорвались с привязей, не кинулись одна на другую и не произвели бы шума и смятения. Наконец ежедневно, поочередно один из всех манипулов находится при консульской палатке как для охраны консула от покушений, так и для придания важности его званию.

34. Что касается проведения рва и сооружения вала, то работы эти с двух сторон лагеря, с тех именно, на которых помещаются оба крыла союзников, возлагаются на союзников; на двух других сторонах, по легиону на каждой, работают римляне. Работа на каждой из сторон лагеря распределяется между манипулами, наблюдают за нею по отдельным участкам центурионы, а общая оценка работы по всей линии про-

изводится двумя трибунами. На трибунах же лежат и все прочие заботы о стоянке, именно: в течение шести месяцев трибуны чередуются по двое, которым и принадлежит власть в двухмесячный промежуток времени; те же самые трибуны, на коих пал жребий, стоят во главе войска и в сражении. Точно такая же очередь в командовании соблюдается и среди префектов союзников. На рассвете всадники и центурионы являются к палаткам трибунов, а трибуны — к консулам. Консул отдает все нужные приказания трибунам, трибуны сообщают их всадникам и центурионам, а эти последние, когда приходит пора исполнить приказания, передают их остальному войску.

Во избежание ошибки в передаче ночного пароля римляне поступают так; в каждом роде оружия, в десятом манипуле или эскадроне, занимающем крайнее место в полосе, выбирается один солдат, освобождаемый от службы на сторожевом посту. Ежедневно с заходом солнца он является к палатке трибуна, получает пароль, который начертан на дощечке, и удаляется обратно. По возвращении к своему отряду солдат при свидетелях вручает дощечку с паролем начальнику ближайшего отряда, а тот таким же образом следующему. Так точно поступают и все прочие начальники, пока пароль не достигает первых отрядов, ближайших к трибунам. Табличка должна быть возвращена трибунам еще засветло. Если возвращены все выданные таблички, трибун знает, что пароль объявлен всем отрядам, что он обошел всех прежде, чем вернуться к нему. Если какой-нибудь таблички недостает, трибун тотчас производит расследование, зная по надписям, от какого отряда табличка не поступала, и виновный в задержании таблички подвергается установленному наказанию.

35. Ночную стражу римляне устраивают так: консула и его палатку охраняет расположенный рядом манипул, а палатки трибунов и эскадроны конницы, выделенные из каждого манипула отряды, о чем сказано выше. Точно так же имеется стража при каж-

дом манипуле; ее поставляют из своей среды все солдаты отряда. Прочие сторожевые посты назначает консул. Обыкновенно при квесторе бывает три сторожевых поста, а при каждом из легатов и советников по два. Наружная сторона лагеря занята легковооруженными, которые стоят на страже вдоль всего вала изо дня в день. Такова возлагаемая на них служба. Они охраняют и лагерные ворота, располагаясь по десять человек у каждых ворот. Младшие начальники манипулов приводят вечером к трибуну по одному от всех сторожевых постов тех солдат, назначенных в стражу, которые заступают в первую смену. Всем этим солдатам трибуны выдают таблички со значками, очень маленькие, по одной на сторожевой пост; по получении табличек солдаты отправляются на свои посты.

Объезд сторожевых постов доверяется коннице. Первый центурион в каждом легионе обязан ранним утром отдать приказание одному из своих помощников, дабы еще до завтрака были уведомлены четыре солдата его собственного эскадрона, которые должны совершить объезд. Потом, к вечеру он же обязан дать знать начальнику ближайшего эскадрона, что на следующий день его очередь организовывать объезд. По получении сообщения третий начальник обязан распорядиться о том же на третий день, и так далее. Четыре солдата первого эскадрона, которых выбрали помощники центуриона в объезд, по жребию распределяют между собой сторожевые смены, затем отправляются к трибуну и получают от него расписание того, в какие часы и сколько сторожевых постов им нужно объехать. После этого четыре солдата становятся на страже подле первого манипула триариев, в обязанности центуриона коей входит подача сигнала трубою каждой смене стражи.

36. Когда приходит пора, конный солдат, попавший по жребию в первую смену, начинает объезд с несколькими друзьями в качестве свидетелей. Они объезжают все упомянутые посты, не только те, что сто-

ят у окопов и лагерных ворот, но и все те, что подле манипулов и эскадронов. Если стражу первой смены он найдет бодрствующей, то отбирает у нее табличку, если застанет ее спящею или не найдет кого-либо из стражи на месте, то зовет спутников своих в свидетели и идет дальше. Точно так же поступают объезды и следующих смен. Ежедневная забота о том, чтобы каждая смена возвещалась сигнальной трубой, благодаря чему существовало согласие между дозором и сменой, лежит, как я только что сказал, на центурионах первого манипула триариев обоих легионов.

Каждый дозор на рассвете доставляет трибуну дощечку. Если дощечки сданы все, столько, сколько взято их, дозорные удаляются обратно, и никто не отвечает. Если же кто из них возвращает дощечек меньше, чем было сторожевых постов, то по начертаниям на дощечках трибун узнает, от какого поста дощечка не доставлена. Когда этот пост обнаружен, трибун велит позвать соответствующего центуриона, а этот последний вызывает назначенных на стражу солдат, которым и дается очная ставка с дозором. Если вина падает на стражу, дозорные тут же и доказывают ее при помощи свидетельских показаний своих спутников: они обязаны сделать это, ибо в противном случае обвинение падает на дозор.

37. Тотчас собирается совет трибунов, который и судит. В случае обвинения виновный подвергается наказанию палками. Наказание это производится приблизительно так: трибун берет палку и ею как бы только касается осужденного; вслед за ним все легионеры бьют его камнями и палками. Наказуемых забивают большею частью до смерти тут же, в самом лагере, а если кто-нибудь и выходит еще живым, то не на радость себе. Да и какая ему радость, если возвращение на родину ему запрещено и никто из родственников не осмелится принять такого человека в своем доме. Поэтому раз постигло кого подобное несчастье, он погиб бесповоротно. Та же участь угрожает помощнику центуриона или самому центурио-

ну, если они своевременно не дали надлежащих указаний, первый — дозорным, второй — начальнику ближайшего эскадрона. Благодаря беспощадной строгости наказания ночная охрана у римлян исполняется неукоснительно.

Солдаты обязаны повиноваться трибунам, а трибуны консулам. Во власти трибуна или у союзников префекта налагать денежную пеню, брать в залог, сечь розгами. Наказанию палками подвергается также тот, кто утащит что-либо из лагеря, даст ложные показания, а равно молодой человек, провинившийся в мужеложестве, наконец, всякий, кто трижды был наказан за одну и ту же вину. Таковы деяния, наказуемые у римлян как преступления. Трусостью и позором для солдата римляне считают проступки вот какого рода: если кто ради получения отличия ложно припишет себе перед трибунами доблестный подвиг, потом если кто по трусости покинет пост, на который он поставлен, или тоже по трусости бросит какое-либо оружие в пылу битвы. Вот почему иные солдаты, стоя на посту, обрекают себя на верную смерть и ввиду гораздо более многочисленного неприятеля не решаются покидать свои посты из страха наказания, которое ждет их по возвращении с поля битвы. Другие, потерявшие в сражении щит или меч, или какое-нибудь иное оружие, кидаются как безумные в ряды неприятелей или в надежде обрести потерянное, или в сознании, что только смерть может избавить их от неизбежного позора и обид от своих же товарищей.

38. Если иной раз попадает в одну и ту же беду довольно большое число солдат, если под натиском неприятеля целые манипулы покидают свои места, то римляне не имеют обыкновения подвергать наказанию палками или смертью всех виновных. Выход из этого положения они находят в одно и то же время и удобный, и устрашающий, именно: трибуны собирают легион, вперед выводят солдат, покинувших свои места, и жестоко укоряют их, а затем из числа

всех, проявивших трусость, выбирается по жребию пять-десять-двадцать человек, словом, в каждом случае столько, чтобы получилось около десятой доли всех виновных, и тогда тех, на кого падет жребий, подвергают беспощадному наказанию палками, как оно описано нами только что, остальным велют выдавать положенную меру ячменя вместо пшеницы, палатки их приказывают ставить за окопами, ограждающими лагерь. Так как страх и опасность попасть под жребий, решение которого всегда неизвестно, висят равно над всеми, так как далее никто не защищен от позора получать в пищу ячменный хлеб, то такой обычай составляет действенную меру и устрашения солдат, и восстановления понесенных потерь.

39. Так же прекрасно римляне умеют возбуждать отвагу в солдатах. Так, если было какое дело и некоторые солдаты отличились в нем храбростью, консул созывает на собрание все войско и ставит возле себя тех солдат, которым молва приписывает выдающиеся подвиги. Сначала он произносит похвальное слово о заслугах каждого воина отдельно и обо всем, что было в его жизни достойного доброй памяти, затем дарит солдату, ранившему неприятеля, копье, солдату, убившему врага и снявшему с него доспехи, дарит чашу, если он пеший, или конскую сбрую, если он конный; прежде впрочем дарилось только копье. Однако награды даются не тогда, когда воин ранил несколько врагов или снял их доспехи в правильной битве или при взятии города, но тогда только, когда враги ранены или убиты в легкой стычке и вообще при таких обстоятельствах, которые нисколько не обязывали отдельных воинов отважиться на опасность, и в которых солдаты по доброй воле и собственному побуждению шли в дело. Золотым знаком консул награждает солдат, которые при взятии города первые взойшли на стену. Он отличает наградами и тех из римлян или союзников, которые в битве прикрыли кого-либо щитом и тем спасли его. Спасенные также награжда-

ют своих спасителей венком или по собственному побуждению, или, если этого не сделают, то по судебному приговору трибунала. Да и всю жизнь спасенный чтит своего спасителя как отца и обязан угождать ему во всем как родителю. Такого рода поощрения побуждают к соревнованию в военной доблести не только свидетелей и очевидцев, но и остающихся дома граждан. Ибо солдаты, удостоенные наград, помимо того, что слава о них идет в лагерь и сейчас же достигает родины, участвуют в торжественных процессиях со знаками отличия: носить подобные украшения может тот лишь, кого консул наградил ими за доблесть; в домах своих они кладут снятые с неприятеля доспехи на самых видных местах, как память и свидетельство своей доблести. При столь внимательном и заботливом отношении к военным наградам и наказаниям, не удивительно, если военные предприятия римлян увенчиваются блестящими успехами.

Что касается жалования, то пешие воины получают в день два обола, центурионы вдвое больше, а конные воины по драхме. Хлебом пешие воины получают около двух третей аттического медимна пшеницы за месяц, конные воины по семь медимнов ячменя и по два пшеницы, союзники же пешие получают столько, как и пешие римляне, а конница по одному медимну с третью пшеницы и по пять медимнов ячменя. Содержание это выдается союзникам в дар; с римлян квестор вычитает по установленной цене из жалованья за хлеб, одежду, за оружие, если кто нуждается в нем.

40. Снятие со стоянки производится у римлян так: с первым сигналом все разбирают палатки и складывают пожитки; при этом никому не дозволяется снять, равно как и раскинуть свою палатку раньше палаток трибунов и консулов. По второму сигналу солдаты выючат животных, с третьим сигналом передние ряды снимаются с места, и весь лагерь приходит в движение. Обыкновенно во главе движения римляне ставят отборных; за ними следует правое крыло союз-

ников в сопровождении обоза тех и других. Дальше, сопровождаемый собственным обозом едет первый легион римлян; за ним следует второй легион со своим обозом и с пожитками тех союзников, которые поставлены в тылу армии; движение замыкается левым крылом союзников. Что касается конницы, то частью она идет в тылу отрядов, к коим причислена, частью следует по бокам вьючных животных для того, чтобы держать их в сборе и защищать от нападений.

Если нападение ожидается с тыла, то все остается в том же порядке, только отборные из союзников замыкают собою движение, а не идут впереди. Положение каждого легиона и каждого крыла то впереди, то сзади меняется через день, дабы все войска, занимая попеременно первое место в походе, в равной мере пользовались выгодами — запастись водой и съестными припасами еще не тронутыми. Впрочем в таких случаях, когда грозит опасность со стороны неприятеля, римляне совершают поход в ином порядке, именно: двигаются тремя параллельными рядами гастаты, принципы, и триарии, причем обоз первых манипулов помещается впереди всего, за первыми манипулами следует обоз вторых, за вторыми — третьих, в том же порядке чередуются все обозы и манипулы. Такой походный строй дает войску возможность на случай какой-либо опасности выдвигать манипулы вперед из обозов и, поворачивая их то влево, то вправо, ставить против неприятеля. Таким образом все войско тяжеловооруженных в короткое время одним движением выстраивается в боевой порядок, если только не нужно выдвинуть вперед и гастатов. Вьючные животные и следующая за лагерем толпа находятся под прикрытием боевой линии, самим положением достаточно защищены от опасности.

41. Когда войско во время похода приближается к месту стоянки, трибун и несколько центурионов, для этого каждый раз выбираемые, отправляются впе-

ред. Они исследуют всю местность, где должен быть разбит лагерь, и на ней прежде всего выбирают ту часть, на которой согласно вышесказанному должна находиться палатка консула, и на окружающем эту палатку пространстве определяют, в каком направлении и по какой стороне должны быть размещены легионы. Когда это решено, они отмеряют площадь вокруг консульской палатки, проводят затем прямую линию, на которой должны быть поставлены палатки трибунов, потом параллельную ей линию, начиная от которой и располагаются легионы на стоянку. Равным образом размечается линиями и та и другая часть пространства вокруг палатки, о которой подробно и обстоятельно мы говорили выше. Измерения производятся легко, все расстояния определены раз и навсегда, поэтому работа выполняется быстро. Вслед за этим вколачивается первое знамя на том месте, где должна помещаться консульская палатка, потом второе на отмеченной заранее стороне лагеря, третье посередине линии, занятой палатками трибунов, четвертое на той линии, начиная от которой расставляются легионы. Все знамена красного цвета, только консульское белое. На противоположной стороне стоянки вколачиваются или одни копьа, или знамена, только других цветов. Как только эта работа кончена, римляне проводят улицы и на каждой из них вбивают по знамени. Отсюда само собой следует, что, когда легионы приближаются к месту стоянки и начинают различать его, для них все тотчас делается ясно; они руководствуются в своих соображениях знаменем военачальника. Таким образом, при неизменном размещении воинов на одних и тех же местах стоянки, каждый в точности знает и улицу, и ту часть ее, где должна находиться его палатка; все происходит приблизительно так, как если бы войско входило в другой город. В самом деле, в городе воины, разделившись у ворот, быстро идут дальше своей дорогой и безошибочно попадают в свои жилища, ибо всякий из них хорошо знает, в какой части города находится

его жилище. Нечто подобное бывает обыкновенно и при расположении воинов в римском лагере.

Для римлян в устройении лагеря важнее всего удобства, почему они в этом деле применяют, как мне кажется, способ противоположный эллинскому, именно: эллины при устройении лагеря имеют в виду прежде всего занятие местности, укрепленной самою природой, с одной стороны, желая избежать трудностей по возведению окопов, с другой — воображая, что никакие искусственные ограждения по степени крепости не сравнятся с теми, какие даны от природы. Поэтому-то для них неизбежно соотноситься со свойствами местности, меняя общую фигуру всей стоянки и отдельные части ее располагать то здесь, то там в зависимости от местности. Вот почему в стоянке эллинов нет определенных мест ни для отдельных воинов, ни для целых частей войска. Римляне напротив предпочитают выносить труды по проведению рва и по другим сопутствующим работам, лишь бы облегчить устройство стоянки и лишь бы расположение ее было известно солдатам и оставалось всегда неизменным.

Вот важнейшие сведения, касающиеся римских легионов и в особенности римского лагеря.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Гамилькар. Репр. из: G.Ferrero. Wielkość i upadek Rzymu, t. I. Poznań brw.
2. Ганнибал. Репр. из: G. Picard. Hannibal. Warszawa, 1971.
3. Бюст Ганнибала. Репр. из: Appian z Aleksandrii. Historia rzymska, t. I. Wrocław, 1957.
4. Пеший легионер в боевом снаряжении. Репр. из: M. Simkins. The Roman Army from Caesar to Trajan. Reading, 1974.
5. Пешие легионеры в походной экипировке. Репр. из: M. Simkins. The Roman Army from Caesar to Trajan. Reading, 1974.
6. Воин-знаменосец легионерной пехоты в боевом одеянии со знаком своего отряда. Репр. из: M. Simkins. The Roman Army from Caesar to Trajan. Reading, 1974.
7. Воин-знаменосец вспомогательных войск римских союзников в боевом одеянии со знаком своего отряда. Репр. из: M. Simkins. The Roman Army from Caesar to Trajan. Reading, 1974.
8. Римский трубач-сигнальщик в боевом одеянии. Репр. из: M. Simkins. The Roman Army from Caesar to Trajan. Reading, 1974.
9. Пеший римский легионер (рядом два вида копий). Репр из: P. Connolly. The Roman Army. London, 1976.
10. Римский воин-знаменосец, несущий знак легиона в виде орла. Репр из: P. Connolly. The Roman Army. London, 1976.

11. Солдаты из отдельных линий римского легиона, слева — триарий, справа — гастат либо принцип. Репр из: P. Connolly. *The Roman Army*. London, 1976.

12. Офицер римской конницы. Репр.: из M. Simkins. *The Roman Army from Caesar to Trajan*. Reading, 1974.

13. Верховный главнокомандующий римской армии (консул). Репр. из: M. Simkins. *The Roman Army from Caesar to Trajan*. Reading, 1974.

14. Модель римского метательного орудия (онагр). Репр из: G. Webster. *The Roman Imperial Army*. London, 1969.

15. Модель римского метательного орудия (катапульта). Репр из: G. Webster. *The Roman Imperial Army*. London, 1969.

16. Щит пешего римского легионера. Репр. из: M. Simkins. *The Roman Army from Caesar to Trajan*. Reading, 1974.

17. Обозы римской армии. Репр. из: J. Kromayer i G. Veith. *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*. München, 1968.

18. Знаки легиона и манипулов. Репр. из: G. Webster. *The Roman Imperial Army*. London, 1969.

19. Римский военный корабль. Репр. из: O. Jurewicz i L. Winniczuk. *Starożytne Grecy i Rzymianie w życiu prywatnym i państwowym*. Warszawa, 1968.

20. Абордаж с помощью абордажного мостика. Репр из: P. Connolly. *The Roman Army*. London, 1976.

21. Римская армия на марше, переправа через реку. Репр. из: J. Kromayer i G. Veith. *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*. München, 1968.

22. Военный поход. В нижнем ряду — работа римских солдат в лагере. В верхнем — марширующие отряды легионеров. Репр. из: K. Kumaniecki. *Historia kultury starożytnej Grecji i Rzymu*. Warszawa, 1964.

23. Битва. Репр. из: G. Webster. *The Roman Imperial Army*. London, 1969.

24. Солдаты вспомогательных войск римских союзников. Репр. из: G. Webster. *The Roman Imperial Army*. London, 1969.

25. Награды за военную храбрость. Репр. из: O. Jurewicz i L. Winniczuk. *Starożytny Grecy i Rzymianie w życiu prywatnym i państwowym*. Warszawa, 1968.

26. Родан (Пона) в месте переправы Ганнибала. Репр. из: J. F. Lazedny. *Hannibal's War. A military history of the Second Punic War*. Warminster, 1978.

27. Ущелье — вероятное место засады Ганнибала на аллоброгов. Репр. из: J. F. Lazedny, *Hannibal's War. A military history of the Second Punic War*. Warminster, 1978.

28. Альпийский перевал, который переходила армия Ганнибала. Репр. из: J. F. Lazedny. *Hannibal's War. A military history of the Second Punic War*. Warminster, 1978.

29. Место Каннского сражения. Репр. из: T. Liwiusz, *Dzieje Rzymu od założenia miasta*. Wrocław, 1974.

30. Возвышенность, на которой стоял древний замок в Каннах. Репр. из: J. F. Lazedny. *Hannibal's War. A military history of the Second Punic War*. Warminster, 1978.

31. Гора Тифата, на которой Ганнибал организовал свою зимнюю квартиру. Репр. из: J. F. Lazedny. *Hannibal's War. A military history of the Second Punic War*. Warminster, 1978.

32. Клавдий Марцелл, завоеватель Сиракуз. Репр. из: G. Ferrero. *Wielkość i upadek Rzymu, t. I. Poznań brw*.

33. Архимед перед лицом смерти. Репр. из: T. Liwiusz. *Dzieje Rzymu od założenia miasta*. Wrocław, 1974.

34. Боевой слон. Репр. из: G. Picard. *Hannibal*. Warszawa, 1971.

35. Атака карфагенских слонов в битве у Метавра. Репр. из: *The Pictorial History of Battles*. London, 1974.

36. Публий Корнелий Сципион. Репр. из: *Appian z Aleksandrii. Historia rzymska, t. I*. Wrocław, 1957.

37. Ганнибал находит голову своего брата Гасдрубала, убитого в сражении у Метавра. Репр. из: *The Pictorial History of Battles*. London, 1974.

ЛИТЕРАТУРА

Adcock F.E. *The Roman Art of War under the Republic*, Cambridge, 1940.

Appian z Aleksandrii. *Historia rzymska*, przekład i oprac. L.Piotrowicz, t. I. Wrocław, 1957.

Audisio G. *Hannibal*. Paris, 1961.

Beer G. de. *Alps and Elephants. Hannibal's March*. London, 1955.

Cornelius F. *Cannae. Das militärische und das literarische Problem*. Leipzig, 1932.

Delbrück H. *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*, Bd. I, *Das Altertum*. Berlin, 1964.

Görlitz W. *Hannibal. Der Feldherr, der Staatsmann, der Mensch*. Leipzig, 1935; *Hannibal. Eine politische Biographie*. Stuttgart, 1970.

Groag E. *Hannibal als Politiker*. Wien, 1929.

Hennebert E. *Historie d'Annibal*, 3 vol. Paris, 1870—1878.

Jaczynowska M. *Historia starożytnego Rzymu*. Warszawa, 1974.

Kromayer J., Veith G. *Antike Schlachtfelder*, t. 1—4. München, 1903—1931; *Schlachten-Atlas zur antiken Kriegsgeschichte*. München, 1922; *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*, druk. w *Handbuch der Altertumswissenschaft* hrsg. von W. Otto (IV, 3, 2). München, 1963. S. 288—296.

Lamb H. *Hannibal*. Warszawa, 1962.

Lazenby J. *Hannibal's War. A military history of the Second Punic War*. Warminster, 1978.

Liwiusz Tytus. Dzieje Rzymu od założenia miasta, przekład i opr. M. Brożek. Wrocław—Warszawa, 1974.

Meltzer O., Kahrsted U. Geschichte der Karthager, t. I—III. Berlin, 1870—1913.

Picard Ch. Hannibal. Warszawa, 1971.

Piotrowicz L. Dzieje rzymskie, w: Wielka Historia Powszechna, t. III. Warszawa, 1934.

Plutarch z Cheronei. Żywoty sławnych mężów, przekład M. Brożek, wstęp i komentarz T. Sinko. Wrocław, 1956.

Polibiusz. Dzieje, przekład i opr. S. Hammer, t. I. Wrocław, 1956.

Schlieffen A. von. Cannae. Berlin, 1936.

Torr C. Hannibal Crosses the Alps. Cambridge, 1935.

Webster G. The Roman Army. Chester, 1956.

Wolski J. Historia powszechna. Starożytność. Warszawa, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
Соперничество двух держав	9
Вооруженные силы Рима и Карфагена	27
Решающее столкновение	39
Канны	63
Последний этап	81
Идея каннского маневра	101
Приложение 1	116
Приложение 2	146
Список иллюстраций	169
Литература	172

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Научно-популярное издание

Сикорский Януш

КАННЫ

216 г. до н.э.

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: П.В. Петухов

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.2001.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ
И СРАЖЕНИЯ

КАННЫ

*«Великие битвы и сражения» — серия книг
о величайших и судьбоносных сражениях
лучших армий мира
с древнейших времен до наших дней.*

*Великолепно написанные, фактологически точные,
эти книги доставят истинное наслаждение
настоящим любителям военной истории.*

*Во время второй Пунической войны карфагенская
армия Ганнибала ударами с флангов окружила
и уничтожила 80-тысячную римскую армию.
В этом проявилась гениальность Ганнибала как
полководца. Битва при Каннах уже в древности
считалась непревзойденным образцом военного
искусства. Название «Канны» впоследствии стало
применяться ко всякому крупному бою, приведшему
к окружению и полному разгрому войск противника.
Для широкого круга читателей.*

ISBN 5-17-014472-5

9 785170 144723